

ISSN 0494-7304 0234-7911

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Interlinguistica Tartuensis

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIIRIK 904 ВЫПУСК Основаны в 1893.г.

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ
РЕФОРМЫ

Сборник памяти академика Пауля Аристэ

Interlinguistica Tartuensis

7

ТАРТУ 1990

Редакционная коллегия серии:

Redaktsiooni komitee :

П. Аристе, В.П. Григорьев,
А.Д. Дуличенко, С.Н. Кузнецов,
М. Линнамяги, П. Нурмекунд

P. Ariste, V. P. Grigorjev,
A. D. Dulichenko, S. N. Kuznetsov,
M. Linnamägi, P. Nurmekund

Ответственный редактор серии
и выпуска А.Д. Дуличенко

Pea redaktor
A. D. Dulichenko

Сборник посвящен памяти выдающегося эстонского языковеда Пауля Аристе. Рассматриваются теоретические аспекты интерлингвистического конструирования, специфики структуры и функционирования рационально созданного языка, а также некоторых этнических языков. С интерлингвистической точки зрения весьма интересен эксперимент по реконструкции прусского языка для целей его социализации. Помещен также материал по истории и современному состоянию интерлингвистики.

Предыдущие выпуски серии "Interlinguistica Tartuenssis":

Вып. 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия акад. П.А. Аристе. (УЗ ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982. - 200 с.

Вып. 2. Теория и история международного языка. (УЗ ТартуГУ. Вып. 644). Тарту, 1983. - 123 с.

Вып. 3. История и современное состояние интерлингвистики. (УЗ ТартуГУ. Вып. 671). Тарту, 1984. - 183 с.

Вып. 4. Вопросы общей и частной интерлингвистики. (УЗ ТартуГУ. Вып. 775). Тарту, 1987. - 160 с.

Вып. 5. Интерлингвистическая теория и практика международного вспомогательного языка. (УЗ ТартуГУ. Вып. 791). Тарту, 1988. - 184 с.

Вып. 6. Общая интерлингвистика и плановые языки. (УЗ ТартуГУ. Вып. 858). Тарту, 1989. - 184 с.

Заказы на сборники направлять по
адресу: 202400 Тарту, ул. Тийги,
78-215. Изд-во ТУ.

АКАД. ПАУЛЬ АРИСТЭ
(3.П.1905 - 2.П.1990)

АКАДЕМИК ПАУЛЬ АРИСТЭ
(3.П.1905 - 2.П.1990)

Второго февраля 1990 года, в последний день своего 85-летия, скончался выдающийся эстонский языковед-полиглот, действительный член Академии наук Эстонской ССР, доктор филологических наук, профессор Тартуского университета Пауль Аристэ.

Еще совсем недавно языковедческая общественность республики и страны широко отмечала его 80-летие. Университет выпустил специально академику посвященный том серии "Fennougristica" (1986) с работами по финно-угроведению и общему языковедению, написанными его коллегами, учениками и последователями. И вот теперь приходится печатать сборник его памяти...

Финно-угроведческая деятельность П.Аристэ хорошо известна во всем мире. Значительность его достижений в области финно-угроведения объясняется не только великой человеческой любовью к культурам и языкам финно-угорских народов, но и глубоким пониманием взаимосвязей, исторически складывавшихся между этими народами и другими народами, близкими и далекими. В этом исследователе диалектически сплелись две противоположности: с одной стороны, внимание к самым маленьким народам и языкам, на которых ныне говорит по несколько десятков человек, с другой - постоянное стремление осмыслить глобальные языковые проблемы человечества. В этой связи неслучаен давний интерес П.Аристэ к проблемам международной языковой коммуникации и к науке, ее изучающей, - интерлингвистике. С юности он прекрасно знал наиболее распространенный международный искусственный язык эсперанто. По интерлингвистике и эсперантологии им было написано более двух с половиной десятков работ. П.Аристэ был членом Академии эсперанто, входил в состав редакционной коллегии международного научного журнала "Мировая языковая проблема" (сейчас - "Языковые проблемы и языковое планирование"), издаваемого Центром исследований и документации по мировой языковой проблеме.

В 1982 году в новой университетской научной серии сборников "Interlinguistica Tartuensis" вышел первый том, со-

державный исследования по актуальным проблемам современной лингвистики. Он был посвящен 75-летию академика и отражал его интересы в области науки о международном языке. В 1987 году в Тарту была проведена первая в стране лингвистическая конференция, на которой со вступительным приветственным словом выступил П.Аристе, указавший на давние и устойчивые традиции этой науки в университете, в Эстонии и в стране в целом. П.Аристе как никто другой сумел распознать языковую диалектику нашего мира: наряду с сохранением языков больших и малых народов будет развиваться тенденция к общему средству (или общим средствам) языкового общения. Будут и должны быть языки-мосты. Несколько лет назад он так выразил свое лингвистическое кредо: "... История языковедения показывает, как рискованно порою предлагать какие-либо лингвистические прогнозы. Особая сложность возникает в случае, когда мы говорим о мировой языковой ситуации. И все же изучение ее современного состояния дает возможность высказать наиболее общие предположения. Вероятно, будут развиваться определенные тенденции ко всеобщему языку. Об этом свидетельствует и развитие идеи рационально созданного языка, нейтрального этнически, и выделение некоторых крупных языков на роль международного средства общения. Однако мне думается, что развитие всеобщего языка на основе крупных национальных языков маловероятно - слишком велики социально-экономические, культурно-политические и проч. различия между народами. Есть и другие причины. С другой стороны, полагаю, что многообразие языкового мира сохранится еще долго, несмотря на то, что малые языки постепенно исчезают..." Пусть сохраняется!... Он любил все языки, но был по-особому предан языкам малых народов. В последнем письме от третьего августа 1989 года к автору этих строк П.Аристе писал: "Мое здоровье неважное... Но я сижу за своим письменным столом и занимаюсь финно-угорскими языками, главным образом водским языком". Эстонские и водские слова были последними, сказанные другими из его сведений могиле на кладбище Раади...

С уходом академика П.Аристе прервалась, как нам кажется, последняя живая нить, связывавшая нас с классическим языковедением. С уходом П.Аристе стало как-то неуютно... Берем лишь многочисленными учениками и последователями, продолжавшим заложенные им языковедческие традиции. Ведь для этого П.Аристе жил и творил.

А.Д. Дуличенко

AKADEMIANO PAUL ARISTE
(3.II.1905 - 2.II.1990)

La duan de februaro 1990, en la lasta tago de sia 85-jareco, forpasis la elstara (eminenta) estona lingvisto-poligloto, efektiva membro de la Estona Akademio de sciencoj, doktoro de filologiaj sciencoj, profesoro de la Tartua universitato Paul Ariste.

Ankoraŭ tute antaŭ nelonge la lingvistikaj rondoj de la respubliko kaj lando (Sovetio) vaste celebris lian 80-jariĝon. La universitato eldonis dediĉitan al la akademiano volumon en la serio "Fenno-Ugristica" (1986) kun studoj pri la finno-ugra kaj ĝenerala lingvoscienco, verkita de liaj kolegoj, disĉiploj kaj esploristoj. Kaj nun ni devas publikigi la artikolaron in memoriam ...

La finno-ugrista agado de P. Ariste estis bone konata en la tuta mondo. La signifeco de liaj atingoj kampe de finno-ugristiko estas klarigebla ne nur per la granda homa amo al la kulturoj kaj lingvoj de la finno-ugraj popoloj, sed ankaŭ per la profunda kompreno de la interligoj, historie formiĝintaj inter tiuj popoloj, proksimaj kaj foraj. En ĉi tiu esploro dialektece interplektiĝis la du maloj: unuflanke - atento al la plej malgrandaj popoloj kaj lingvoj, kiujn nun parolas kelkdekoj da homoj, aliflanke - konstanta strebado pripensi la tutglobajn lingvajn problemojn de la homaro. Ĉi-rilate ne estas hazarda la delonga intereso de P. Ariste al la problemoj de la internacia lingva komunikado kaj la scienco ĝin studanta - interlingvistiko. De 1960 li bonege posedis la plej disvastigitan internacian artefaritan lingvon Esperanto. Li aŭtoris pli ol du kaj duonon da dekoj de interlingvistikaj kaj esperantologiaj studoj. P. Ariste estis membro de la Akademio de Esperanto, eniris la redakcian kolecion de la internacia scienca revuo "La monda lingvo-problemoj" (nun "La lingvaj problemoj kaj lingvo-planado") eldonata de la Centro de Esploroj kaj Dokumentado pri la Monda Lingvo-problemo.

En 1982 la nova universitata scienca serio de artikolaroj "Interlinguistica Tartuensis" aperis la unua volumo enhavanta studojn pri aktualaj problemoj de la nuntempa inter-

lingvistiko. Ĝi estas dediĉita al la 75-jariĝo de la akademiano kaj respegulis liajn interesojn kampe de la scienco pri internacia lingvo. En 1987 en Tartu pasis la unua en la lando interlingvistika konferenco, kiun enkonduke salutis P. Ariste, menciinta la delongajn kaj stabilajn tradiciojn de ĉi-scienco en la universitato, Estonio kaj la tuta lando. P. Ariste kiel neniu alia scipovis ekkoni la lingvan dialektikon de nia mondo: kune kun la konservado de la lingvoj de la (mal)grandaj popoloj evoluos ankaŭ la tendenco al komuna(j) de la lingva komunikado. Estos kaj devos esti pontlingvoj. Kelkajn jarojn antaŭe li tiel esprimis sian interlingvistikan kredon: "... La historio de lingvoscienco montras, kiel riske estas fojfoje proponi iajn (ajn) lingvistikajn prognozojn. Apartaj malfacilaĵoj aperas en la kazo, kiam temas pri la monda lingva situacio. Kaj tamen studado de ĝia moderna stato ebligas eldiri la plej ĝeneralajn supozojn. Ŝajne, evoluos tendencoj al la universala lingvo. Pri tio atestas kaj evoluo de la ideo pri racie kreita lingvo, neŭtrala etne, kaj promociiĝo de kelkaj el grandaj lingvoj por la rolo de internaci-komunikada rimedo. Tamen, mi opinias, ke disvolviĝo de la universala lingvo surbaze de grandaj naciaj lingvoj estas malprobabla - sociekonomiaj, kulturpolitikaj kaj aliaj diferencoj inter la popoloj estas tro grandaj. Ekzistas ankaŭ aliaj kialoj. Aliflanke, laŭ mi, la multformeco de la lingva mondo konserviĝos ankoraŭ longe, malgraŭ tio, ke malgrandaj lingvoj iom post iom malaperas ..." Ili konserviĝu. Li amis ĉiujn lingvojn, sed li estis aparte fidela al la lingvoj de malgrandaj popoloj. En la lasta letero al la aŭtoro de ĉi-linioj (1989.08.03) P. Ariste skribis: "Mi fartas iel-tiele ... Sed mi sidas ĉe la skribotablo kaj okupiĝas pri finno-ugraj lingvoj, ĉefe pri la voda". Estonaj kaj vodaj estis la lastaj, kiujn diris aliuloj ĉe lia freŝa tombo en Raadi-tombejo.

Post la forpaso de akademiano P. Ariste ĝiriĝis, ŝajnas al mi, la lasta viva fadeno, liginta nin kun la klasika lingvoscienco. Post la forpaso de P. Ariste iĝis iel malkomforte ... Ni kredas nur, je la multnombraj lernintoj kaj disĉiploj daŭrigantaj lanĉitajn de li lingvistikajn tradiciojn. Ja por tio P. Ariste vivis kaj kreis.

A.D. Duliĉenko

СЛОВО ОБ П. АРИСТЕ

Имя Пауля Аристе излучает свет особой природы: хореической яркостью пронизан этот необычайный сплав апостольской прочности, моцартианского артистизма и какой-то истинно аристократической скромности. Пауль Аристе как бы сочетал в себе уникальные гены Пауля Кереса и Андрея Сахарова. На моей памяти им восхищались ныне тоже покойные Александр Реформатский, Евгений Бокарев и Татьяна Вентцель.

В течение девяти недавних лет я невольно наследовал Паулю Аристе в качестве члена Академии эсперанто. Мне нелегко отделить в себе чувство понятной гордости на произвольную смежность отведенным нам сроков представительства в этой международной академии от сознания своего недостойства такой щедрости судьбы. Этот частный случай метаболизма все же позволяет высказать предположение, что космоглотическая ипостась Пауля Аристе, патриарха нашей интерлингвистики, еще не полностью осмыслена нами.

Десять лет назад я читал в Тарту спецкурс о Велимире Хлебникове. Здесь осуществилась и наша пространственная смежность. Наше неравенство, можно сказать, "прямо по Велимиру", получило локальное равенство: в кафе несколько минут Пауль Аристе говорил со мной по-тыняновски "вплотную и вровень". Разумеется, опять-таки частность. А вот запомнилось на всю жизнь. И сегодня важно понять - почему. В современном обществе имиджей только один имидж невозможно создать никакими нарочными усилиями. Это уже не имидж, а образ неподдельной интеллигентности. Именно таким образ Пауля Аристе и остается в веках. Своим светом наш мэтр, наш Мастер заслужил и покой, и свет.

В конце упомянутого разговора к нашему столику подошел один общий знакомый - филолог, на что мой собеседник мгновенно скамбурил, обыграв его фамилию: *Ĉu vi kopas ĝi-tiun Sendentulon?* В этом не было ни грана пренебрежения к безусловно уважаемому коллеге - был великолепно-непринужденный переход от серьезных тем к *causerie*, к еще одной подкупающей стороне необъятной языковой личности, ее идиостилиа, модельного, как я понял, для "их, тартуских, нравов". В самом деле, это был настоящий Собеседник, в мандельштамовском смысле слова. Всем искренним Пауля Аристе - без различия родных

языков — мои неформальные соболезнование и сочувствие.

И еще один нередко вспоминаемый у нас в семье факт. В конце 50-х годов комплексная этнографическая экспедиция ненадолго остановилась в Гатчине. К одной из участниц, молодой москвичке, подошла цыганка из табора и, в ходе гадания, с такими деталями рассказала ей ее биографию, что прочные мировоззренческие основы той, кого коснулась "рук поющих речь", уже готовы были рухнуть. Конечно же, вскоре выяснилось, что заводилой розыгрыша был тот же многоязычный и раскованный Аристе. Сама по себе и эта частность — лишь слабый отблеск уверенного ощущения огромной внутренней свободы великого лингвиста.

И последнее. Недавно мне, кажется, удалось непротиворечиво сформулировать систему основных языковых прав и принципов языковой политики в современном мире. В ноябре прошлого года Ч.Айтматов даже доложил ее Верховному Совету СССР, причем, почему-то от своего имени. И вот, по контрасту, у меня сейчас возникла такая мысль. Разрешите, дорогой Пауль Александрович, прощаясь с Вами, будущую скромную и очищенную от бесцеремонности публикацию нескольких страничек моих интерлингвистических штудий посвятить Вашей светлой памяти.

Виктор Григорьев

17 февраля 1990 года

ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВО КАК (ИНТЕР)ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Александр Д. Дуличенко

Общее

Современная лингвистическая парадигма складывается из совокупности подходов к языку и стоящих за ними конкретных лингвистических дисциплин. Речь идет о таких составляющих современной лингвистики, как сравнительно-историческое, системно-структурное, типологическое, ареальное языковедение, социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и под. К числу таких составляющих относится и интерлингвистика — языковедческая дисциплина XX века, имеющая, по нашему мнению, безграничные перспективы (специально не говорим о том, что истоки интерлингвистики уходят далеко в прошлое, как, впрочем, и любой другой конкретной лингвистической дисциплины). Перспективность интерлингвистики следует видеть как в том, что перед ней стоит необходимость разработки многочисленных важнейших проблем — а этого достаточно будет для многих поколений, так и в том, что общество всегда будет нуждаться в осмыслении и прогнозировании языковой картины мира. По существу мы только начинаем "всматриваться" в интерлингвистические аспекты нашей жизни. Здесь много еще неясного, и интерлингвист-исследователь каждый раз рискует, образно выражаясь, ступить в *terra incognita*.

Одной из таких *terra incognita* не только в интерлингвистике, но и в лингвистике вообще является проблема языко-творчества. Это не значит, что данная проблема никогда не затрагивалась, что ее не касались языковеды, посвящавшие свои жизни осмыслению такого феномена человеческого существования как язык. Но то, что до сих пор мы не имеем более или менее целостной теории языко-творчества, говорит само за себя. Построение такой теории — задача как интерлингвистики, так и общего языковедения, поскольку вопрос о том, как создается языковое — один из фундаментальнейших в науке о языковом аспекте человека. Кстати, такая спаянность интересов общего языковедения и интерлингвистики как конкретной дисциплины говорит о важности и существенной теоретической значимости последней.

Понятие языкотворчества. Схема языкотворчества

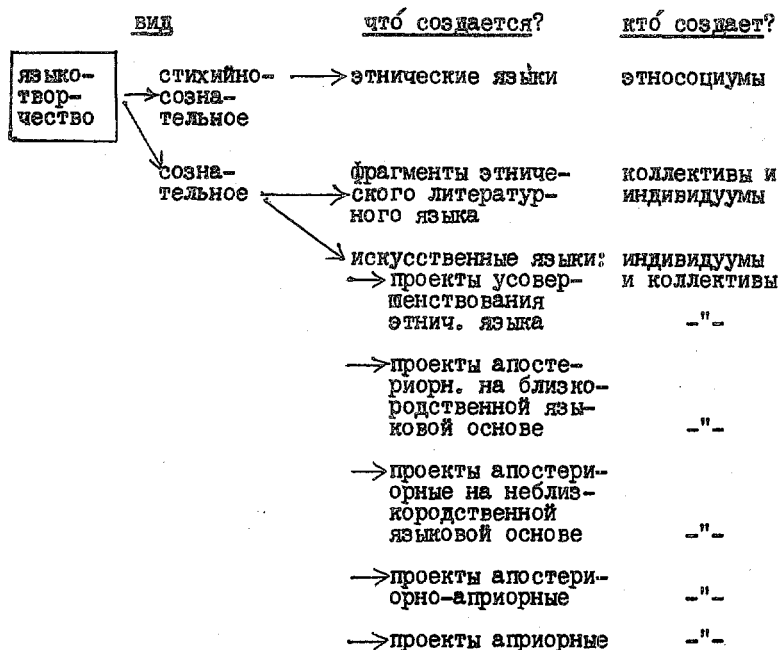
Безуспешно мы будем искать в лингвистических словарях и справочниках найти определение этого фундаментального понятия нашей науки. Как правило, эти издания, в которые входят уже отстоявшиеся понятия и выражающие их термины, проходят мимо него. И сам по себе этот факт говорит о том, что перед нами проблема, ждущая своего всестороннего осмысления на базе и с учетом достижений современного теоретического языкознания.

Дефиниция понятия языкотворчества просматривается в самой структуре термина и может быть выражена синонимическим толкованием типа "построение, создание языкового", при этом "языковое" включает в себя широкий диапазон сущностей — от собственно языка как целостного объекта до создания и внедрения в существующий язык отдельных ("несвоих") блоков и элементов. Здесь важен, таким образом, вопрос: что производится? Для языкотворческого процесса также существенно, как он производится и кто его производит. Говоря о том, как производится этот процесс, мы имеем в виду участие психического и рационального начал в создании языкового; в других терминах это означает установление соотношения стихийного и сознательного. Что же касается того, кто движет языкотворческий процесс, то это очевидно — носители языка, т.е. люди, однако надо иметь в виду, что в одних случаях речь идет о целом этносоциуме, нередко — лишь о коллективе как фрагменте этносоциума, а иногда — просто об индивидуумах. Чем более массовый характер носит языкотворческий процесс, тем больше в нем стихийного, и наоборот: чем он более индивидуален, тем больше в нем рационального.

Наше представление о существе языкотворчества лучше всего можно выразить нижеуказанной схемой.

Важно подчеркнуть также еще один момент, который вырисовывается из нашей схемы: чем ниже мы продвигаемся в столбце "что создается?", тем абстрактнее становятся составляющие этот столбец сущности (объекты), т.е. этнический язык обладает наименьшей степенью абстракции по сравнению с этническим литературным языком (см. об этом ниже), а этот — по сравнению со следующими типами искусственных языков; нижний объект (проекты априорные) являет собою венец абстрагированной языковой системы.

Для интерлингвистики прежде всего важна та линия языко-творческого процесса, которая связана с сознательным, рациональным подходом, а этот подход проявляется: во-первых, по отношению к этническому литературному языку и, во-вторых, в связи с работой над созданием искусственного языка. Однако интерлингвистика не может отрывать объекты своего интереса от продуктов стихийно-сознательного творчества, каковыми в данном случае являются этнические языки. Тенденции, заложенные именно в этих языках, определяют возможности интерлингвистического манипулирования на уровне литературного языка и при конструировании нового языка. Какие же это тенденции? Одна из них для нас очень важна.

Тенденция к совершенствованию и языковому идеалу

Эта тенденция вырастает на почве фундаментального свойства языка — его способности как функционирующей системы к движению, к эволюции его отдельных блоков и отдельных элементов и свойств. Собственно, вся жизнь языка — это движение

его элементов и признаков, происходящее в разное время и в разных участках языкового организма. Причем это движение, вызывающее изменения как формальных (материальных), так и содержательных свойств. Язык, оживая в устах этносоциума, посредством изменений стремится к совершенству, ибо любое изменение возникает причинно, разрешает какое-либо противоречие и устанавливает положение, лучше, чем ранее, удовлетворяющее целям выражения и коммуникации.

Совершенно примечательно, что тенденцию к языковому совершенству (или языковому идеалу) обнаружил еще в начале XIX века основоположник теоретического языкознания Вильгельм фон Гумбольдт в ставшей знаменитой работе "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества" (Гумбольдт), о чем следует сказать несколько подробнее.

По Гумбольдту, "языкотворческая сила в человечестве будет действовать до тех пор, пока она не создаст такие формы, которые всего полнее и совершеннее смогут удовлетворить предъявляемым требованиям" (Гумбольдт, 51). Наблюдая за "вхождением к наиболее удачному строению языков", Гумбольдт считал, что "признаками успешного движения по этому пути [т.е. к совершенству] оказались бы прежде всего четкость и совершенство фонетической артикуляции; затем связанная с этим искусность в образовании слогов и чистоты их расчленения на элементы, а также умелое устройство простейших слов; далее, оформление слов и звукового единства, соответствующего единству понятия; наконец, способность языка провести разграничение между своими самостоятельными единицами и тем, что в качестве формы должно лишь сопутствовать самостоятельным единицам, для чего, естественно, нужно, чтобы язык располагал каким-то приемом отличения простых нанизываний от сплавов, символизирующих смысловые связи". И далее: "Совершенство языка требует, чтобы каждое слово было оформлено определенной частью речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в данной части речи философский анализ языка" (Гумбольдт, 52, 155).

В приведенных только что высказываниях по существу представлена программа, перечисление тех главных требований, которые дали бы совершенный язык, — такой, каким его пытается уже много веков найти (или определить) интерлингвистическое конструирование. Гумбольдт пришел к этому интуитивно, занимаясь прежде всего так наз. "естественными", т.е. этнически-

ми, языками, в которых он видел переплетение стихийного и сознательного. Гумбольдт верил в прогресс в языке и одним из первых в языкознании высказался по этому поводу. При этом Гумбольдт, отмечая работу этносоциума, постоянно направленную на совершенствование языка, понимал, что в нем (языке) есть такие глубинные структуры, которые, однажды сформировавшись, уже выходят из-под контроля носителей: "Народ, - писал он, - может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к каким первоначально не было никаких исходных импульсов, но народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке внутренних противоречий" (Гумбольдт, 58).

Тенденция к управлению языком как проявление языко-творческого процесса и как стремление к языковому идеалу

Начала этой тенденции следует искать в далеком прошлом, когда этнические языки получают письменную форму и становятся средством культуры, имеющей отчетливо выраженный личностный характер. О поступательном развитии тенденции к языковому управлению можно говорить со времени возникновения первых европейских академий - таких, как итальянская *Accademia della Crusca*, французская академия, которые ставили своей целью "очистить" язык и сделать его более пригодным для все более усложняющихся нужд общества. Задача "вычищения и обогащения русского языка" поставлена была в 1783 г. уставом Российской академии.

В науке лишь в XIX веке формируется сознание, что наряду с имеющей давние традиции лингвистикой описательной, или описывающей (когда основная цель - описание грамматического строя того или иного языка, регистрации его элементов) должна быть выделена и лингвистика нормативная, или предписывающая. Предписывающая лингвистика по сути и пытается управлять языком - настолько, насколько позволяют те или иные его стороны. Предписывающая лингвистика, таким образом, работает на "живом теле" этнического языка с целью получить совершенное и универсальное средство выражения и коммуникации - литературный язык. Надо заметить, что и здесь Гумбольдт проявляет удивительную прозорливость: в цитированном нами ранее труде он говорит о том, что доступно управлению в языке грамматистам, какими элементами и сторонами языка он может манипулировать. И здесь Гумбольдт также дает целую програм-

му предписывающей лингвистики: "... приходят грамматисты и наносят последний штрих на завершённую картину языка. Творить — не их задача; их усилиями невозможно внедрить в язык народа ни флексию, ни правила слияния конечных звуков с начальными, если всего не было с самого начала. Но они выбирают излишнее, обобщают, устраняют нерегулярности и заполняют пробелы... Грамматисты становятся законодателями, хотя сами черпают свои знания из неиссякаемой сокровищницы лежащего перед ними языка... Подобные обработки одного и того же языка могут в различные эпохи следовать друг за другом; но чтобы язык оставался вместе и народным, и высокоразвитым, никогда не должна прерываться правильная его циркуляция от народа к писателям и к грамматистам, а от них — снова к народу" (Гумбольдт, 164). И далее: "Поэтому язык лишь благодаря научной обработке достигает совершенной строгости в разграничении и фиксировании своих понятий и приобретает наиболее отчетливый критерий для оценки того, сколь целенаправленно предложение и его части устремлены к единой цели" (Гумбольдт, 186).

Спустя сто лет для И.А. Бодуэна де Куртене, наблюдавшего за регулярной работой по нормализации литературных языков и высказывавшегося за необходимость включения интерлингвистической проблематики (проблематики искусственных языков) в круг языковедческих исследований, мысль о возможности языкового манипулирования в целях совершенствования языка была уже настолько очевидна и практически необходима, что он писал: "Если язык не является ни божеством, ни независимым от человека 'организмом', если он просто психо-социальное орудие, если не человек существует для языка, а язык для человека, если человек имеет не только право, но и обязанность совершенствовать все свои орудия, то очевидно, что этому совершенствованию должно подлежать и столь важное и неизбежное орудие, каким является именно язык" (Бодуэн де Куртене, Вспомогательный международный язык). Вот почему Бодуэн в своих "Экзаменационных требованиях по 'введению в языковедение'" (1911) говорит о необходимости для студентов "иметь понятие об участии сознания и воли человеческой в языковой жизни; уметь различать в языке: 'бессознательное' и 'сознательное', 'естественное' и 'искусственное'".

Вопрос лишь заключается в том, что в языке может поддаваться управлению (или иначе — регулированию) с целью прийти к языковой системе с оптимальными внутренними параметрами,

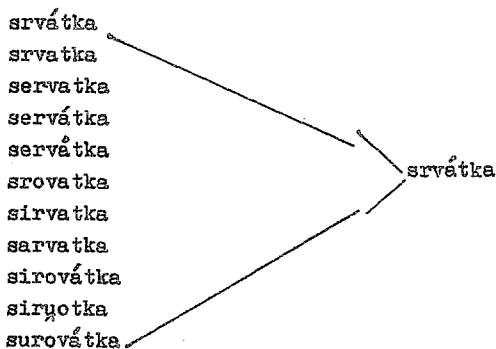

слои, те элементы и признаки, которые, будучи регулируемы сознательно, не действовали бы на "тело языка" деструктивно, не становились бы препятствием в выполнении языком его посреднического и выразительного (выражательного) назначения. Таким образом, слои, блоки, элементы и свойства, поддающиеся сознательному манипулированию, являются прямым объектом интерлингвистики, когда она имеет дело не с чисто искусственными языковыми построениями, а с этническими литературными языками. В этом мы видим объективную оправданность интерлингвистики и интерлингвистического подхода к функционирующим языкам, в этом заключена спаянность интересов нашей науки с общетеоретическим языкознанием, а это свидетельствует о жизненности и больших перспективах науки об общем языке.

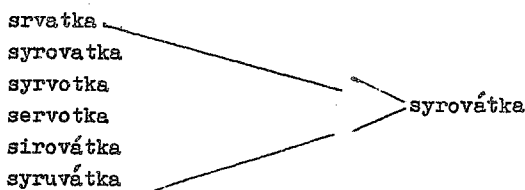
Интерлингвистика может предложить общей теории литературного языка давний и достаточно полно разработанный в ее рамках принцип апостериоризма, который поможет глубже осознать принципы создания и строения этнического литературного языка. Вопрос этот многоплановый и нам представляется теоретически весьма значимым. Эту идею мы уже высказывали ранее (см., например: Dulichenko, 55-56). Здесь мы ограничимся лишь несколькими рассуждениями и иллюстрациями.

Тривиальной является мысль о том, что любой этнический язык — это союз более или менее близких, обязательно однородных по происхождению диалектов, говоров и подговоров, принадлежащих, как правило, одному этносоциуму. Сущность каждого из этих образований (диалектов — говоров — подговоров) состоит в том, что их пронизывают общие элементы, часть которых стабильна, другая же варьирует формой или содержанием; имеется немало элементов, которые ни частично, ни полностью не накладываются друг на друга (случай, когда для выражения одного и того же предмета, явления, действия, признака и т.д. используются в таких образованиях различные лексемы и под.). При создании литературного языка ставится задача свести реальное многообразие форм в некоторое единство. Варьирующий территориальный элемент (единица) в таком случае получает своего рода абстрагированный символ, который и представляет его в норме литературного языка. Этот абстрагированный символ может совпадать с формой и содержанием одного или более диалектов, а может и не совпадать вовсе. Покажем

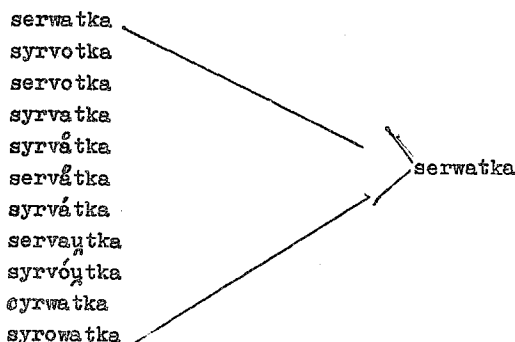
это на примере слова "сыворотка" в некоторых славянских языках. Так, в словацком языке все фонетическое и акцентное многообразие этого слова сведено в одно, являющееся нормой в литературном языке, срав.:

Срав. в чешском:

Срав. в польском:

Реальная языковая жизнь слова представлена во всем многообразии фонетико-просодических вариантов - в таком виде, в каком эти варианты, прикрепленные к определенным географическим зонам, употребляются традиционно. Для словацкого литературного языка взят тот вариант, который отражает состояние

среднесловацкого диалекта, лежащего в основе литературного языка, т.е. *stváťka* — с сохранением слового *ŕ* и долгого гласного *á*, в то время как варианты, не соответствующие этой модели, остались за бортом литературного языка (это прежде всего варианты с девокализацией *ŕ* — *seŕv-*, *siŕv-*, *siŕu-*, *seŕv-*, *siŕo-*, а также *stov-*). Аналогично и в случаях с чешским и польским языками.

Здесь уместно задать вопрос: как следует квалифицировать действие сведения вариантного многообразия форм к единой общей форме? Это не что иное, как апостериоризация, т.е. выработка и утверждение на основе сопоставления, выбора, зачастую некоторых "подчисток" и т.д. такого вида формы, который символически стоял бы над всеми другими и служил бы той "разменной монетой", которая нужна всем. Это разработанный в интерлингвистике принцип апостериоризации, с помощью которого пытаются добиться оптимального решения вопросов, связанных с формой и содержанием языковых единиц. Иными словами, это стремление к совершенству языковой единицы, когда бы она в формальном (материальном) отношении характеризовалась неварьированием или слабым варьированием (иначе — управляемым варьированием), а в плане содержания закрепляла бы в себе определенные смысловые компоненты и определенное функциональное предназначение. Лишь в этом случае можно считать, что полученные таким образом языковые единицы и их совокупности, вместе с правилами, составляющими язык, формируют прогресс в языке и свидетельствуют о его совершенстве. Разница между апостериоризацией при создании этнического литературного языка и построении искусственного языка в интерлингвистике заключается лишь в том, что в первом случае она внутриязыковая (поскольку сводит все многообразие диалектных и говорных проявлений одного этнического языка в единую систему литературного языка), а во втором — межъязыковая (поскольку здесь сводится воедино многообразие, свойственное разным языкам). То есть речь идет об иерархии принципа апостериоризации — первая его ступень носит более конкретный (а тем самым более "естественный") характер, вторая же ступень более абстрактная, поскольку сводится воедино гетерогенный материал, материал различного происхождения. Интерлингвистика радикальнее обрабатывает языковой материал в целях построения целостной языковой системы, она добивается наиболее оптимальных параметров для этой системы, однако неизбежно сталкивается с проблемой внедрения ее в социум. Хорошо известно,

каким камнем преткновения является процесс оживления и при-
жизнения искусственно созданного языка.

Где и как возможно сознательное манипулирование, когда
"тело" литературного языка уже создано и функционирует? Где
пределы рационального воздействия на язык?

По нашему мнению, язык можно считать жестко-нестеткой
системой: с одной стороны, в нем есть блоки и элементы, ко-
торые практически не поддаются сознательному регулированию,
с другой — налицо таковые, которые допускают манипулирова-
ние. Так, невозможно себе представить без деструктивных по-
следствий в целом для языка устранение в славянских языках,
например, категории лица в глаголах или деления существи-
тельных по родам. В то же время такие уровни языка, как лек-
сический, словообразовательный, а также синтаксический до-
пускают вмешательство человеческой воли, которая в этом слу-
чае направлена на совершенствование языка — на выработку вы-
разительности, точности, четкости, функциональной поли-
валентности его элементов.

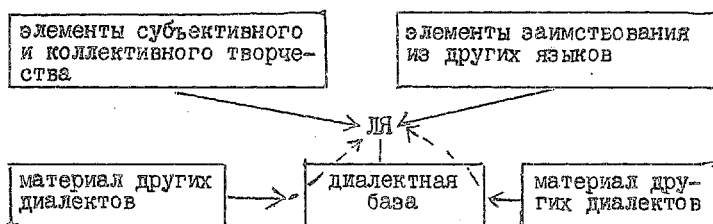
Хорошо известно, что лексическая "кладовая" языка — от-
крытая система, допускающая непрерывное пополнение все но-
выми и новыми единицами. Прежде всего это происходит в спе-
циальных областях знания и производства и связано с термина-
ми. Непрерывная терминологизация современных этнических ли-
тературных языков — это в значительной степени социально уп-
равляемый процесс и как таковой он имеет для интерлингвисти-
ки неограниченное значение. Терминологизацией управляют как ин-
дивидуумы (авторитеты в области науки, техники, производст-
ва), так и коллективы и учреждения в виде академий, комис-
сий, комитетов и под. Есть и каналы, через посредство кото-
рых предлагаемые нормы литературного языка усваиваются, —
это учителя (школа) и редакторы (книги, газеты и журналы,
радио, телевидение). То же самое относится и к другим отме-
ченным уровням языка. Если суммировать сказанное, то можно
утверждать, что этнический литературный язык представляет
собой органически сплетенную совокупность компонентов раз-
личного происхождения, составляющих его апостериорность.

Предложенная компонентная модель литературного языка (на
схеме — ЛЯ) не носит абсолютно универсального характера: су-
ществуют литературные языки, при формировании которых, ска-
жем, диалектный материал играл более скромную роль в сравне-
нии с материалом предшествующей письменной традиции, как,
например, это было в истории чешского литературного языка.

Могут быть обнаружены и другие отклонения. Для нас существенно было подчеркнуть, что развиваемая здесь идея апостериорности литературного языка связывает живую ткань этнического языка с интерлингвистическим конструированием.

Схематически это могло бы выглядеть таким образом:

Конструирование как языкотворческий процесс

В предложенной нами схеме языкотворчества конструирование охватывает третью ступень, наиболее абстрактную и, следовательно, наиболее искусственную (или рационализированную). Направление интерлингвистики, занимающееся производством языковых подсистем и целых систем на базе существующего языкового материала или практически без его учета, до настоящего времени не имеет определенного терминологического обозначения. Ныне для этого употребляются термины лингвопроектирование и лингвоконструирование, которые по существу выступают как дублисты. Термин лингвотехнология (лингвистическая технология), который пытались для этого ввести в 20-ые годы, к сожалению, не получил распространения (Бокарев, 133-134).

Лингвоконструирование вызывается неудовлетворенностью существующими этническими языками. Эта неудовлетворенность человеческой мысли имеет почтенную историю — она насчитывает многие века, а по некоторым сведениям искусственные языковые построения предпринимались даже в античную эпоху. Какие причины вызывали эту неудовлетворенность? Прежде всего это сознание несовершенства "живых" этнических языков (так считали уже многие крупнейшие европейские философы — Р.Декарт, Я.Комменский, Г.Лейбниц и др.), трудность их изучения и усвоения; затем расширились романтические представления о том, что единства человечества и его гуманизации можно добиться с помощью единства языкового; в новое время среди некоторой части сторонников идеи общего языка, лингвоизобретателей появилось стремление к языковой экспансии, когда предлагались

проекты усовершенствования этнических языков (как правило, романо-германских) для всемирного использования, и др. Ныне среди сторонников идеи общего языка укрепилось мнение о том, что язык, построенный на учете оптимальных параметров — четкости элементов и регулярности правил их комбинирования — не являясь чьей-нибудь этнической собственностью, должен функционировать как вспомогательное средство выражения и коммуникации на фоне и наряду с этническими языками.

Для языкотворческого процесса этого типа характерно то, что он проявляется и развивается на базе реального языкового опыта человечества, при этом субъективный фактор в создании продуктов этого процесса — лингвопроектов играет решающую роль. Лишь в новое время (преимущественно с XIX века) параллельно с индивидуальной работой по созданию проектов искусственных языков занимаются также некоторые научные коллективы в виде академий, комиссий, временных добровольных объединений и под. Таким образом, практически за каждым лингвопроектом стоит личностное начало, лингвоизобретатель и его детище неразрывны, однако до тех пор, пока проект не вышел из кабинета. Как только начинается его социализация, т.е. приобретение им социолингвистических признаков, практическое использование в обществе, лингвопроект отчуждается от своего изобретателя и становится, как и любой этнический язык, достоянием носителей, в нашем случае — носителей разных этноколлективов.

Конструирование как языкотворческий процесс исторически обусловлено, но, несмотря на падения и взлеты интереса к нему в целом, обнаруживает поступательное движение, развитие, выражающееся прежде всего в количестве (и качестве) предлагаемых лингвопроектов. Это видно из следующих цифровых данных, взятых из нашей находящейся в печати книги "Международные вспомогательные языки":

<u>век</u>	<u>число лингво- проектов</u>	<u>век</u>	<u>число лингво- проектов</u>
П	I	XVI	8
УП-УШ	I	XVII	41
XII	I	XVIII	50
XIII	I	XIX	246
век неизве- стный	8	XX (до 1973 г.)	560

Тенденция непрерывного роста числа лингвопроектов устанавливается с XVIII века и по существу не нарушается по сей день, срав. данные по 25-летиям:

XVIII в.:	1701-1725	4 проекта
	1726-1750	3 " "
	1751-1775	18 " "
	1776-1800	22 " "
XIX в.:	1801-1825	29 " "
	1826-1850	34 " "
	1851-1875	55 " "
	1876-1900	119 " "

Плюс 9 проектов XIX века неизвестного года создания.

В XX веке "взрыв" лингвоконструирования наблюдается лишь в первое 25-летие, когда было произведено рекордное число лингвопроектов - 249, - как отражение временного кризиса в эсперантском движении; с нарастанием этого движения число лингвопроектов по 25-летиям начинает стабилизироваться, но оно продолжает оставаться огромным. Нет сомнений в том, что поступательное числовое нарастание лингвопроектов является показателем утверждения в обществе мысли о лингвопроективной, или лингвокреативной, работе как постоянном проявлении человеческого духа и человеческого поведения.

Лингвоконструирование, как известно, осуществляется на базе двух основных принципов - апостериорного и априорного; синтез этих двух принципов дает третий - апостериорно-априорный, или смешанный. Сущность априорного и апостериорного лингвоконструирования достаточно хорошо описана в интерлингвистической литературе - образцами воплощения этих принципов были, например, такие проекты искусственных языка, как Solresol (априорный) и эсперанто (апостериорный), а также волапюк (априорно-апостериорный). Поэтому мы лишь отметим, что на базе этих принципов в интерлингвистике к настоящему времени создано более 900 проектов всеобщих (универсальных, всемирных) и международных вспомогательных языков. При этом чем ближе к современности, тем доля априорного подхода в лингвоконструировании неуклонно падает и повышается соответственно роль апостериорного подхода, применяемого к материалу прежде всего наиболее распространенных европейских языков прошлого и настоящего.

Эта тенденция стала оформляться с последней трети XIX века, когда был сделан совершенно революционный прорыв в

лингвоконструктивном процессе, до того не выходившем из сферы теоретических обсуждений; начиная с появления в 1879 г. волапюка и особенно с 1887 г. эсперанто, мы можем говорить, что идея искусственного языка внедряется в социум, до того кабинетный проект приобретает социолингвистические признаки, стремясь сформировать состав таких качеств, которые присущи развитым этническим языкам. Проверим это, обратившись к проектам, появившимся одновременно и после волапюка и до времени создания эсперанто, а затем от 1887 г. до 1894 г. (т.е. 8 лет : 8 лет).

<u>ГОД</u>	<u>ЛИНГВОПРОЕКТ</u>	<u>ТИП КОНСТРУИРОВАНИЯ</u>
1879	Volapük	априорно- апостериорный
1879 (?)	Espressoire	апостериорный
1880 (?)	Нбшарат	априорно- апостериорный
1880	Всемирно-на- учный язык	априорный
1881	Lingvo universala	апостериорный
1883	Weltsprache	апостериорный
1884	Б.н.* (автор P. Man- tegazza)	априорный (?)
	Б.н. (автор Robida)	априорный (?)
	Идеография	априорный
	Blais Zimondal	априорный
	Neulatein	апостериорный
1875- 1884	Néo-latine	апостериорный
1885	Б.н. (автор I. Telfy)	апостериорный
	Pasilingua	апостериорный
1886	Chabé-Abad	априорный
	Langue universelle	априорно- апостериорный
	Nal-Pino	априорно- апостериорный
	Pasigraphia	априорный
	Rosentalographia	априорный
	Sprachwissenschaft- liche Kombinatorik	априорный
	Tolmácsnyelv	априорно- апостериорный
1852- 1886	Langue universelle	априорный

* Б.н. — без названия; проекты, данные в квадратных скобках, имеют условные названия.

(1870 ?)
1886 Langue universelle априорный

Из 23 проектов, появившихся в течение 1879-1886 гг., т.е. за 8 лет, численно еще преобладают априорные (априорно-философские, пазиграфические) системы - их всего II (два со знаком вопроса), но столько же и проектов, так или иначе учитывающих живой языковой материал, - 5 из них априорно-апостериорные, созданные по типу волапока, и только 6 - апостериорных.

Посмотрим, как проявляется отмеченная тенденция в последующие 8 лет, начиная с года появления эсперанто:

<u>ГОД</u>	<u>ЛИНГВОПРОЕКТ</u>	<u>ТИП КОНСТРУИРОВАНИЯ</u>
1887	Balta	априорный
	Bopal	априорно-апостериорный
	Esperanto	апостериорный
	Kokographie	априорный
	Muvo-Volapük	априорно-апостериорный
	Pasiligua hebraica	апостериорный
	[Universal language]	апостериорный
	Visona	априорный
	Weltsprache	апостериорный
1886-1887	Б.н. (автор В.Г. Шерцль)	априорный
1888	Б.н. (автор А. Boltz)	апостериорный
	Б.н. (автор N. Nag)	априорно-апостериорный
	American language	апостериорный
	Kosmos	апостериорный
	Lengua universal	априорно-апостериорный
	Lengua universal	априорный
	Lingua	апостериорный
	Lingua Franka Nuova	апостериорный
	Mundolinco	апостериорный
	Spelin	априорный
1889	Verkehrssprache	апостериорный
	Б.н. (автор K. Lenze)	апостериорный
	Настоящий (живой) всемирный язык	апостериорный
	Anglo-Franca	апостериорный
	Compromiss-Sprache	апостериорный

	Langue simplifie	априорно- апостериорный
	Langue facile	апостериорный
	Lengua universal	априорно- апостериорный
	Myrana	апостериорный
	Oidapa	априорный
	Panglossie	априорно- апостериорный
	Sermo	апостериорный
I890	Lengua catolica	апостериорный
	Lingua internacional	апостериорный
	Linguo internacia	апостериорный
	Nov Latine (Gaste)	апостериорный
	Nov Latin (D. Ross)	апостериорный
I889- I890	Mundolingue	апостериорный
	Zilengo	апостериорный
I891	Б.н. (автор J. Lott)	апостериорный
	Colonial English	апостериорный
	Idiome universel	априорный
I892	Svjetski jezik	априорный (?)
I893	Б.н. (автор неиз- вестен, Nürnberg)	апостериорный
	Франсезин	апостериорный
I893	Anti-Volapük	апостериорный
	Dil	априорно- апостериорный
	Lingua internacional	апостериорный
	Lingua monde	апостериорный
	Luftlandana	априорно- апостериорный (?)
	Orba	априорно- апостериорный
	Universala	апостериорный
I894	Casuela	апостериорный
	Communia	апостериорный
	[Esperanto reformita]	апостериорный
	Parlo	апостериорный
I890- I894	Oregon trade language	апостериорный

Картина послеэсперантских 8 лет совершенно наглядно де-монстрирует необратимый поворот лингвоконструирования в сто-рону апостериорных систем: из 57 лингвопроектов этого време-

ни лишь 9 связывают языкотворческий процесс с некогда господствовавшим производством априорных языковых систем и 10 — с априорно-апостериорным, наиболее удачно воплощенным в волапуке (своего рода "тоска по волапуку"). Две трети произведенных лингвопроектов отражают ту тенденция, которая, скромно представленная ранее, с появлением эсперанто начинает лидировать и определять конструирование и активный языкотворческий процесс. Из этого можно сделать вывод о том, что интерлингвистическое конструирование ныне отдает предпочтение таким построениям, которые имели бы опору в материале этнических языков. Манипулируя материалом нескольких этнических языков и пытаясь свести многообразие форм и их связей в единую лингвопроективную систему, интерлингвистика экспериментирует на таком уровне абстракции и с такой смелостью, с какой невозможно манипулировать, имея дело только с "естественным" (диалектным и говорным) материалом одного этнического языка. В свете сказанного языкотворчество предстает как стихийно-сознательный и сознательный процесс, пережитый и переживаемый человечеством. Если лингвистика описывающая (описательная) более всего обращена к этническим языкам как стихийно-сознательным творениям, то лингвистика предписывающая (или нормативная) своей задачей ставит построение и совершенствование этнического литературного языка, в то время как интерлингвистика, имплицитно опираясь на достижения предписывающей лингвистики, идет дальше, предлагая пути решения вопроса об общем языке и представляя языкотворческий процесс как стремление довести языковой объект до совершенства. В этом смысле языкотворчество предстает и как лингвистическая и как интерлингвистическая проблема.

Л и т е р а т у р а

1. Бодуэн де Куртене — И.А. Бодуэн де Куртене. Вспомогательный международный язык. — Вестник знания, С.-Петербург, приложение "Эсперо", 1908, № 10-11.

2. Бокарев — Е.Бокарев. Международный язык и наука о языке. — Известия ЦК СЭСР, Москва, 1928, № 5-6.

3. Гумбольдт — В.фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. — Москва: Прогресс, 1984.

4. Dulichenko — A.D. Dulichenko. Ethnic language and planned language. On the particulars of the structural-genetic and functional aspect. — In: Interlinguistics. Aspects of the Science of Planned Languages. (Trends in Linguistics. 42). Berlin-New York, 1989.

LINGVOKREADO KIEL LINGVISTIKA KAJ INTERLINGVISTIKA PROBLEMO

Aleksandr D. Duliĉenko

Lingvokreado estas ne sufiĉe esplorita problemo de (inter)lingvistiko. Provizore ĝin eblas difini kiel konstruadon de lingva esenco - de ties elementoj kaj lingvo kiel integra sistemo, enigo de novaj elementoj en la ekzistantajn lingvojn. En tio gravas konsidero de la proporcioj inter spontana kaj konscia dum la lingvokreado: la etnaj lingvoj kreigis spontane-konscie, fragmentoj de la etnaj literaturaj kaj internaciaj planlingvoj - konscie. La etnaj lingvoj spertas konstante validan tendencon al la perfektigo kaj lingva idealo, pri kio verkis ankoraŭ W. Humboldt. Tendenco regi (reguligi) la lingvon kiel manifestigo de lingvokreada proceso kaj kiel celado al la lingva idealo aperas santiam kiam la skriba formo de la lingvo kaj prilaboro de la etna idiomato por ricevi efikan rimedon de esprimigo kaj komunikado - etnan literaturan lingvon. La literatura lingvo estas bazata sur la principoj de aposterioreco, samkiel la internaciaj artefaritaj lingvoj de la aposteriora origino, la diferenco koncernas nur la gradon (hierarkion) de la aposteriorigo: unuakaze ĝi havas intern-lingvan karakteron, duakaze - inter-lingvan.

La idiomkonstruado kiel lingvokreada procezo rezultas el la nekontenteco pri la ekzistantaj etnaj lingvoj, kion rimarkis filozofoj de la XVII kaj postaj jarcentoj. Ĝi efektiviĝas sur la fundamento praktike ignoranta la lingvan sperton de la homaro (aprioraj projektoj), sur la fundamento de ties konsidero (aposterioraj) aŭ parta konsidero (aprioraj-aposterioraj). De la II jarcento ĝis la 70-aj jaroj de la XX jarcento kreigis pli ol 900 projektoj: kiel montras ilia studado, ekfavo al la aposteriora lingvokonstruado jam antaŭsentigis (sed ankoraŭ ne okazas) de la Volapük-apero: en 1879-1886 j.j., t.e. dum 8 jaroj, antaŭ la apero de Esperanto, el inter la 23 projektoj ankoraŭ duonon konsistigis aprioraj sistemoj; en la postaj 8 jaroj, t.e. ekde la apero de Esperanto (1887) kaj ĝis 1894 la turnopunkto estas evidenta: el

57 projektoj de ĉi-periodo nur 9 estas ligitaj kun la dominanta antaŭe apriora konstruado, 10 - kun la apriora = aposteriora (siaspeca "sopiro pri Volapük") kaj 38 - t.e. du trioncoj - demonstros la evidentan prioritaton de la aposteriora lingvokonstruado.

Se la normiga aŭ preskriba lingvistiko havas kiel sian taskon konstruadon kaj perfektigadon de etna literatura lingvo, la interlingvistika scienco iras pluen, proponante vojojn por solvi la problemon de komuna lingvo kaj prezentante la lingvokreadan procezon kiel strebadon evoluigi la lingvan objekton ĝis ties perfekteco. Ĉi-sence lingvokreado manifestiĝas kaj kiel lingvistika kaj kiel interlingvistika problemo.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЛАНОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА (полисемия, метафоризация, синонимия)

А.С. Мельников

При обсуждении проблем семантики планового международного языка (ПМЯ) нельзя не остановиться на принципе однозначного соответствия между означаемым и знаком, а также роли и последствий ассоциаций.

Желательность или нежелательность наличия в ПМЯ однозначного соответствия между означаемым и знаком является дискуссионным вопросом. Э.Свадост обратил внимание на то, что требование однозначности как основное условия для идеального ПМЯ неоднократно высказывалось в лингвистике (напр., у С.Дотта в его правилах регулярности: "Каждое слово должно иметь только одно значение, что является редко достижимым идеалом" (10, 260)). Сам Свадост вносит уточнение: для рационального языка принцип однозначности может применяться без всяких ограничений, а в рационально-эмоциональном плане — с учетом разнотильности языка, т.е. допускается разное выражение для одного и того же содержания в зависимости от экспрессивной окраски и отношения к предмету говорящего или пишущего. Таким образом, по Свадосту, одно понятие должно иметь одно выражение в одном стилистическом пласте лексики. Автономисты признают принцип моносемантической желательным, но осознают, что ни один язык (этнический или плановый) не сможет полностью удовлетворить этому принципу, не расширяя своего словарного запаса до невозможности практического пользования им (20, 98). З.С. Харрис предлагает учитывать в ПМЯ только те значения, которые совпадают в различных языках, а для отличающихся создать различные обозначения (19, 305). Д.Бланке указывает на то, что уже в XIX в. А.Эллис выдвигал с некоторым расширением требование однозначности: по его мнению, каждый корень должен иметь только одно значение, максимум два — одно прямое, другое — образное. Требования однозначности, по Бланке, характерно для лингвистически малообразованных авторов ПМЯ (напр., для Фуишики Окамото — автора проекта боабому, для Т.Лахаго — автора модерна эсперанто) (16, 96). Однако сторонники моносемантической имеют и в

среде профессиональных интерлингвистов. Так, наличия одного значения у каждого отдельного суффикса и префикса ПМЯ требовал Х.Джейкоб. Это облегчило бы, по его мнению, использование закона аналогии (20, 97). За однозначность выступают Х.Шпитцбарт (см., напр., 8, 107-108), представители семиотики, о чем писал У.Вейнрейх : "В идеализированной семиотике принято считать, что для знака типично взаимно-однозначное соответствие между выражением и значением, а полисемия слов в естественных языках считается неудобным отклонением от подобной схемы. Следуя тенденции современной лексикологии, Кё [Дж. Катц и Дж. Фодор] отвергают этот предрассудок и усматривают в полисемии характерную особенность естественных языков, вполне достойную научного исследования" (цит. по: 2, 55).

Тема полисемии в ПМЯ уже затрагивалась нами (8). Поэтому сейчас ограничимся лишь некоторыми выводами:

1. Жестко закрепленные отношения "референт - слово" хороши лишь для описания уже познанного мира, но делают невозможным дальнейшее познание.

2. Однозначность требует четкой и безвариантной дискретизации перманентной экстралингвистической реальности. Избежать субъективности в этом случае невозможно.

3. Полисемия исключает лексическую амфиболию, необходимую для художественного творчества.

4. Требование моносемантической совершенно не учитывает психических аспектов носителей языка, концентрируясь только на критериях формальной логики.

Вспомним в связи с этим наблюдение Б.А. Серебrenникова, который говорил об огромном значении ассоциаций для образования слов: нем. *Schlange* "очередь" образовано из первоначального значения "змея"; русское "нос (корабля)" - из соответствующего обозначения части тела и т.д. (II, 49).

Не случайно в критериях оценки языков Ф.Кайнц говорит не о тотальной однозначности, а о ее легкой достижимости (см.: 3, 104).

Обратимся теперь к метонимии и метафоризации.

Дж.Д. МакКоли указывал на то, что между лексическими единицами всех языков существуют отношения импликации. Судя по приведенным в статье примерам, речь шла о метонимии в самом широком смысле слова: напр., во многих языках прилагательные типа "холодный", "теплый" и т.п. используются и в значении "обеспечивающий соответствующую температуру": "теп-

лое пальто"; англ. dissertation "диссертация, исследование" может означать не только процесс или духовный результат, но и вполне материальную вещь: "диссертация весит пять фунтов" (7, 245).

Не вдаваясь в подробности, отметим, что метонимия является универсалией не только естественных, но и плановых апо-стериорных языков.

То же положение и в отношении метафоризации. Хотя идеалом логических языков является значение, зафиксированное определением, даже им приходится прибегать к метафорам. Тем более не могут обойтись без метафор апостериорные языки. Большинство интерлингвистов этот факт ясно осознается. Во всяком случае метафорические и метонимические значения допускались ИАЛА (24). Х.Джейкоб, Л.Кутюра и др. считали метафоры возможными, если точнее выразиться нельзя, а метафора понятна всем (20, 98). А.Гоуд выделял два вида метафоризации: а) когда семантическая последовательность от концептуального ядра к метафоре не прерывается, напр.: *pearl* "жемчужина": так можно назвать и хорошего работника по дому — *efficient houseworker*, который по ценности эквивалентен жемчужине; б) когда последовательность прерывается — образуется новое понятие: англ. *star* в значении "звезда сцены, театра и т.п.": если подобная метафора недостаточно международна, то в словаре языка интерлингва, созданного в 1951 г. Ассоциацией международного вспомогательного языка, фиксируется многозначное слово: например, *intender* "намереваться, ставить цель; понимать" (17, XI-XII).

На наш взгляд, метафоризация является отражением взаимосвязанности и многогранности экстралингвистической реальности. Она помогает усвоить и запомнить новое значение путем опоры на старое, ассоциаций с уже известным и т.п. (т.е. обусловлена и психофизиологически). По мнению Р.Т. Яровиковой, метафора является незаменимым средством подачи информации при обсуждении идей научного поиска, особенно "сумасшедших идей", недостаточно терминологически оформленных на этапе зарождения. Метафора подчеркивает специфические аспекты исследуемых понятий (15, 93). По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, большая часть нашей обобщенной понятийной системы и процессы человеческого мышления в значительной степени метафоричны (6, 127-129). Поэтому метафора в ЛМЯ необходима. Надо иметь в виду также и то, что в языке происходит, как правило, не сложение смыслов его составных частей, а их инте-

грация, т.е. фактически метафоризация. Поэтому каждый дериват или сложное слово – это уже метафора. Ограничиться же только простыми словами практически невозможно. Хотя метафора – всеобщее явление, она во многом – продукт идиостиля отдельных носителей языка или их групп. Всякая метафора должна рано или поздно получить определение в толковом словаре, если, конечно, она становится общеупотребимой. Это особенно актуально, если речь идет о ПМЯ, которым пользуются носители разных языков, испытывающие при метафоризации сильное давление родного идиома. Ср., напр., следующие различия: "искусственная звезда" обозначается в китайском языке как "фальшивый + звезда", а в корейском и японском – "человек + делать + звезда"; "поезд" – в китайском "огонь + повозка", в корейском и японском – "пар + повозка" (9, 109–110). О семантических сферах, в пределах которых совершаются метафорические переносы, см., напр. (12).

Глубокого рассмотрения требует и синонимия ПМЯ. Мы уже касались этого вопроса (8).

Какие факторы формируют синонимы в эсперанто?

1. Благодаря наличию нескольких семантических долей в большинстве слов общезыкового фонда. В результате ряды лексем имеют по одной и больше семантической доле, общей для ряда членов тематической группы. Таковы в эсп. *milda* – *trankvila* – *serena* "тихий, кроткий – тихий, спокойный – ясный, светлый". М.Хаглер называет их внутренними синонимами (18, 175). Согласно правилам связности речи, чтобы получилось правильное сочетание слов, соответствующие лексемы должны иметь не только специфические значения, но и общую сему или не иметь несовместимых сем. Следование требованиям семантического согласования позволяет, в частности, снять многозначность в речи, ибо нерелевантные компоненты слова, не повторяющиеся в других лексем контекста, уходят на задний план и в речи не реализуются (14, 60–62).

2. В связи с необходимостью сужения или расширения значения для обеспечения континуальности семантических полей или для номинации ставшего важным факта, явления и т.п., описываемого с помощью более общих слов: *trinki* "пить" – *drinki* "пьянствовать".

3. Для замены неудобных в обращении слов – слишком длинных, неблагозвучных и т.д., напр., вместо некоторых производных слов, семантический состав которых носителей языка по каким-то причинам не устраивает, кажется им "неуклюжим":

айрого вм. tagiĝo; eklumiĝo "рассвет"; paraŝuto вм. falŝirmilo "парашют".

4. Из-за заимствований аналогичных по значению слов из разных источников: printempo - primavera "весна", piratokorsaro "пират".

5. По причине функциональной дифференциации и требований стилистики, напр., для перевода старой шотландской баллады вместо общеупотребительных arĝento "серебро", hieraŭ "вчера", ŝuoj "обувь" переводчик Бродрибб использовал своего рода архаизмы-кальки (или почти кальки) с древнеанглийского: blankmono "белые деньги", antaŭtage "в день, который был ранее", piedvestoj, piedgantoj "одежда или варежки для ног", а У.Олд использовал при переводе с древнеанглийского слово kolda в значении "холодный". В связи с тем, что kolda предшествовал появлению другого неологизма (frida), который получил некоторое распространение, kolda стал своего рода архаизмом эсперанто (18, 200, 235).

К требованиям стилистики стоит, видимо, отнести и появление множества синонимов-неологизмов вместо слов с приставкой mal- в значении полной противоположности. Многие из этих слов, будучи часто употребляемыми, производили нежелательный эстетический эффект вследствие скопления повторяющихся приставок. Кроме того, определенную роль сыграл, возможно, психологический фактор. Сторонники более широкого использования неологизмов вместо слов с mal- утверждали, что последние вызывают ассоциации, прежде всего связанные с корнем, а уж потом (благодаря вмешательству рассудка) - с противоположным значением. Кроме того, в защиту неологизмов приводились соображения большей краткости и благозвучности, соответствия содержания звучанию (например, вместо слишком "мягкого" mal-mola, обозначающего как раз противоположное качество, предлагалось "твердое" dura).

Не будем вдаваться в подробности проблемы неологизмов. Скажем только, что она относится (во всяком случае в эсперанто) к разряду "вечных", так как споры о необходимости неологизмов вообще и каких-то конкретных в частности, о критериях оценки нужности и удачности неологизмов то утихают, то снова разгораются. При этом в понятие "неологизм" носители эсперанто вкладывают дополнительное специфическое (и примарное для данного квазиэтнoса) значение: "новое коренное слово, обычно заимствованное из этнического языка (возможно, через посредство апостериорного ПМЯ) и употребляющееся вмес-

то уже имеющегося эсперантского деривата или сложного слова (редко - коренного), составленного из морфем, зафиксированных в "Фундаменту"; ср. определение в (23, 734 и I, 261). Попробуем выявить причины появления неологизмов в эсперанто, а также противодействующие этому процессу факторы и силы.

Внешние причины адсорбции неологизмов:

1. Влияние родного языка (или изученного иностранного). Известно, что слова одних языков характеризуются большей мотивированностью (этимологической прозрачностью)*, а других - меньшей; соответственно в одних языках больше производных слов, а в других - коренных. Исходя из принципа легкости (легко то, что привычно), носители второго типа языков предпочитают корневые единицы и в ПМЯ. Кроме того, слова родного или престижного иностранного языка кажутся более удачными или уместными (по соображениям их семантики, благозвучности, популярности, а значит и понятности, эффективности, привычности и т.п.). Отсюда стремление ввести их и в ПМЯ.

2. В ПМЯ должны как-то отражаться реалии самых разных культур. Один из путей - "лексическая нивелировка", когда реалия обозначается "нейтральным" словом из основного лексического фонда. Другой путь - ассимиляция соответствующего слова из этнического языка.

3. Интеграция мирового сообщества отражается некоторым образом в стандартизации образа жизни, а следовательно, и в появлении слов, характеризующих факты, явления и т.д., общие для ряда культур. Один из путей отражения данного явления в языке - образование интернационализмов. Они могут составить конкуренцию уже имеющимся сугубо эсперантским формам.

4. Расширение сфер применения ПМЯ также служит потенциальной причиной возникновения неологизмов. В частности, слова со сравнительно редкой частотностью употребления нужны литературе (а неологизмы относятся именно к таким словам). Для обслуживания науки нужны термины, которые по ряду параметров отличаются от слов общеупотребительного языка. Кроме

---

* Интересно было бы проследить корреляцию между семиотическими средствами языка и степенью мотивированности его слов. Можно ли, например, говорить о всеобщей закономерности, основываясь на анализе лексики японского (китайского) и французского (английского) языков? В первом случае референты обозначаются емкими краткими знаками - в лексиконе много мотивированных слов. Во втором случае нагрузка знаков меньше, длина их больше, а количество мотивированных слов меньше.

того, в научной терминологии особенно сильны тенденции интернационализации лексики.

Внутренние причины формирования неологизмов в ПМЯ:

1. В языке всегда должно сохраняться определенное соотношение мотивированных и немотивированных слов. К сожалению, исследований о пределах этих соотношений, зависимости от природы знаков, используемых для обозначения референтов (их емкости, длины и т.п.), связях при выполнении ПМЯ тех или иных функций практически нет. Ясно, однако, что какие-то закономерности и пределы тут имеются, и неологизмы усваиваются или отторгаются в соответствии с этими объективными факторами. Раскрытие их позволило бы повысить предсказуемость направлений и результатов лексической эволюции ПМЯ, увеличило бы возможности сознательной регуляции ПМЯ, а в перспективе и языка вообще.

2. В апостериорном ПМЯ, основанном на материале групп языков (особенно генетически неоднородной), есть большая вероятность возникновения производных слов-омонимов или паронимов (см. о паронимии в эсперанто 21). Если это происходит с часто употребляемым или важным по другим причинам словом, возникает необходимость заменить его на неологизм для повышения эффективности коммуникации (в частности, для уменьшения вероятности ошибок).

3. Причины, указанные на с.32-33 см. пункты 3 и 5).

Мы перечислили далеко не все факторы, способствующие проникновению неологизмов в ПМЯ. Но и того, что названо, достаточно для понимания закономерности их появления.

Что же противостоит рассмотренной тенденции? Прежде всего — стремление сделать ПМЯ как можно более легким для усвоения и пользования, ограничив, насколько это возможно, набор исходных морфем. Как видно на примере эсперанто, это удается лишь частично. Во всяком случае, по наблюдению Б.Г. Колкера, самый полный на сегодняшний день словарь эсперанто, изданный впервые в 1970 г. (23), содержит примерно такое же количество корней, что и "Словообразовательный словарь русского языка", опубликованный в 1985 г. (13). Правда, в эсперанто деривация и, в частности, создание сложных слов происходят с гораздо большей степенью регулярности: без необъяснимых (или объяснимых лишь исторически) исключений, без разветвленной системы вариантов используемых аффиксов (в зависимости от качества корня-основы), без непродуктивных аффиксов и т.п.

Свою роль играют социально-психологические установки пользующихся ЛМЯ. Одна из них - противодействие окцидентализации, которая выражается в стремлении усвоить как можно больше неологизмов из западных языков. Главной внешней причиной возникновения этого явления стал европоцентризм, характерный для мира вообще; внутренней - генетическая и типологическая связь с языковым материалом западных стран (прежде всего в области лексики). Существенную роль сыграла история эсперанто-движения, которая во многом объясняет ослабление русского влияния, очень сильного сразу после появления эсперанто и в 1920-30-е гг., когда Союз эсперантистов советских республик (СЭСР) вел активнейшую работу. В период культа личности Сталина СЭСР был распущен, эсперанто оказался фактически под запретом, часть активистов репрессирована. Паллиативные решения проблемы официализации эсперанто-движения в конце 1950-х и 1970-х гг. не дали результатов. Организационная слабость сначала комиссии по эсперанто Союза Советских обществ дружбы, а затем Ассоциации советских эсперантистов искусственно ослабляла русское влияние на развитие как языка, так и соответствующего международного движения. Это проявилось в том, что за последние более 10 лет не было издано ни одного перевода на эсперанто из русской художественной литературы; в Академии эсперанто (главном лингвистическом институте данного ЛМЯ) не было ни одного представителя с русским языком в качестве родного; до сих пор в СССР не издается журнал на эсперанто (в то время как в каталоге Всесоюзной Эсперанто-Ассоциации за 1984 г. приведено около 140 периодических изданий на эсперанто, выходящих в 35 странах всех континентов); не ведется радиовещание (в то время как радиостанции десятка стран регулярно выходят в эфир с передачами на эсперанто); крайне слабо представлены сторонники эсперанто из СССР на международных встречах эсперантистов (они происходят с 1980-х гг. практически ежедневно!). Таким образом, русское влияние было искусственно ослаблено и в области практического применения языка (его устной и письменной формы), в области нормирующе-законодательной (в том числе из-за неучастия в разработке и издании полуканонической лексикографической и др. эсперантологической литературы типа "Полный иллюстрированный словарь эсперанто", "Полная аналитическая грамматика эсперанто" и др.

В эпоху НТР в связи с массовым развитием билингвизма (в случае ЛМЯ это тотальный билингвизм) важное значение приоб-

ретает особая разновидность языка, которую мы назвали бы "интерференционный вариант ПМЯ", т.е. вариант, пронизанный элементами родного языка. О русском интерференционном варианте эсперанто - без упоминания настоящего термина - говорится, напр., в раб. (4). В нашем случае влияние такого варианта "с Востока" на нормы эсперанто незначительно. Однако в последнее время заметно перераспределение сил международного эсперанто-движения. Во-первых, самыми многочисленными и активными стали сейчас ассоциации эсперантистов таких стран как Болгария (здесь почти каждый тысячный житель состоит в ассоциации), Венгрия (здесь выпускается более 10% мировой эсперантской литературы и очень престижные журналы). Во-вторых, заметно увеличился интерес к эсперанто на Востоке ("иранский взрыв" конца 1970-х гг.; беспрецедентная поддержка движения правительством Китая в 1980-х гг.). В-третьих, растет осознание нежелательности европоцентризма как среди общественности вообще, так и среди эсперантистов в частности. Таким образом, противодействие окцидентализму опирается как на сознательные социально-психологические установки и поддерживается даже некоторыми носителями западных языков, см., напр. (22), так и на неосознанное воздействие на устную и письменную речь интерференционного варианта эсперанто-говорящих незападных стран.

Кроме упомянутых выше причин, проникновению неологизмов мешает и ориентация определенной группы эсперантоговорящих на авторитет создателя языка и некоторых его виднейших последователей. Эта группа признает только "заменгофизмы" (хотя сам автор данного ПМЯ не только признавал возможность появления неологизмов, но и активно вводил их в язык). Наличие своего рода "пуристов" в ПМЯ неизбежно. Да и определенную пользу они приносят, ибо способствуют в конечном счете сохранению преемственности языка.

В силу названных противодействующих факторов неологизмы используются в ПМЯ гораздо реже, чем их "фундаментальные" эквиваленты. Это способствует достижению определенного эмоционального эффекта при использовании неологизмов в литературе.

Говоря о семантике слов ПМЯ, часто обсуждают социально нереализованные языковые проекты. И.Сердакейи подвергает сомнению саму возможность разговоров о значениях в подобных системах, поскольку смысл знака определяется в речевых актах. Знаки же социально нереализованных языковых проектов

могут иметь в лучшем случае гипотетическое, нереальное, статическое, застывшее, аморфное значение (25, 314). В самом деле, ни один словарь не может априорно зафиксировать все значения и коннотации, поскольку многие из них появляются лишь в результате достаточно длительного использования ПМЯ. Он может лишь отразить и каким-то образом повлиять на циркулирующую в обществе лексику.

По мнению ряда исследователей, создать общий словарь для всего человечества невозможно, так как нереальной представляется задача точно зафиксировать значения слов (25, 335). В результате каждый пользующийся ПМЯ якобы ориентировался бы на семантические доли аналогичного слова в собственном языке. Конечно, родной язык оказывает значительное влияние на пользующегося любым иностранным языком (в том числе ПМЯ). Но ведь это не приводит к невозможности овладения иностранным языком. Просто в подобных случаях приходится изучать новую систему семантических взаимоотношений в словаре данного языка и овладевать ею. Помогает этому достаточно частое практическое использование такого языка, метаязыковая функция, которая, как отмечал В.А. Корнилов, используется в эсперанто значительно чаще, чем в этнических языках (5, 42), соответствующая лингвистическая литература. Так, в эсперанто главная лексикографическая (в некотором роде нормативная) роль принадлежит "Полному иллюстрированному "словарю эсперанто" (23). Издаются также словари синонимов, паронимов и т.д., публикуются акты Академии эсперанто, вносящей те или иные изменения и уточнения по отдельным словам эсперанто, списки и значения новых "официализованных" лексем. Создать общий словарь для этнически, культурно, территориально, экономически и т.д. неоднородной общности можно (во всяком случае на уровне удовлетворения практических потребностей общения). Но это не разовый акт, а перманентный процесс. Начинается он с фиксации первоначального значения лексических единиц ПМЯ в словаре. Затем происходит уточнение семантических контуров слова в процессе практического использования языка достаточно большим коллективом в течение достаточно длительного времени. Потом уточненные значения включаются в новые издания словарей и т.д.

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Вейнрейх У. Опыт семантической теории. - В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981.
3. Комлев Н.Г. Лингвистическая аксиология. Постановка проблемы. - В сб.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М.: Наука, 1981, с. 90-110.
4. Курженков А.В. Характерные морфологические и словообразовательные особенности у русских эсперантоговорящих. - В сб.: Тезисы докладов конференции по интерлингвистике "Плановые языки: итоги и перспективы" (г. Тарту, 22-24 октября 1987 г.). Тарту: ТартуУ, 1988, с. 54-57.
5. Корнилов В.А. Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки. - In: *Interlinguistica Tartuensis 1: Актуальные проблемы современной интерлингвистики.* (УЗ ТартуУ. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 38-40.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. - В сб.: Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987, с. 126-170.
7. МакКоли Дж.Д. О месте семантики в грамматике языка. - В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981.
8. Мельников А.С. К вопросу о логицизме в лингвопроектировании. - In: *Interlinguistica Tartuensis 5: Интерлингвистическая теория и практика международного вспомогательного языка.* (УЗ ТартуУ. Вып. 791). Тарту, 1988, с. 107-125.
9. Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран Зарубежного Востока. - М.: Наука, 1986.
10. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
11. Серебренников В.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. - М.: Наука, 1983.
12. Скляревская Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания. - Вопросы языкознания, М., 1987, № 2.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. - М., 1985.
14. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. - М.: Высшая школа, 1987.

15. Яровикова Р.Т. Роль речевого и языкового общения в реализации гносеологического выбора научного метода. - В сб.: Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск: Наука, 1984.

16. Blanke D. Internationale Plansprachen. Eine Einführung. - Berlin: Akademie-Verlag, 1985.

17. Gode A. Introduction. - In: Interlingua-English, a dictionary of the International language. New-York, 1951, p. XVII-LI.

18. Hagler M.G. The Esperanto Language as a Literary Medium. - Indiana, 1971.

19. Harris Z.S. A language for international cooperation. - In: Wright Q., Evan W.M., Deutsch M. Preventing world war III. Some proposals. New-York, 1962, p. 299-309.

20. Jacob H. A Planned auxiliary language. - London, 1947.

21. Melnikov A.S. Paronimio en Esperanto - premisoj, mekanismo, uzado por vortludoj. - In: Acta Interlinguistica. 13-a scienca interlingvistika simpozio. (Varsovio. 27.04. - 01.05. 1985). Varsovio, 1989, p. 71-101.

22. Piron C. La okcidenta dialekto. - Esperanto, Rotterdam, 1977, n-ro 7/8 (859/860), p. 125-126.

23. Plena ilustrita vortaro. - Paris: SAT, 1981.

24. Some Criteria for an International Language and commentary (IALA). - New York, 1937.

25. Szerdahelyi I. Signo, signifo, signifo-integrado. - In: Li kaj Ni. Festlibro por la 80-a naskiĝtago de Gaston Waringhien (1901 - 29 Julio - 1981). Antverpeno-La Laguna: TK-Stafeto, (1985), p. 313-336.

SEMANTIKAJ ASPEKTOJ DE PLANA INTERNACIA LINGVO

(polisemio, metaforigo, sinonimio)

Aleksandr S. Melnikov

La artikolo traktas la principon de unusenca rigida korelativeco signifo/signo kaj konkludigas, ke tiu principo devas cedi al reduktita polisemio (kompare kun la enetnalingva) kaj ebleco de ĝia facila forigo en kunteksto de internacia planlingvo (IPL).

Konstatinte, ke metonimio kaj metaforigo estas universalaĵoj de etnaj lingvoj, la aŭtoro esploras iliajn kialojn (intern-kaj ekster-lingvajn) kaj atestas, ke la koncernaj fe-

nomenoj kaj procezoj neeviteblas ankau en la aposterioraj IPL.

Estas indikitaj fontoj kaj kialoj de sinonim-(inkluzive neologism-)aperado en IPL (Esperanto kiel ekzemplo).

Emfazitas la adeco de kreado de vortaro komuna por et-ne, kulture, teritorie ktp. malhomogenaj formigoj, nomitas pluraj faktoroj, povantaj influi la ĉi-rilatan procezon.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИДИОМ-НЕУТРАЛИ

(часть 2)*

С.Н. Кузнецов

От "Lingu Nov" к "Idiom Neutral" (1895-1898)

Работа Академии под руководством В. Розенбергера продолжалась. С циркуляра № 20 (20.12.1895) начинается новый этап ее деятельности, содержанием которого стала выработка подробного словаря и санкционирование грамматических форм. Теоретическим фоном для этой работы послужили дискуссии по проблемам международного языка в журнале "Linguist", который на протяжении двух лет (1896-1897) издавался в Ганновере /15/. Направление журнала оказалось близким исследовательской линии Академии, которая обрела в нем дополнительный источник идей и вместе с тем средство более широкого оповещения о своей деятельности.

В начале 1896 г. Розенбергер выступил в этом журнале с программной статьей "Что нам теперь нужно делать" /II/, названием своим намекавшей на совет, который известный языковед Макс Мюллер дал исследователю проблем международного языка А. Липтаю. Одобрив идею Липтая об использовании в таком языке интернациональных элементов, М. Мюллер подчеркнул необходимость собрать все эти элементы воедино: "Что Вам теперь нужно сделать, это составить полный словарь" /3, XII/. Липтай не выполнил этого совета, но задача оставалась прежней, и в решении ее Розенбергер усматривал основную цель, стоявшую перед Академией.

Впрочем, дело было, видимо, не только в исчерпывающей инвентаризации международных слов. Розенбергер отмечает, что попытка составления полного словаря таких слов уже однажды предпринималась австрийским исследователем Д. Лоттом /4/. Однако эта попытка, по мнению Розенбергера, оказалась неудачной, поскольку собранные слова не были должным образом упорядочены: в словаре Лотта можно найти такие формы, как kaval (при savverol), ozio (при kommercio), amare (при krede и finire; а кроме того, amant, kredent, finent; amat,

* Первую часть работы см.: Interlinguistica Tartuensia 4: Вопросы общей и частной интерлингвистики. (УЗ Tartu IV. Вып. 775). Tartu, 1987, с. 118-146.

kredit, *finir*), *klar* и *klarifikare* (при *egal* - *egalizare* и *grand* - *agrandire*), *util* и *inutil* (при *matur* - *immatur* и *passabl* - *impassabl*). "Поэтому, - пишет Розенбергер, - зная корни, префиксы и суффиксы, не всякий сможет составить из них производные слова, но о каждом таком слове нужно будет справляться по словарю. В этом и состоят те неправильности естественных языков, которые затрудняют их изучение и от которых искусственный язык должен нас избавить" /II, 55-56/. Задача, следовательно, состояла не только в том, чтобы собрать международные слова, но и освободить их от неправильностей (в частности, упорядочив их словообразовательные связи).

Другая статья Розенбергера в том же журнале /I3/ поднимает общие вопросы теории международного языка. Отвечая проф. Э.Беерману, считавшему недостаточно научным определять формы искусственного языка путем голосования, как это было принято в Академии, Розенбергер высказывается вообще по проблеме отношения международного языка и науки. Голосование, осуществляемое представителями разных национальных языков, является, по его мнению, необходимым, когда одних лингвистических данных недостаточно для принятия решения, например, когда определяется конкретная форма корня или суффикса в международном языке. "Создание искусственного языка, - пишет он, - вовсе не является наукой, как другие думают, ибо задача науки состоит в расширении круга наших знаний, в исследовании, а не создании чего-то нового. Наша же задача, напротив, имеет практическую природу, я мог бы назвать ее лингвотехнической (*sprachtechnische*). Языкознание может повлиять на наши построения, однако не в такой степени, в какой естественные науки влияют на инженерные проекты, когда путем расчетов можно заранее определить размеры каждой отдельной детали (...). Даже когда мы исходим из международной корневых слов, как наивысшего принципа, (...) все равно при определении форм остается место для известного произвола, потому что абсолютная международность форм представлена крайне редко (...) Во всех этих случаях голосование дает известную гарантию столь необходимой объективности, в противоположность предложениям, которые исходят от отдельных лиц" /I3, 37-38/.

Эти слова требуют некоторого комментария. Розенбергер совершенно прав, выводя задачу создания искусственного языка за рамки существовавшего тогда чисто исследовательского,

описательного языкознания. Однако было бы неправильно трактовать высказывания Розенбергера как вообще отрицающие зависимость международного языка от науки. Дело в том, что помимо описательной науки существует еще и прикладная, и именно Розенбергер был одним из творцов того "прикладного языкознания", появление которого отметил позднее ученик и продолжатель Розенбергера, выдающийся советский языковед Н.В. Ошманов /8/. Статья Розенбергера была написана как раз на том историческом (для теории международного языка) переломе, когда закладывались основы "прикладного языкознания" как науки о сознательном вмешательстве человека в жизнь языка и создании новых языковых систем. Конструируя идиом-нейтраль, В.К. Розенбергер и его сотрудники по Академии в большей степени способствовали рождению этой новой научной отрасли.

Как уже говорилось, основным в работе Академии было составление и кодификация международного лексикона. В циркулярах 20, 22-27, 29-32, 37 (20.12.1895-6.6.1897) Розенбергер предложил на рассмотрение Академии обширный словарь, включавший около 3000 корневых слов, с указанием их соответствия семи основным языкам Европы. Это была громадная работа, впервые произведенная в таких масштабах. Абсолютное большинство этих слов Академия одобрила; те же, которые, по мнению отдельных членов Академии, нуждались в изменениях или замене, были повторно поставлены на голосование (циркуляры 39-40, 16.10-5.11.1897).

Параллельно Академия рассматривала вопросы словообразования, грамматики и произношения, принимая по ним соответствующие резолюции (всего в указанный период было одобрено 100 резолюций - с № 27 по № 126). В большинстве случаев дело ограничивалось санкционированием отдельных пунктов, предложенных в проекте Розенбергера 1895 г. Но в некоторых отношениях язык Академии расходится с этим проектом.

Одним из важнейших расхождений является показатель мн.ч. -i (мн.-s). Не следует считать это новшество малозначащим: оно системно связано с другими особенностями языка Академии, и последняя это прекрасно осознавала. Дело в том, что окончание -s вынуждало допускать два исключения в этом языке, претендовавшем на то, чтобы вовсе не иметь исключений: 1) окончание -s в известных случаях принимало форму -es (гов-es, хотн-es), нарушая тем самым правило об абсолютной невариативности морфем; 2) в правиле об ударении приходилось делать оговорку о том, что прибавление окончания -s (-es) не

меняет места ударения. Окончание *-i* разом устраняло оба этих исключения, позволяя достичь идеала грамматической упорядоченности языка. Правда, при этом приходилось идти на известное неудобство, поскольку это окончание должно было присоединяться и к основам на гласный (*anu-i* "годы" *akademi-i*), а также показателям пола живых существ *-o*, *-a* (*kaval-i* "лошади", *kavalo-i* "жеребцы", *kavala-i* "кобылы"), но такого рода соединения все равно оставались в рамках правил и не создавали каких-либо исключений.

Представляет интерес история показателя мн.ч. *-i*. Среди систем международного искусственного языка большинство избирало окончание *-s*: этот показатель был принят уже в волапюке, он же применялся и в первом проекте Л.Л. Заменгофа *Lingwe Uniwersala* (1878): *nacje - nacjes* "нация - нации". Во втором проекте Заменгофа (*Lingvo Universala*, 1881) находим уже показатель *-j*, который в этом виде перешел в эсперанто (1887). Г.Вариньен справедливо считает, что причиной замены *-s* на *-j* были соображения эвфонического характера: Заменгоф стремился избежать слишком частого повторения "резкого" звука *s* (заметим, что и без того критики эсперанто находят в этом языке чрезмерное обилие щипящих и свистящих звуков). Показатель *-j* Вариньен считает видоизменением ("сокращением") окончания мн.ч. *-i* латинского, итальянского и славянских языков, приблизившим эсперанто к древнегреческому /7, 43/.

Для цитированной точки зрения есть все основания. Действительно, в 1894 г. Заменгоф предложил реформу эсперанто (это был уже его четвертый по счету проект искусственного языка), которой, в частности, предусматривалась замена окончания мн.ч. *-(o)j* на *-i* (*patri* эм. *patroj* "отцы"). Эта замена вызывалась тем, что буква *j* должна была быть исключена из алфавита. Заменгоф писал при этом: "Множественное число я предлагаю выражать окончанием *"i"* (...); это окончание имеется в различных языках (например, латинском, итальянском, славянских), следовательно, не является произвольным (как некоторые ошибочно думали о *"j"*) и гораздо лучше подходит к мягкому характеру нашего языка, чем *"s"*, которое предлагали различные лица. Часто повторяемое *"s"* уже само по себе придало бы нашему языку слишком резкое звучание" /9, 17-18/.

Таким образом, Заменгофом руководила забота о благозвучии, когда он выбирал окончание *-j*, а потом предлагая заменить его на *-i* (последнее предложение не прошло в связи с

неудачей всей реформы (1894 г.). Для Академии же окончание *-i* явилось подлинной находкой, но уже совсем не по соображениям благозвучия, а потому, что оно позволяло гармонизировать всю систему языка и устранить из нее исключения.

Непосредственно на выбор Академии повлиял, однако, не сам проект Заменгофа 1894 г., а другой проект реформированного эсперанто — *Linguo Moderna*. Он был опубликован на страницах уже известного нам журнала "Linguist" в 1896 г. (№ 3) известным эсперантистом А. Грабовским, активно участвовавшим ранее в попытке реформы 1894 г. Грабовский заимствовал у Заменгофа окончание мн.ч. *-i*, которое, уже как предложение Грабовского, Розенбергер поставил на голосование в Академии (циркуляр 28, 30.6.1896). Академия санкционировала это окончание (резолюция 47, 22.12.1896). Таким образом, основное отличие языка Академии от первоначального проекта Розенбергера обязано, в конечном счете, воздействию реформенного проекта Заменгофа 1894 г.^I

Введение нового окончания мн.ч. потребовало соответствующего изменения и форм личных местоимений. Впрочем, с этим новообразованием Академия не торопилась; оно было произведено лишь через полтора года после первого: резолюция 122 (31.3.1898) устанавливает новые формы местоимений *noi*, *voi*, *ili* (вм. *nos*, *vos*, *ils* "мы, вы, они").

Из других грамматических новшеств отметим: решение различать в качестве отдельных времен глагола имперфект (*am-av*) и перфект (*av amed*) — рез. 62, 87, 95 (Розенбергер в 1895 г. обе эти формы приравнивал друг к другу); подробное регламентирование порядка слов — рез. 84; принятие наречий *plu*, *lerplu* в качестве показателей степеней сравнения (*plu grand*, *lerplu grand*) — рез. 123 (Розенбергер предлагал считать эти показатели префиксами: *plugrand*, *lerplugrand*).

Алфавит, предложенный Розенбергером, был Академией расширен за счет введения буквы *j* (ж) и буквосочетаний *sh* (ш) и *dj* (дж) — рез. 109-III. Кроме того, для правильного фонетического написания собственных имен и иноязычных слов были введены, по примеру волапюка, дополнительные буквы и букво-

^I Проект Заменгофа 1894 г. повлиял сходным образом и на систему Л. де Бофрона *Adjuvanto*, которую следует датировать, вероятно, 1902-1904 гг. /2, 79; 5, 163/: здесь также употребляется окончание мн.ч. *-i*, которое затем перешло в *ido* (1907), впрочем, уже не без вторичного влияния идиом-неутрала.

сочетания: z (з), kh (х), gh (украинск. г), th (англ. межзубный звук), ä, ö, ü (как соответствующие немецкие звуки) — рез. II6-II7. Произношение буквы с, относительно которого долгое время существовали колебания, было, наконец, окончательно утверждено в виде (ч) — рез. I26.

Для выбора новых слов большое значение имела резолюция 56, принятая Академией 26.3.1897. Эта резолюция позволила употреблять наряду с правильными, но не международными производными (типа *equal-ifikar* "уравнивать", *infekt-asion* "инфекция", *anu-ik* "годовой"), однозначные с ними международные слова, строение которых отклоняется от правил, принятых Академией, и которые поэтому считаются неразложимыми (*equalisar*, *infeksion*, *anual*). Слова второй группы были санкционированы по предложению члена Академии из США Б.Маккенсена и позднее стали называться "маккенсеновскими словами" (на идиом-неутрале: *paroli Maskensenik*) /I, 50 /. С принятием этих слов-двойников в той их форме, в которой они стихийно сложились в национальных языках, Академия сделала шаг в сторону от выдвигавшегося Розенбергером требования упорядочения международного корнеслова.

Первым текстом на языке Академии, попавшим в печать, явилось письмо В.К. Розенбергера известному русскому врачу Н.В. Склифосовскому, интересовавшемуся вопросом о международном языке. Письмо датировано 9.10.1896; оно было опубликовано в журнале "Linguist" /I2/, чтобы продемонстрировать образец языка, "соответствующий уже принятым решениям Международной Академии всемирного языка, а также дальнейшим предложениям, выдвинутым на основе этих решений". Эта оговорка не случайна: в данном тексте используется окончание мн.ч. -i (которым, как мы помним, язык Академии отличается от проекта Розенбергера), но в момент написания письма это окончание еще не было утверждено Академией, так что оно носит здесь неофициальный характер.² Приведем отрывки из этого письма:

² Не были официализованы в этом тексте и многие слова, поэтому некоторые из них имеют не ту форму, которая позднее приводилась в словарях идиом-неутрале: так, *velogitet* "ревность" было изменено Академией на *jalusitet*. Название Академии Розенбергер переводит как "*Akademi intr-nasionik de lingu universik*"; позднее производные слова *intr-nasion-ik* и *univers-ik* уступят место "маккенсеновским словам" *internasional* и *universal*, и Академия станет официально именоваться "*Akademi internasional de lingu universal*".

Votr ekselens! Pardon, ke mi skrib a votr ekselens sine konosar vo persone; ma orasion do necesitet de lingu intrnasionik, kel vo av diked in ist anu in Kiev, okasionu kongres de medisinisti rusian, interesav multe mi (...).

(...) votr orasion interesav multe personi, keli pens, ke noun lingu nasionik potes deveniar lingu intrnasionik, kausu selositet de omni nasion separik kontr otr nasioni - e ke pro lingu intrnasionik es konvenabl e posibl sole lingu artifisial fasile aprendabl pro omnihom kultived, p.e. idiom neutral, in kel mi skrib ist letr. (...)

W. Rosenberger.

Direktor de Akademi intrnasionik de lingu universik.

Ваше превосходительство! Извините, что я пишу Вашему превосходительству, не зная Вас лично; но речь о необходимости международного языка, которую вы произнесли в этом году в Киеве, по случаю съезда русских врачей, очень заинтересовала меня...

...Ваша речь заинтересовала многих лиц, которые думают, что ни один национальный язык не может стать международным языком по причине ревности всякой отдельной нации по отношению к другим нациям - и что для роли международного языка является подходящим и возможным лишь искусственный язык, легко изучаемый всяким образованным человеком, например, идиом-нейтраль, на котором я пишу это письмо...

В. Розенбергер.

Директор Международной академии всемирного языка.

Для истории идиом-нейтраля этот текст имеет большое значение. Здесь мы впервые встречаемся с терминами lingu intrnasionik "международный язык" и idiom neutral "нейтральный язык". Легко убедиться, что первый используется в родовом значении, применительно к международному языку вообще (и в противопоставлении национальному языку - lingu nasionik), второй является обозначением конкретной системы международного языка, т.е. идиом-нейтраля, на котором написано письмо. Отсюда следует, что lingu intrnasionik нельзя применять для обозначения предшествующего проекта Розенбергера 1895 г. (см. выше) и что термин idiom neutral, по-видимому, принадлежащий самому Розенбергеру, был в ходу по крайней мере с 1896 г.

Однако на данной стадии это название применялось Розенбергером неофициально. Сама Академия, в принимавшихся ею резолюциях на волапюке, именует свой язык *riik Kadeema* или *riik kademik*, т.е. "язык Академии" (на идиом-нейтраль эти выражения были позднее переведены так: *lingu de Akademii* и *lingu akademian*). Официальное санкционирование термина *idiom neutral* произойдет уже позднее, при новом директоре Академии (Хоумсе).

Следующие тексты на языке Академии появились в 1897 г. в американском испаноязычном журнале "El Cronista". В письме редактору этого журнала секретарь и казначей Академии О.Серк сообщает, что работа Академии подвигается успешно и что выработанный ею язык может уже употребляться на практике /14/. Как бы в подтверждение этого Б.Маккенсен публикует в следующем номере журнала первое стихотворение на идиом-нейтрале³ /10; цитируется по 6/:

Po sent anui

Omni in sepult esero
Po sent anui.
On de nos no lakrimero
Po sent anui.
Ma in kampi, laborant,
E in strad, perambulant,
Otr homi on visero.
Gaudie ornit kantero
Laud a sol ankor lumant
Po sent anui.

Через сто лет

Все в могиле будут
Через сто лет.
О нас не будут плакать
Через сто лет.
Но в полях, работая,
И на улице, прогуливаясь,
Покажутся другие люди.
Весело птица пропоет
Хвалу солнцу, еще светящему,
Через сто лет.

("Сто лет", о которых писал Б.Маккенсен, уже почти на исходе, и приходится признать, что невеселые предчувствия автора стихотворения почти оправдались: идиом-нейтраль похоронен в интерлингвистических архивах, и само название его ничего не говорит непосвященному человеку. Но в тот момент, когда это стихотворение писалось, лучшие дни идиом-нейтраля были еще впереди...).

К концу директорства Розенбергера "язык Академии" был уже практически завершен: он располагал достаточным словарем (более 3000 корневых слов, которые с помощью префиксов и суффиксов давали еще большее число производных слов), де-

³ Это стихотворение также сохраняет следы "архаичных" форм, позднее измененных Академией: предлог *de* в значении "о, об" (> di), местоимение *nos* "мы" (> noi).

тально разработанной грамматикой, полным алфавитом и уже начиная находить себе применение на практике. Миссия Розенбергера была на этом завершена, и, отклонив предложение о переизбрании его директором Академии на следующий пятилетний срок, он уступил свой пост новоизбранному директору - М.А.Ф. Хьюмсу (M.A.F. Holmes, Macedon, N.Y., USA).

Л и т е р а т у р а

(а) Общие и историографические работы

1. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М., 1982.
2. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. - М., 1982.
3. Liptay A. Eine Gemeinsprache der Kulturvölker. - Leipzig, 1891.
4. Lott J. Un lingua internacional: Grammatika et vokabular pro angleses, germanes, romanes et pro kultivates de tut mond. - Wien: [Imprimeria:] Leipzig, 1890.
5. Monnerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris, 1960.
6. [Rosenberger V.] Publikasioni prim in Idiom Neutral. - In: Progres, S. Petersburg, 1906, N 1, p. 6.
7. Waringhien G. Lingvo kaj vivo. Esperantologiaj eseoj. - La Laguna, 1959.
8. Yushmanov N. L'aplikata (energetikal) linguistiko. - In: Mondo, Frankfurt, 1922, N 8-9, P. 138-139.
9. Zamenhof L. Pri reformoj en Esperanto. - In: Esperantisto, Nurnbergo, 1894, N 2, p. 50.

б) Idiom Neutral (1895-1898)

10. Mackensen B. Po sent anui. - In: El Cronista, San Antonio (Texas), N 395, 26.3.1897.
11. Rosenberger W. Was wir jetzt zu thun haben. - In: Linguist, Hannover, 1896, N 4, S. 53-56.
12. Rosenberger W. Zuschrift an die Redaktion. - In: Linguist, Hannover, 1897, N 1, S. 10-11.
13. Rosenberger W. Replik auf Prof. Beermann's "Rückblicke". - In: Linguist, Hannover, 1897, N 3, S. 36-40.
14. Serck O. [Письмо на идиом-нейтрале]. - In: El Cronista, San Antonio (Texas), N 394, 19.3.1897.

(в) Периодические издания

15. "Linguist". Unabhängige Zeitung für alle Freunde der Weltspracheidee. [С № 3/1897 подзаголовок:] ...für alle Freunde einer internationalen Sprache). Red.: M. Wahren. Hannover, 1896, N 1-12; 1897, N 1-12.

LINGVISTIKA KAJ SOCIA HISTORIO DE IDIOM 'NEUTRAL

(parto 2)

Sergej N. Kuznetsov

La aŭtoro skribas pri internacia artefarita lingvo Idiom Neutral, kreita en 1893-1898 de Kadem Bevünetik Volapüka sub la gvido de Wladimir Rosenberger el Peterburgo. Unua parto de la artikolo estis publikita en "Interlinguistica Tartuensis 4" (1987).

РАЗВИТИЕ ЭСТОНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ, НОРМАЛИЗАЦИИ И
КОДИФИКАЦИИ В 1900-1940 гг.)

Айно Валмет

Начало эстонского литературного языка — в функции языка церковного обихода — относится к 16 в. Наличие значительных диалектных различий привело к тому, что в северной и южной частях Эстонии сложились свои литературные языки. В последующие века литературный язык начинает наряду с функцией языка церкви выполнять также функции мирского обиходного языка и непритязательного языка художественной литературы.

Вплоть до начала 19 в. на эстонском языке писали неэстонцы — за редкими исключениями. Литературный язык значительно отличался от народного. Эстонский язык был языком самой низкой социальной группы — крестьян, поэтому был низким и его престиж. Во второй половине 19 в., в эпоху национального пробуждения, начинает складываться национальный литературный язык. В основном он формируется на базе среднего диалекта Северной Эстонии, учитываются и более ранние традиции. Народный язык оказывает существенное влияние на литературный язык. Закладываются основы национальной художественной литературы, журналистики, научно-популярной и учебной литературы; разнообразие и количественный рост публикуемого оказывает положительное влияние на литературный язык. Значительно повышается и роль эстонского языка в духовной культуре Эстонии. В определенной степени использованию эстонского языка препятствуют реформы последних десятилетий 19 в., нацеленные на русификацию населения Эстонии.

На рубеже веков эстонский литературный язык выполнял большинство функций литературного языка; отсутствовал лишь эстонский научный язык. Тем не менее литературный язык оставался неразвитым и гетерогенным. Отсутствовало единство на всех уровнях языка, а также в орфографии. Не был еще сделан выбор между многими фонетическими и грамматическими явлениями, опирающимися на разные диалекты. Синтаксис испытывал сильное иноязычное влияние. Не сформировался также словарный запас литературного языка; в нем отсутствовали слова для выражения многих понятий из области культуры и науки, а

также для выражения различных смысловых оттенков. Не сложились в достаточной мере и стили литературного языка. В то же время эстонское общество по достигнутому уровню развития в начале 20 в. нуждалось в полноценном литературном языке (19, 47).

Что касалось политического и государственного устройства Эстонии в первые десятилетия 20 в., то необходимо вспомнить следующее. С начала 18 в. до 1918 г. Эстония входила в состав Российского государства. Действовали реформы, введенные в последние десятилетия прошлого века, нацеленные на русификацию и узаконившие русский язык в качестве языка школы и делопроизводства. Хотя в период революции 1905 г. и имели место некоторые сдвиги, но в основном положение оставалось неизменным. После Февральской и Октябрьской революций эстонским языком шире стали пользоваться в школах — в результате ослабления центральной власти или, возможно, в порядке собственной инициативы. Непосредственно после провозглашения Эстонской Республики пришли к власти немецкие оккупационные силы, и официальным языком был объявлен немецкий. В ноябре 1918 г., когда власть перешла в руки Эстонской Республики, государственным языком стал эстонский. Статус эстонского языка как государственного требовал развития всех функций литературного языка. На эстонский язык было переведено преподавание в Тартуском университете — в зависимости от наличия преподавателей, знающих эстонский язык; по-эстонски стала издаваться научная литература. Как известно, период самостоятельной республики продолжался до июня 1940 г.

Общественное развитие Эстонии в начале нашего века послужило почвой для оживленной духовной жизни, что проявлялось и в создании ряда обществ, группировок, основавших свои издания. Все это оказывало влияние и на развитие литературного языка. Так, новые направления указывала литературная группировка "Noor-Eesti" ('Молодая Эстония'), родившаяся накануне революции 1905 г. и издавшая в 1905–1915 гг. пять альбомов. В них была высказана мысль о том, что эстонскую литературу и эстонский язык необходимо поднять на уровень европейской культуры. В 1906 г. в Таллине было создано Общество народного образования Эстонии (ОНОЭ), литературное отделение которого начало обсуждать безотлагательные языковые проблемы. В 1907 г. было основано Общество эстонской литературы (ОЭЛ), которое на протяжении всего своего существования (до 1940 г.) одной из основных своих забот считало развитие эстонского литературного языка. В общество входила

комиссия по вопросам языка, которая с 20-х годов наиболее авторитетно решала проблемы, связанные с нормированием языка. ОЭЛ проявляло заботу и об издании ортологических словарей.

В 1917-20 гг. развивала свою деятельность литературная группировка "Сиуру", в альбомах которой проводились в жизнь принципы языкового обновления. В журнале ОЭЛ "Eesti Kirjandus" ('Эстонская литература') (1906-1940 гг.) публиковались многочисленные статьи, касающиеся литературного языка; публиковал статьи о языковых вопросах также литературный журнал "Looming" ('Творчество'), основанный в 1923 г.

В 1920 г. было основано Общество родного языка (ОРЯ), при котором работала комиссия по обсуждению вопросов ортологии. Общество имело свой журнал под названием "Eesti Keel" ('Эстонский язык').

Эти общества были профессиональными. Языковеды, ученые-любители, а также просто носители языка стремились в первые десятилетия нашего века к обогащению, нормированию и унификации не вполне еще сложившегося литературного языка.

Первым этапом в нормировании литературного языка явились четыре конференции по вопросам языка в 1908-1911 гг., организованные ОНОЭ и ОЭЛ. Основную проблематику вначале составляли вопросы орфографии, а затем уже - морфологии. Изложены они в брошюре Й.В. Вески в 1912 г. (20). Тем самым было положено начало унификации и нормированию литературного языка.

Со второго десятилетия сформировались группировки, стоявшие на разных позициях; ведущими были обновительское направление во главе с Й.Аавиком и языкоустроительное направление, возглавляемое Й.В. Вески.

Важную роль по ознакомлению общества с принятыми нормами в 20 в. сыграли ортологические словари. Идея о составлении этого типа словарей была высказана на конференциях по вопросам языка. По поручению ОЭЛ первый вариант словаря был составлен Й.Таммемяги и коллективно обсужден. Словарь должен был содержать наиболее употребительную эстонскую лексику. Наряду с орфографией он должен был отразить и словоизменение. С 1914 г. в работе участвовал и Й.В. Вески. Он добавил ряд иностранных слов, составил для вступительной статьи свод грамматических правил и отредактировал рукопись. Словарь увидел свет в 1918 г. (22), отклики были положительными. ОЭЛ приняло решение незамедлительно приступить к работе над

дополненным изданием. На этот раз его составление было поручено Й.В. Вески, который кодифицировал в словаре нормы эстонского литературного языка (21). (Подробнее об этом ниже, в связи с описанием деятельности Й.В. Вески). Для ознакомления с процессом нормирования и языкоустроительной работой следует назвать и малый ортологический словарь Э.Муука, который вышел первым изданием в 1933 г. (49) (на чем также остановимся ниже).

Наиболее бурным периодом в развитии литературного языка были второе и третье десятилетие нашего века, воздействие которых ощущалось вплоть до 1940 г. В это время вносились предложения, подчас весьма различные; отбирались формы для литературного языка. Сложились основы и система литературного языка. Второе десятилетие характеризовалось тремя основными направлениями: 1) новаторским направлением во главе с Й.Аавиком; 2) языкоустроительным направлением, возглавляемым Й.В. Вески и 3) консервативным направлением, представленным прежде всего Я.Йгевевером и К.Леэтбергом. Ведущими стали два первых направления, поэтому дадим краткий обзор работ основных их представителей.

Первым опубликовал свою программу Й.Аавик. Еще в 1905 г. он высказал свое кредо: "Наш язык и литература должны стать языком и литературой интеллигенции" (1, 130). Особенно он подчеркивал необходимость пополнения словарного запаса эстонского языка. С 1912 г. Й.Аавик опубликовал ряд статей, в которых отмечает основные недостатки эстонского языка и предлагает способы их устранения. Так, он рекомендует избегать "некрасивых" звуков *s* и *t* (14, 170-179; 6, 451-484), употреблять *i*-вые формы множественного числа (3, 257-273); должен быть более естественным порядок слов (9, 353-369); необходимо обогащать словарный состав, в первую очередь посредством финских заимствований (13, 5-30). В целом была предложена достаточно детальная программа целей языкового обновления; выдвигалось требование безотлагательного реформирования эстонского литературного языка. Началась полемика, вызвавшая оживление интереса к языковым вопросам. Аавик принимается пропагандировать обновленный язык в ряде брошюр, а также в переводах на эстонский произведений мировой литературы (7; 4). Наряду с новыми грамматическими явлениями носители языка знакомятся и с предложенными им неологизмами.

Вместе с В.Ридала Й.Аавик старается оживить o в непервых слогах (18), предлагает правила сбраования партитива мно-

жественного числа (17), выступает за употребление возвратных глаголов (15). Одновременно он разъясняет свои теоретические позиции: принципы обновления языка, связи с диалектами и вопрос о красоте языка (14; 10; 5; 136-148; 8). Чтобы ознакомить читателей с новыми и малоизвестными словами, он составляет словарь (41), дополненное издание которого выходит в 1921 г. Но и после этого Й.Аавик продолжает вносить предложения, относящиеся к грамматике и к словарному составу языка. В 1924 г., наряду с другими принципами, он раскрывает и свой метод словотворчества (8).

Начиная с 1925 г. работа по обновлению языка затихает. Причина - восполнение основных пробелов в словарном составе и выход в свет ортологического словаря, в котором нашли отражение языковые нормы, в целом положительно встреченные общественностью. Хотя Аавик продолжает пропагандировать свои предложения (29; 12; 11), все же теперь лишь немногие из них усваиваются литературным языком.

Итогом работы Й.Аавика явилась большая грамматика 1936 г. (2). Сама грамматика написана на официально нормированном к тому времени языке; в то же время в ней находим и критику официального языка, и новые предложения автора. Содержащая тонкие наблюдения, книга является выдающимся трудом в эстонской грамматической науке.

Чтобы понять позиции Й.Аавика, следует знать его отношение к языку. Еще в 1912 г. он подчеркивает, что язык - это тончайшее о р у д и е человеческого духа, которое необходимо усовершенствовать, чтобы оно шло в ногу с требованиями эпохи (14, 170). Еще более подчеркивает он эту мысль в 1924 году, говоря, что в языке следует видеть с р е д с т в о, о р у д и е ч е л о в е ч е с к о г о д е й с т в и я, МАШИНУ, на которую надо смотреть глазами производственника, стремящегося подчинить явления своей воле (8, 8).

Принципы развития языка, по мнению Аавика, следующие: 1) целесообразность, 2) красота, 3) национальная самобытность. Целесообразность предполагает использование более экономных форм, под национальной самобытностью понимается употребление исторических форм. Красоту языка Аавик понимает как его благозвучие и как проявление хорошего вкуса в процессе употребления (10, 61-64). В более поздней деятельности Аавика требование красоты часто становится основным критерием, в своих крайних проявлениях приводящим к субъективизму.

Сторонниками и проводниками обновительского направления

были также писатель и языковед В.Грюнталь-Ридала, языковед Ю.Мягисте, примкнули к этому направлению также писатели Ф.Туглас, Г.Суйтс и молодое поколение литераторов, в первую очередь члены группировки "Сиуру".

В противовес обновительскому сформировалось языкоустроительное направление, возглавляемое Й.В. Вески. Вески еще в первое десятилетие века также отмечал недостатки эстонского литературного языка, бедность его словарного запаса. Многие проблемы обсуждались литературным отделением ОЮЭ. Источник пополнения словарного состава Вески с самого начала видел в народном языке, материал которого, по его убеждению, необходимо собирать, обрабатывать, упорядочивать. Чтобы ускорить сбор материала, он в 1907 г. обратился ко всем заинтересованным лицам (48, 2), указав одновременно и на неточность, и на бессистемность терминов. Й.В. Вески был одним из основных организаторов конференций по вопросам языка в 1909-1911 гг. В 1912 г. он кратко излагает результаты обсуждения в небольшой брошюре (23).

Й.Аавиком уже были опубликованы его принципы обновления языка. Й.В. Вески также излагает свои теоретические взгляды, при этом основной способ обогащения литературного языка он видит в использовании элементов самого эстонского языка.

С 1914 г. Й.В. Вески участвует в составлении эстонского орфографического словаря. Он пополняет его иностранными словами, пишет главу о правилах языка и придает рукописи окончательный вид. Так как словарь был быстро распродан, то сразу же приступили к подготовке второго издания. ОЭЛ доверило его составление Й.В. Вески. Все случаи нормирования обсуждались в языковой комиссии ОЭЛ, окончательное решение принимал составитель. Три тома "Эстонского орфографического словаря" (ОСЭЯ) были изданы за двенадцать лет (21). Особое значение имел первый том, в котором были изложены принципы составления, даны необходимые указания и типология словоизменительных парадигм. В словаре орфографически и орфоэпически нормируются наиболее существенные явления (3-я степень долготы, палатализация), нормируется также словоизменение; в необходимых случаях указывается и значение слова. Нередко допускаются параллельные формы. Словарь учитывает традицию и народный язык, пытаясь одновременно подавать системно материал. ОСЭЯ содержит значительное количество неологизмов, вошедших в литературный язык, и определенное количество научных терминов. Предложения по обновлению языка были учтены лишь час-

тично (i-ое множественное число, партитив множественного числа, i-вая превосходная степень). В словаре были зафиксированы основы орфографии, морфологии и лексики эстонского литературного языка. Параллельно с составлением ОСЭЯ Й.В. Вески пополнял лексику эстонского языка. Особенно значителен его вклад в создание научной терминологии. При этом многие термины вошли в общепотребительный фонд лексики. Как уже указывалось, Й.В. Вески занимался проблемами терминологии с первого десятилетия нашего века. Когда в Тартуском университете преподавание было переведено на эстонский язык, стала ощущаться необходимость в специальных терминах. Для выработки терминологии были созданы группы по специальностям; Й.В. Вески участвовал в работе всех групп в качестве языкового эксперта. Увидели свет терминологические словари около тридцати специальностей, Й.В. Вески являлся автором либо соавтором этих словарей.

Одновременно Й.В. Вески редактировал тысячи страниц справочников, научной литературы и учебников, тем самым регулировал формирование и реальное применение литературного языка. В соавторстве с А.Каском, А.Вайгла и Й.Вяйнасте им составлен учебники для средней школы (27; 28).

Излагая свои теоретические принципы, Й.В. Вески высказывается за понимание языка как "средства выражения мыслей", развивающегося по требованиям самой жизни эволюционно, без значительных скачков (46, 95). Если Й.Аавик источник развития эстонского литературного языка часто видит в использовании элементов чужих языков, то Й.В. Вески считает, что "все истоки, планы и законы, необходимые для основных путей дальнейшего развития эстонского языка, кроются в самом нашем языке ..." (47, 100). Вески придерживается мнения, что новые слова следует брать из диалектов, из более древних пластов языка и лишь затем заимствовать из чужих языков. К методу искусственного создания слов Й.Аавика он относится отрицательно. Особенно большое значение Вески придает способу создания новых слов при помощи суффиксов (47, 104). Сам Й.В. Вески часто пользовался этим методом, особенно при создании терминов. В своей языкоустроительной деятельности Вески следовал прежде всего принципам: 1) целесообразности, 2) системности, 3) народности, 4) благозвучия. Целесообразность, наиболее существенное качество, представляется им как требование литературного языка, который должен быть легко усваиваемым и при этом самобытным. Для морфологии, подчеркива-

ет Вески, особенно важны регулярность и систематичность. Последняя точка зрения со временем все более укореняется, иногда приходя в противоречие с требованием народности языка. Благозвучие означает, что следует избегать монотонности и какофонии (40, 97-101).

Принципы развития литературного языка, предложенные Вески, оказались ведущими во всей последующей деятельности по упорядочению эстонского языка (25, 381).

Сторонником языкового строительства был в основном и Андрус Сааресте, профессор эстонского языка Тартуского университета (1925-1941 гг.). С 1922 г. он возглавлял языковую комиссию ОЭЛ, и под его непосредственным руководством принимались решения по нормированию языка. Известно, что наряду с исследованием диалектов он во многих своих работах прямо касается состояния эстонского литературного языка и ортологических вопросов (35; 36; 37; 39).

Хорошо зная диалекты, он особо подчеркивал принцип народности в развитии литературного языка. Диалектные слова, рекомендованные А.Сааресте к употреблению в литературном языке, послужили источником неологизмов как для Й.Аавика, так и для Й.В. Вески (38). Вводил Сааресте новые слова и в свои переводы (24, 20).

А.Сааресте принадлежит вывод о характере эстонского литературного языка в конце тридцатых годов. Он сравнивает отрывок из "Атала" Ф.А. Шатобриана (переводчики Й.Аавик, К.Леэтберг, Й.Мягисте, А.Орас, Й.Семпер, Г.Суйтс, Й.В. Вески, А.Сааресте) с двумя более ранними переводами этого текста (1887 и 1923 гг.) и делает вывод, что 1) гибкость выражения и точность эстонского языка особенно развились за период 1887-1923 гг.; 2) не ощущается уже резкого различия между официальным и "обновительским" языком (36, 12). Тем самым один из самых компетентных языковедов того времени констатирует, что наш язык художественной литературы в конце тридцатых годов при всем многообразии средств выражения все же находился в процессе стабилизации.

Языкоустроительного направления придерживался и Э.Муук, который в начале своей деятельности был помощником Й.В.Вески и исходил из его принципов, хотя к некоторым из них относился критически. Э.Муука интересовали многие проблемы литературного языка (33, 1-20; 32, 55-69; 34, 108-116), например, он уточнил орфографию иностранных слов и заимствований, а также ряд вопросов морфологии и словообразования. Э.Муук со-

ставил грамматику (31); в 1933 г. увидел свет его однотомный ортологический словарь (49), который до 1940 г. успел выйти в семи изданиях. Им завершен также третий том ОСЭЯ. Опираясь на принципы Вески, Муук в то же время в большей степени учитывал народность и естественность языка. Многократно издаваемый "Малый ортологический словарь" (МЭС) Э.Муука в значительной степени способствовал тому, что нормы эстонского литературного языка за относительно короткий срок стали общеизвестными, а литературный язык унифицировался.

Третье, консервативное, направление составляли в первую очередь Я.Йыгевер и К.Леэтберг.

Я.Йыгевер на словах признавал необходимость обновления языка, на деле же цеплялся за старое. Задача языкознания, по его мнению, — объяснять языковые факты. В.Леэтберг отрицательно относился к обогащению литературного языка и к его систематическому упорядочению. Что касается письма, то он считал, что каждый волен писать, как ему хочется.

Взгляды представителей консервативного направления не были поддержаны общественностью и не оказали влияния на развитие литературного языка 20 в.

Теперь рассмотрим подробнее некоторые изменения, введенные за исследуемый период на разных уровнях эстонского литературного языка, а также орфографии.

Об орфографии и фонетике необходимо сказать следующее. Во второе десятилетие века в основном говорили и писали *hea*, *pea*, *seadma*, хотя встречались и варианты с долгим гласным (*hääi*). Во многих других словах употребительным стал долгий гласный (*võõras pro võetas, rüüavad pro rüjavad*). Это было зафиксировано и в ЭОС. Второй компонент вторичного дифтонга, по решению конференции 1909 г., пишется через одну букву: *au*, *õui*, *ui* *pro auu*, *õuiu*, *uii*. Согласно решениям конференции, пишется *-i-* в конце дифтонга в словах *laine*, *luine*, *paine*, *-e-* в словах *paetis*, *vaene*. В соответствии с решением, принятым на конференции, вторичный дифтонг в слабой степени имеет нисходящий вид: *tuba-toa pro tua*, *viga-vea pro via*. Норма утвердилась с 1913 г.

В начале века в язык вошло много иностранных слов; в 1911 г. было решено долгие гласные в них обозначать удвоенными буквами (*loogika*, *daatum*, *idee*), однако этот способ письма, соответствующий произношению, укоренился не сразу. В ЭОС он в целом учтен, хотя встречаются и написания, отличающиеся от современных (*politika*). ЭОС фиксирует также

härre, väävel pro herre, veevel.

Третья степень долготы гласных и согласных впервые фиксируется в ОСЭЯ. Обозначена и палатализация согласных.

Начальное *h* в произношении и на письме было зафиксировано еще на конференции 1909 г., нормируется это и в ЭОС: *hat ras, hurtsik, hõdruma*. В ОСЭЯ впервые предложена норма *varss, märss pro varg, märs*, а также *küljeli pro külleli, ümmargune pro ümargune*.

По решению конференции 1908 г. с 1912 г. стали писать -*ki* после глухого, -*gi* - после звонкого согласного: *kappki, laulgi*.

В начале тридцатых годов по предложению Э.Муука была нормирована орфография *h, f* и *š* (генитив *almanahhi*, партитив *almanahhi*, но генитив *šefi, tuši*, партитив *šeffi, tušši*), а также правописание взрывных на конце слова (*piiskop, kotlet pro piiskopp, kotlett*) и согласных на границе первого и второго слога (*akumulaator, opositsioon pro akkumulaator, oppositsioon, rajoon, lojaalne pro raioon, loiaalne*). Впервые это нашло отражение в МОС.

Во второе десятилетие наблюдалась склонность к слитным написаниям (*kõigeilusam, üheaknaga*); конкретные правила по этому вопросу фиксирует ОСЭЯ.

На конференциях был введен способ правописания, по которому собственные имена лиц пишутся согласно оригиналу (*Buron*), известные топонимы - в соответствии с произношением (*Stokholm*), малоизвестные - без изменений (*Glasgow*). Этот принцип все же проводился не всегда последовательно. Определения от имен существительных собственных было в тридцатые годы решено писать в соответствии с произношением и со строчной буквы (*bertolee sool*), однако это не утвердилось окончательно.

Не нашли поддержки и такие предложения Й.Лавика: писать вместо *ü* по-скандинавски *u*, восстановить *o* в первом слоге, чаще сохранять характерное для иностранных слов ударение или даже переносить ударение на нерелый слог (*metód*).

Многие варианты и колебания в орфографии и произношении, характерные для начала века, были устранены к 1912 г., еще более - к 1918 г. Первый том ОСЭЯ, вышедший в 1925 г., в общих чертах отражает современное письмо. Некоторые уточнения были сделаны в МОС в 1933 г.

Наиболее сложным был процесс фиксации м о р ф о л о г и

г и ч е с к и х форм, который требовал создания и учета определенной целостной системы. Отметим некоторые языковые факты, нормированные за рассматриваемый период.

Подверглись нормированию многие формы имени. Так, в начале 20 в. употреблялись генитив ед.ч. типа *karjatsen matukse*. ЭОС фиксирует *karjase, matuse*. В типе *pidu: reo~pidu* Аавик предпочитал формы с чередованием ступеней, которые и были зафиксированы в ЭОС, причем были сохранены и некоторые параллельные формы без чередования ступеней. В ОСЭЯ даны формы генитива ед.ч. *õnnetu pro õnnetuma*.

В паритиве ед.ч. ЭОС фиксирует *ametit pro ametid, numb-rit pro nummert*. Предложенное Аавиком *õnnetondne* нашло отражения в словарях. Иллатив ед.ч. в начале века был представлен в основном формами на *-sse*. ЭОС приводит и краткие формы *maha, jalga, meele, sülle, tuppa*, хотя для части слов сохранены формы на *-sse* (*majasse* и др.). ОСЭЯ дает в иллативе *meele~meelde* и, как правило, краткие формы от всех двусложных слов (*majja* и др.); МОС приводит последние как единственно правильные. С середины второго десятилетия укоренились более краткие формы слов на *-ne* и *-s*: *valgusse pro valguses*.

Из форм инессива ед.ч., различающихся степенью чередования, Й.В. Вески в 1912 г. рекомендовал употреблять формы, совпадающие по ступени с генитивом (*jalas pro jalgas*). Э.Муук предлагал отличать наречные формы (*uks on lukkus, jalad on hargis*) от падежных форм (*lukus, hargis*). Й.Аавиком были предложены формы инессива на *-n*, которые, однако, в систему литературного языка не вошли.

Из параллельных форм генитива мн.ч. *puhaste~puhtate* ОСЭЯ фиксирует первую. Во втором десятилетии Й.Аавик рекомендует для этого падежа формы на *-e* (*puie, tähte*) и *-i* (*tänavi*), которые, однако, в систему языка не вошли.

Система форм паритива мн.ч. в начале века была достаточно пестрой. ЭОС дает *aastaid, tütreid*, но от основ на *-i* форму *kallid*, новый ОСЭЯ приводит и здесь окончание *-eid*. ЭОС допускал от двусложных основ на *-i* и *-u* формы на *-a* и *-sid* (*sirpa-sirpisid*) ОСЭЯ же — формы на *-e* (*sirpe, laule*). Вопрос о паритиве мн.ч. был разработан Й.Аавиком; соответствующие формы приводятся в ОСЭЯ.

С этой проблематикой тесно связан вопрос о так наз. *i*-вом множественном числе, малоупотребительном в начале века. По убеждению Й.Аавика, это один из ключевых вопросов языко-

вого обновления; в 1912 г. он формулирует правила образования форм *i*-вого мн. числа. *i*-все мн. число было принято как в ОСЭЯ, так и в МОС, где соответствующие формы приводятся достаточно последовательно. В активное употребление вошла лишь часть этих форм.

Относительно глагола отметим следующее. В начале века нерегулярно употреблялись формы *da*-инфинитива от глаголов, фонетически оформившихся в результате контракции. Й.Аавик предпочитал формы слабой степени *alata pro algada*, которые были зафиксированы и в ОСЭЯ. ОСЭЯ узаконил предложенное Аавиком *kõnelda pro kõneleda*; формы же на *-ella* (*ähvardella*) были зафиксированы лишь в МОС. Предложенные Аавиком формы *da*-инфинитива без показателя (*istu*), а также причастий на *-tet* и *-nd* (*kirjutet*, *eland*) в словарях отражения не нашли.

Конференция 1910 г. рекомендовала более краткие формы 3-го лица простого прошедшего времени (*tulid*, *laulsid pro tulivad*, *laulsivad*); вскоре эти формы стали общеупотребительными. В 1917 г. Й.Аавиком было сделано предложение об использовании *i*-признака в формах прошедшего времени (*kuulin*); он рекомендовал также употреблять в прошедшем времени отрицание с частицей *es* (*es tule*). Эти предложения в литературном языке приняты не были. Значение косвенного наклонения еще в первое (отчасти и во второе) десятилетие века выражалось двояко — при помощи *da*-инфинитива и формой на *-vat* (*elada ~ elavat*); обсуждали вопрос о том, различаются ли эти формы семантически. В грамматике О.Лооритса впервые твердо даются только формы на *-vat*. В ОСЭЯ фиксируются неопределенно-личные формы *tuuakse*, *tehakse pro toodakse*, *tehtakse*. Формы возвратно-среднего залога на *-uma* (*saabuma*, *suubuma*), рекомендованные Й.Аавиком, нашли широкое применение и отражены в ОСЭЯ.

Традиция синтаксического строя предложения была в эстонском литературном языке в начале 20 в. еще во многих отношениях неустойчивой и под иноязычным влиянием.

В первые два десятилетия были употребительны конструкции с личной формой глагола *saama* и причастием на *-tud*: (*sai tagasi hoitud*). В придаточном предложении личные формы глагола часто занимают место в конце: *kes ... leiva kaotanud on pro on kaotanud leiva*. В 1912 г. этот вопрос резко поставил Й.Аавик, после чего многие пишущие и редакторы изданий внимательнее стали относиться к строю предложений. Неустойчиво

употреблялись формы в функции объекта. Встречается неоправданное употребление объекта в партитиве (*ta võttis kuube*). В грамматиках того времени отсутствовали необходимые правила, касающиеся выражения объекта. Поэтому Й.Аавик один из своих первых спецкурсов в Тартуском университете и посвятил объекту. Представляется, что к последнему десятилетию рассматриваемого периода использование грамматических форм в функции объекта уже стабилизируется.

В начале века еще не сформировались правила согласования в числе: *rahvas lähevad pro rahvas läheb, tühja kättega pro tühjade kättega*. Для литературного языка начала века было характерно обильное употребление служебных слов как при имени, так и при глаголе: *peeti koosolek ...ära; hoolituse sisse jättnud*. Еще во второе десятилетие Й.Аавик обращал внимание на частое употребление ненужных служебных слов; эти его указания дали результаты.

В целом упорядочение грамматики в некоторой степени связано с деятельностью конференций, но более всего — с принципами ЭОС 1918 г., наиболее же значительную роль сыграл ОСЭЯ. В МОС языковые нормы были уточнены. Синтаксис и стили эстонского языка стабилизировались в тридцатые годы.

Общий словарный фонд эстонского литературного языка к началу 20 в. в целом сложился. И тем не менее имелись проблемы, особенно если сравнить ситуацию с литературными языками других культурно развитых народов. В 1912 г. Й.Аавик отметил ряд немецких и русских слов, которым не было соответствия в эстонском языке, напр., *Abenteuer* — приключение, *Anerkennung* — признание, *Erfolg* — успех, *verhältnismässig* — относительный, *versehen* — снабжать (I4, I73). В ОСЭЯ находим все соответствующие слова: *seiklus, tunnistamine, edu, suhteline, varustamine* и др. Из терминологических слов, вошедших в употребление по предложению Й.В. Вески, многие стали общеупотребительными, напр. : *keskus, liiges, mugul, rase, seos, tahke, tuusik, manduma, märkmed, elamu, kahjur, koostama, loomne* (42, 21).

Наиболее ярко пополнение словарного состава и уточнение семантики слов в сфере общественно-политической прослеживается по страницам прессы. Вначале значительную часть этих слов составляли сложения с мотивированными компонентами. В большом количестве составлялись индивидуальные новообразования, которые, однако, в языке не удержались, напр., *töötõrku mine (streik)*. Около 1910 г. появились слова *ühiskond* вместо

seltskond, töösigivus (сейчас tööviljakus), anderikkad tooted (сейчас kultuurisaavutused). Много было и иностранных слов, орфография которых еще не установилась: politikavangid, sensualismus, block (в значение 'союз нескольких партийных групп'). К тридцатым годам соответствующий лексикон в общих чертах был зафиксирован.

Словарный состав художественной литературы приобретает свое лицо в течение второго и третьего десятилетий. Основные пробелы были большей частью восполнены словами из диалектов (hõng, jada, vagel, halama) и финскими заимствованиями (avarduma, haihtuma, ilme, mugav, üllatama). Развивалась синонимика и формировалось богатство оттенков (kahkjās - hahkjās, kaduma - hääbuma). Особенно часто встречались новообразования в стихотворной речи; в соответствующем контексте они были понятны и оживляли его, в язык же они вошли лишь частично.

Если издания "Noor-Eesti" и начальный этап языкового обновления характеризуются целым потоком иностранных слов, хлынувших в язык художественной литературы, то позже обогащение словаря осуществлялось в основном за счет собственных средств. В язык оригинальной и переводной художественной литературы вводили неологизмы прежде всего Ф.Туглас, В.Грип-таль-Ридала, Й.Аавик и др. Из этих слов многие также стали достоянием языка. В тридцатые годы лексика художественной литературы в общих чертах уже стабилизировалась.

Необходимость создания и уточнения эстонской терминологии проявилась в два первых десятилетия в связи с преподаванием на эстонском языке, введенным в некоторых школах, и с написанием для них учебников. С 1909 г. начали выходить терминологические словари - математических, географических, химических, медицинских и ботанических терминов. Когда стал эстоноязычным Тартуский университет, возникла необходимость упорядочить терминологию. В 1920-1935 гг. было создано - главным образом в Тартуском университете - около сорока комиссий для обсуждения и утверждения терминов. Наряду со специалистами по данным наукам участие в работе всех этих комиссий в качестве языкового эксперта принимал Й.В. Вески. Им были внесены многочисленные предложения по нахождению эстонских соответствий, созданы целесообразные терминологические системы и унифицировано употребление слов в разных отраслях науки. Так, в экономической науке вошли в употребление слова jaemüük ('розничная продажа'), käitis ('/промышленное/пред-

приятие'), majand ('хозяйство' /в значении 'производственная единица'/), tarbima ('потреблять'); в юридической - teatmik ('справочник'), tõend ('удостоверение'); в медицинской - lõõve ('сыпь'), nakkus ('инфекция'), kehvvõrgesus ('анемия'); в исторической - asula ('селение'), sajand ('столетие'); sugetus ('смертность'); в области техники - tihend ('уплотнение, прокладка'), valamu ('раквина'), keevitama ('сваривать'); в области зоологии и ботаники была создана четкая система в употреблении производных с суффиксами -line и -lane и т.д. Всего в 1920-1935 гг. было зафиксировано более 100.000 терминов, большинство которых вошло в употребление. Примерно половина этих слов нашла отражение в словарях (ботанических, зоологических, технических, медицинских, юридических и др. терминов), соавтором которых является Й.В. Вески, вторая половина опубликована списками в журналах.

В целом для обогащения эстонского словарного состава были использованы следующие основные источники и средства:

1) Диалектные слова (maak, rälvima, äsja), которые широко вводили в литературный язык, с одной стороны, Й.Аавик и писатели, с другой стороны, Й.В. Вески и языкоустроители. Диалектные основы, часто взятые из словаря Видеманна (50), широко использовались для пополнения терминологии производными словами.

2) Производные слова. В обилии создавал производные слова Й.В. Вески (argvitama, andmed, rõõrang); им использованы все суффиксы эстонского языка. Много слов составлено и Й.Аавиком, который привлекал более редкие суффиксы (-tar, -eim, -elu, -anta).

3) Займствования из других языков, среди которых наиболее многочисленны финские (haäbima, kogema, üllatama): введены в литературный язык прежде всего Й.Аавиком и сторонниками языкового обновления. Й.Аавиком введена в язык и значительная часть заимствований из неродственных языков (mõtt, roog, rõõbel), Й.В. Вески использовал в основном интернациональную лексику по некоторым специальностям (химия, математика).

4) Сложными словами пополнил литературный язык, главным образом терминологию, Й.В. Вески (tarbekaup, vallasvara). Й.Аавик предпочитал одноосновные слова; при образовании композит он рекомендовал номинативное сложение (tubakärbes, peetimaastik). Й.В. Вески по примеру народного языка пытался разграничивать слова с генитивным и номинативным первым ком-

понентом (käekiri, käsikiri).

5) Вошло в употребление некоторое количество калек, в основном введенных Й.В. Вески (soojalembene — греч. thermophilos, käendaма — русск. порука).

6) Возрождены — также главным образом Й.В. Вески — и некоторые архаизмы (kõnnutaa, häil, lätiv).

7) Искусственно создавал слова в течение этого периода только Й.Аавик (veenma, siiras, tðik), частично взамен сложных слов (roim-kuritõõ, kolp-realui). Из искусственно созданных Аавиком слов в употребление вошло около тридцати.

В рассматриваемый период эстонский словарный запас значительно обновлен. Были восполнены пробелы, лексика обогатилась синонимами, расширилась возможность выражения нюансов. Совершенно новое явление представляла собой кодификация терминов.

В итоге можно сказать, что в 1900–1940 гг. был завершен процесс формирования эстонского литературного языка как отработанного литературного языка культурно развитого народа; к функциям языка, выполняемым им ранее, добавилась функция языка науки. В этот период было осуществлено широкое нормирование эстонского литературного языка, в ходе которого были выработаны основы орфографии и всесторонне упорядочена грамматическая система. При этом в одних случаях были сохранены многие параллельные формы, в то же время встречается и стремление к излишней строгости системы, что иногда приводило к отсутствию гибкости. Существенно обогатилась лексика с ее средствами нюансировки и синонимикой, столь существенной для языка художественной литературы. Сложились разные функциональные стили литературного языка.

Развитие литературного языка происходило в условиях резких столкновений разных точек зрения. Главную роль в этом играли обновительское направление во главе с Й.Аавиком и языкоустроительное направление, возглавляемое Й.В. Вески. В нормировании литературного языка ведущими стали взгляды языкоустроительного направления; новое же в лексике, как и общеупотребительной, так и в лексике художественного языка, во многом сложилось под влиянием также сторонников языкового обновления. Для фиксации научной терминологии особенно существенной была словотворческая и унифицирующая деятельность Й.В. Вески.

В ходе обогащения и нормирования в грамматику и лексику литературного языка, опирающегося на северный диалект, вля-

ся целый ряд элементов, характерных для южной Эстонии. В основной своей части эстонский литературный язык опирался на народный язык; в процессе развития литературного языка в основном принимались те предложения, которые находили опору в народном языке.

Важную роль в деле ознакомления читателей с нормами литературного языка и унификацией лексики в рассматриваемый период играли ортологические словари ЭОС, ОСЭЯ и МОС.

С точки зрения формирования литературного языка период 1900-1912 г. можно характеризовать как время умеренных поправок. До 1907 г. литературный язык в первую очередь обогащался новыми словами; с 1908 г. началось нормирование орфографических и фонетических, а также некоторых грамматических явлений. 1912-1925 гг. были периодом бурного развития, когда в результате столкновения взглядов были отобраны и зафиксированы основы звуковой и грамматической системы, а также значительно пополнился лексический состав и была начата разработка терминов. 1925-1940 гг. были годами стабилизации; окончательно сформировался официальный литературный язык - как в части основных норм, так и в части лексики. В 1935 г. завершился предварительное упорядочение терминов.

Если весь рассматриваемый период является этапом интенсивного развития эстонского литературного языка, то нормы его сформировались благодаря целенаправленной деятельности в основном в 1908-1933 гг. - в течение четверти века.

Перевела с эстонского
Э.Вайтла

Использованная литература

1. Aavik J. Eesti kirjakeele täiendamise abinõudest. -- Noor-Eesti I. Trt., 1905.
2. Aavik J. Eesti kirjakeele õpik ja grammatika. - [Trt.], 1936.
3. Aavik J. Ilusa keele kõlaline inetus. - EKirj, 1912.
4. Aavik J. Katsed ja näited, 1915-20.
5. Aavik J. Keele ilo, Siuru I. - Tln., 1917.
6. Aavik J. Keele kaunima kõlavuse poole. - EKirj, 1912.
7. Aavik J. Keeleline Kuukiri, 1914-16.
8. Aavik J. Keeleuunduse säärmised võimalused. - [Trt.], 1924.
9. Aavik J. Kõige suurem germanismus eesti keeles. - EKirj, 1912.
10. Aavik J. Rahvamurded ja kirjakeel. - Trt., 1920.
11. Aavik J. Sada uut tüüpsõna. - Tln., 1932.
12. Aavik J. Soome-eesti hõimlus ja keeleuundus. - Trt., 1926.
13. Aavik J. Soome sõnad Eesti kirjakeeles. - EKirj, 1912.
14. Aavik J. Tuleviku Eesti-keel. - Noor-Eesti IV. Trt., 1912.
15. Aavik J. Üma-lõpulised refleksiivid. - Trt., 1920.
16. Aavik J. Õigekeelsuse ja keeleuunduse põhimõtted. - Trt., 1924.
17. Aavik J. Õigekeelsuslik grammatika. 1. osa. Mitmuse partitiiv (Äratrükk "Päevalehest") - Trt., 1919.
18. Aavik J., Ridala V. O sõnastik. - Trt., 1916 (Keelelise uunduse kirjustik, nr. 12).
19. Ahven E. Eesti kirjakeele arenemine aastail 1900-1917. - Tln., 1958.
20. Eesti kirjakeele reeglid. Eestimaa Rahvahariduse - seltsi Kirjanduse-haruseltsi ja Eesti kirjandusseltsi asemikkuude otsused. Trükki andnud J.V. Veski. - Tln., 1912.
21. Eesti õigekeelsuse-sõnaraamat I-III. - Trt., 1925, 1930, 1937.
22. Eesti keele õigekirjutuse-sõnaraamat. - Trt., 1918.
23. Eesti kirjakeele reeglid. Eestimaa Rahvahariduse-seltsi Kirjanduse-haruseltsi ja Eesti Kirjandusseltsi asemikkude ühiste koosolekute otsused. Trükki andnud J.V. Veski. - Tln., 1912.

24. Erelt T. Andrus Saareste ja keelekorraldus. - Kirjakeel, 1983.
25. Kask A. Eesti kirjakeele ajaloo II. TRÜ rotaprint. - Trt., 1970.
26. Kask A. Johannes Aavik ja keeleuuendus. - Tln., 1966, nr. 1.
27. Kask A., Vaigla A., Veski J.V. Eesti keeleõpetus ja harjutustik. I-IV. - Trt., 1934-36.
28. Kask A., Vaigla A., Veski J.V., Väinaste J. Eesti keeleõpetus ja harjutustik. V. - Trt., 1936.
29. Keelekultuur I. - Trt., 1928-29.
30. Loorits O. Eesti keele grammatika. - Trt., 1923.
31. Muuk E. Eesti keele grammatika. - Trt., 1927.
32. Muuk E. Eesti kirjakeele praegusest seisukorrast. - EKirj, 1926.
33. Muuk E. Häälkuseaduslikkus ja analoogilisus meie õigekeelsusnähtuste kirjeldamise mõõdupuuks. - EKirj, 1925.
34. Muuk E. Keeleuuendus ja kirjakeele fikseerimine. - EKirj, 1927.
35. Saareste A. Eesti õigekeelsuse päevaküsimustest. Johannes Aaviku "Eesti õigekeelsuse õpiku ja grammatika ilmumise puhul" - Eesti keele arhiivi toimetised, nr. 9. Trt., 1937.
36. Saareste A. Eesti keele mitmest palgest. Pisut katselist statistikat. AES-i toimetised, XXXVI. - Trt., 1938.
37. Saareste A. Meie keelekorralduse põhimõtteist ja nende kohaldamisest. - EKirj, 1933, nr. 9.
38. Saareste A. Murdesõnad Põhja-Eestist. Kirjakeele tegelikuks tarvituseks valinud ja esitanud A. Saaberk-Saareste, -Trt., 1921.
39. Saareste A. Tegelikud õigekeelsuse määrused. - Trt., 1922.
40. Tauli V. Õigekeelsuse ja keelekorralduse põhimõtted ja meetodid. - Trt., 1938.
41. Uute sõnade sõnastik. - Trt., 1919.
42. Veski A., Veski J.V. Eesti keele sõnavara arendajana. - ESA IV. Tln., 1959.
43. Veski J.V. Eesti keele uuendamise asjus. - EKirj, 1914.
44. Veski J.V. Eesti keele praegune arenemisejärg. - EKirj, 1914.

45. Veski J.V. Eesti kirjakeele edasiarendamise teedest.
- Voog I. Tln., 1913.
46. Veski J.V. [Vastuseks ankeedile]. Keeleline Kuukiri
1915.
47. Veski J.V. Eesti kirjakeele edasiarendamise teedest.
- Voog I. Tln., 1914.
48. Veski J.V. Üleskutse eesti sõnade korraldamise asjus.
- Rahvaleht, 1907, nr. 75.
49. Väikene õigekeelsus-sõnaraamat. Koostanud E. Muuk. -
Trt., 1933.
50. Wiedemann F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch.-St.-Pe-
tersbourg 1869, 1893.
51. Баланина И. Венгерский язык. - М., 1951.
52. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому
национальному языку. Часть I. - М., 1955.
53. Жирмунский В.М. История немецкого языка. - М., 1948.

EVOLVO DE ESTONA LITERATURA LINGVO
(problemoj de reformado, normigado kaj lingva
kodeksigado dum 1900-1940)

Aino Valmet

Komence de nia jarcento estona estis nesufiĉe normigita literatura lingvo. Por ĝia normigado havis gravan signifon fonditaj dum 1900-1940 naciaj societoj kaj asocioj (inter ili ankaŭ Societo pri patrina lingvo kun ĝia organo "Estona lingvo") kaj aranĝitaj specialaj sciencaj konferencoj, dediĉitaj al problemoj de estona lingvo. La aŭtorino detale karakterizas agadon de J. Aavik kaj J.V. Veski kaj iliaj adeptoj rilate al reformado, normigado kaj kodeksigado de estona literatura lingvo. Speciale la aŭtorino skribas pri artefarita vortfarado en estona lingvo kaj pri ĝiaj inspirantoj.

НОВОПРУССКИЙ ЯЗЫК: "ТОЛЬКЕМИТА" И "ПРУСА"

Миккель Клоссе

В статье "От реконструкции старопрussкого к рекреации новопрусского", явившейся манифестом воссоздания языка древнейшего и некогда самого крупного из балтийских этносов¹, авторами обойдена вниманием попытка оживления прусского языка, предпринимаемая в ФРГ группой выходцев из бывшей Восточной Пруссии, которые считают себя потомками древних пруссов. В городке Дибург к востоку от Дармштадта (земля Гессен) по инициативе Рутеле Кауфманн-Толькемитт в 1980 г. создано общество "Толькемита", объединяющее около 70 членов. В его задачу входит собирание всего, что уцелело от духовной и материальной культуры древних пруссов, распространение знаний о них как о самобытном этносе, ставшем жертвой экспансии Тевтонского Ордена в Прибалтику (толькемитцы считают Орден немецкой, а папской военной организацией), а также оживление языка на основе известных письменных памятников, немецко-прусских фрагментарных билинга, топонимов, антропонимов, предполагаемых следов в восточнопрусском немецком диалекте. При этом недостающая лексика широко восполняется лексикой родственных литовского и латышского языков.

Член общества Гюнтер Крафт-Скальвинас, не будучи языковедом-балтистом, выполнил достойную воскижения работу по составлению для "Толькемиты" грамматики восстановленного ("обновленного") прусского языка². Грамматика написана по-немецки и включает три части (dellikai) -- морфологию, синтаксис и сведения о диалектах. Все грамматические термины -- наименования параграфов каждой части -- даны с параллельным новопрусским переводом. На последней, 42-ой странице, издания имеется список этих новопрусских терминов с обоснованием их деривации, напр., kalba Sprache (lit.; ostrp.: "kalbāken"),

¹ См.: Балто-славянские исследования 1983, с. 36-63.

² Его второе издание: Skalwynas, Günter Kraft. Grammatika prūsiskas kalbas, pobānda swaisas ernaunsnas. Für Freunde in der Tolkemita. -- Dieburg: Landhaus Vogelsang, 1982. Теперь готовится третье издание, учитывающее мои замечания, изложенные в переписке и содержащиеся также в этой статье.

kur-kazus Lokativ (lit.-lat., "Wo-Tall")³. Если бы язык "Толькемиты" был адекватным развитием древнепрусского языка, а не произвольно созданным языком, мы имели бы термины, имеющие обоснование в самом прусском языке, напр., kwei-kazus вместо незафиксированного в прусском литовско-латышского kur. Ведь, не говоря о том, что quei III – несомненно-прусское явление, совпадение восточнобалтийских литовских и латышских идиом вовсе не является гарантией наличия соответствующей идиомы в западнобалтийском прусском языке, ср. пр. empens – лит. vardas, лтш. vārds "имя", пр. sūtne E [zirnē] – лит. grūdas, лтш. grauds "зерно", пр. kailē – лит. sveikas, лтш. sveiks "здоровый, целый", пр. kērdan – лит. laikas, лтш. laiks "время" и т.д.; причем в приведенных случаях прусский ближе к славянскому (ср. рус. имя, зерно, целый, черед), чем к восточнобалтийскому.

Хотелось бы обратить внимание членов "Толькемиты" и самого автора грамматики на то, что принципы орфографии дошедших до нас памятников прусского языка, не говоря о ее непоследовательности, соответствовали принципам немецкой орфографии своего времени. Краткость (обычно ударного) гласного перед согласным обозначалась геминированием согласного – ср. dritten = kittans, mennern = tebbeī. Долгота же в открытом слоге обозначалась отсутствием такой геминации – nemen. Подобная система, хотя и при наличии нового средства обозначения долготы (geht → nehmen посредством h), сохранена в немецком вплоть до наших дней. В прусском же с самого начала имелаась и другая возможность графически противопоставить долгий слог краткому – обозначением долгот, связанным с обозначением ударения, ср. regōni, tāls, dīgi. В сембском диалекте прусского языка XVI в., который представлен наиболее полным III Катехизисом, основным источником наших знаний о прусском как языковой системе, все безударные гласные кратки, а отмеченные специальным знаком долгие возможны только под ударением. Остается сожалеть, что грамматика (за исключением нововведений с, ž, z, ž), следующая орфографии XVI века, не уделяет внимания этому вопросу, как и связанно-

³ В готовящемся новом издании грамматики не имеющее опоры в прусском языке литовское слово kalba заменено на принятое нами billā (от глагола billā "говорит"), поскольку kalbėken, вероятно, связок с презрительным обозначением немцами именно литовской речи, превратившимся позднее в жаргонизм. Для слова "речь" (не "язык"!) годится garba.

му с ним вопросу звуковой системы. Раздел "Фонетика" отсутствует, если не считать занимающих последнюю страницу III части замечаний о диалектах и произношении, а также четверть страницы введения, в котором излагается произношение букв алфавита. В обоих случаях вопросы фонетики и вопросы орфографии смешаны.

В адекватно-прусском языке было бы невозможно сосуществование помеданского $\bar{e}$ и сембского $i < \bar{e}$, что характерно для грамматики Г. Крафта-Скальвинаса, ср. *menins* "месяц" на с. 16 и *īst* "кушать" на с. 31 — либо *mīnins*, *īst*, либо *mēnins*, *ēst*. Невозможно было бы и сосуществование помеданского $\bar{o}$ и сембского $\bar{a}$, ср. *pozī* "нос" на с. 34 и *biāzna* "боязнь" на с. 33 — либо *pāzī*, *biāzna*, либо *pōzē*, *biāzlō*. Соответственно невозможно было бы в грамматических формах женского рода им. пад. *gerto* "курица" на с. 34 и *ranka* "рука" там же — либо *gertā*, *rankā*, либо *gērtō*, *rōnkō*. Это в особенности касается парадигм 3 класса на с. 5, где узаконено сосуществование помеданских форм им. пад. ед.ч. на -*o* (ср. *menso* E) и сембских форм на -*a* (ср. *mensā* III), причем им. пад. мн.ч. дан исключительно в помеданском виде -*os* (но ср. им. пад. мн.ч. *madlas* III). В адекватном прусском языке было бы либо им. пад. ед.ч. *madla*, мн.ч. *madlas*, либо ед.ч. *madlō*, мн.ч. *madlōs* (с ударением на первом слоге).

В закономерно-прусском языке было бы невозможно и сосуществование форм им. пад. ед.ч. жен. рода на - $\bar{e}$, -*e* и на -*i*, см. класс 4 на с. 5. В прусском языке это окончание (если не говорить о более редких формах женского рода на исторический -*i*, которые и не подразумеваются грамматикой "Толькемиты") восходит к долговому - $\bar{e}$, долгое же конечное - $\bar{e}$, сохраненное помеданским диалектом конца XIII в., в сембском диалекте XVI в. сохранилось только в ударной позиции (ср. *weddā* III "вел", *zemē* [zemē] III "земля"), в неударной же позиции да-ло краткое -*i* (*kurpi* III "башмак"). При этом если в помеданском долгое $\bar{e}$ сохранено также в начале и в середине слова, то в сембском оно и в этих случаях перешло под ударением в *i*, не под ударением — в *i*.

Фонетическое соответствие гласному $\bar{a}$ по подъему — гласный $\bar{o}$, в прусском языке также претерпел изменения, хотя и более сложные. Не говоря о его переходе в $\bar{u}$ после губных и гуттуральных (что необязательно для грамматических окончаний), в том же сембском диалекте безударный $\bar{o}$ перешел в $\bar{a}$, который при грамматическом выравнивании во многих случаях

оказался обобщен и на ударные позиции (ср. инф. *dāt* III "дать"). Что касается ударного *ō*, то он (вероятно, в суженой форме) сохранился (ср. *regōni* III "община", *posetien* [pōzetien] III "наземь"). В конечной позиции *ō* выступает в виде *u*⁴ (*Steismu Piru* III "той общине") и в виде *a* (обобщенное окончание I-3 лиц ед.ч. в глаголе). Процесс сужения *ō* → *o*, *u*, как и процесс сужения *ē* → *ī*, *i*, не мог не повлиять не более высокую пару исконных *ū*, *ī*, вызывая их дифтонгизацию *ū* → *°ū*, *ī* → *°ī*. Если бы первый процесс полностью ликвидировал исконные *ō*, *ē*, переведя их в *ū*, *ī*, то и исконные *ū*, *ī* должны были бы полностью перейти в *ou*, *ei*. Но первый процесс не завершился, сохранив в определенных позициях *ō*, *ē*. Поэтому и второй процесс не изменил фонологического статуса исконных *ū*, *ī*, их дифтонгизация не ушла дальше предпочтительного варианта произношения (ср. колебания в написании *ū/ou*, *ī/ei* в III Катехизисе, также и случаи, подобные *erkinina III* "свобождает"). Поэтому для последовательной орфографии адекватного прусского языка совершенно необязательно написание *toū* "ты" или *boūt* "быть", достаточно иметь в виду допустимость дифтонгоидного произнесения *ū*, *ī* (но ср. на с. 35 грамматики *-wīds* наряду с *aiṇawīds*, где написание *ij* = *ei* = *ī*).

Для понимания тенденций развития грамматических форм сембского диалекта чрезвычайно важен закон сокращения финалей: в неодносложных словах конечные краткие несонантические слоги подвергаются полной редукции [(*buttan*) *tāws* "patērfamilias", *emrijrint* "собрано"], тогда как долгие безударные слоги, как и в любой позиции, сокращаются (*maddla*, *mūti*). При этом важно учитывать характерную для прусского языка монофтонгизацию циркумфлексированных дифтонгов, благодаря чему появляются вторичные долгие (ударные) или краткие (безударные) финали *-ā* < *-āi*, *-ē* < *-ēi*, *-a* < *-ā* < *-āi*, *-e* < *-ē* < *-ēi*, часто суффиксального происхождения, ср. *lasinna* [lazīna] < **-ā* "положил", *dāse* < *-ei* (непоследовательно) "даешь", *billē* < **bilēi* < **bilējā* "говорит, говорил". Совпадение полученных указанным путем окончаний ед.ч. *-ai*, *-ei* (с краткостью в безударном положении) с историческими оптативными *-ai*, *-ei* при общем сокращении неударных долгот привело в языке катехизисов к обобщению конечных *-āi/-ā* и *-ēi/-ē* в качестве лишенных грамматической нагрузки вариантов популяр-

⁴ Поскольку это *u* имеется здесь в а-основном дативе ед.ч., оно может быть окончанием, взятым из *u*-основ (Б. Мажолис).

ных финалей, причем долгий вариант оказался обобщенным на ударные, краткий — на неударные позиции.

Понятно, что в адекватно-прусском языке невозможно сосуществование редуцированного и нередуцированного (кроме труднопроизносимых сочетаний) окончания им. пад. ед.ч. существительных и прилагательных муж. рода *-as* и *-s*, как это имеет место в грамматике "Толькемиты", ср. класс I на с. 4, а также *lauks* "поле", *lavs* "хороший" на с. 36 и *kranas* "берег" на с. 33 или параллельно *Deiwas*, *Deiws* на с. 37.

Если бы язык "Толькемиты" был адекватно-балтийским, то окончание дат. пад. ед.ч. муж. рода прилагательных было бы не номинальным *-u*, как на с. 7, но прономинальным *-(a/e)smu* [ср. лит. *lavam(u-i)*, лтш. *lavam* и пр. *wargesmu* "bösem"] .

Будучи адекватно-индоевропейским, этот язык не допускал бы наличия двух разных окончаний им.-вин. пад. ср. рода ед.ч. для одних и тех же о-основ, как им. *-an*, *-on* и вин. *-an* (*-on*) на с. 4. В индоевропейских языках им. и вин. падежи обоих чисел в сред. роде совпадают, чему противоречит различие им. *ka*, вин. *kan* на с. 13 и им. *ainan*, *ain*, вин. *ainan* на с. 7.

В органически-развившемся прусском языке вряд ли сосуществовали бы формы *tannā* "она" и *tennei* "они", но имелись бы *tānplā* "она" (ср. *tenna* III) и соответствующая форма мн.ч. жен. рода *tennas* "оне". Предполагая окончание *-os* для им. пад. мн.ч. жен. рода прилагательных и соответствующие формы местоимений *stos* "те", *subbos* "сами" (с. 7, 12) и т.д., грамматика грешит против логической последовательности, отказывая в такой форме местоимению "она" (с. 10 *tennei*), что едва ли разумно и для произвольного искусственного языка.

Пожалуй, наибольшие расхождения между языком "Толькемиты" и адекватным прусским языком заметны в изложении грамматикой форм числительных (с. 13, 14) и глаголов (с. 23-32). Излагаемая на с. 13-14 парадигма количественных числительных, за исключением 1, 2, 3, представляет собой искаженную литовскую парадигму, причем числительные 4, 5, 6, 7, 8, 9 даны с литовским местоименно-прилагательным окончанием им. пад. муж. рода мн.ч. *-i*, не имеющим никаких аналогов ни в самой грамматике "Толькемиты" (что едва ли допустимо), ни в реально известном прусском языке XIII-XVI вв. Числительное "3", кроме того, имеет странную и для "Толькемиты" форму *tri*, подозрительно созвучную исторической славянской, образовавшейся после отпадения *-s* по славянскому закону открытых слогов,

средний же род числительного "1" *ain*, форма которого тоже не имеет аналогов в самой "Толькемите" (хотя теоретически и не невозможна), подозрительно созвучна немецкому *ein*. Похоже, что автор грамматики решил восполнить недостающие формы в готовом виде из литовского, русского и немецкого (в словаре того же автора — и из латышского) языков, не предполагая, что любой язык — это системное образование (в частных письмах автор указывает на возможность широких "заимствований" из упомянутых языков, хотя совершенно невероятно, чтобы в прусском языке была заимствована, скажем, из литовского вся система числительных). Что касается числительных второго десятка, то в адекватном прусском языке они вряд ли состояли бы из собирательной формы им.-вин. падежа на $-\bar{o} < ^{-}\bar{a}$ в первом компоненте корня *lik* — во втором, как это имеет место в литовском языке. Эти числительные настолько новы, что не только разнятся в восточнобалтийском, т.е. в литовском и в латышском языках, но и в самом старолитовском языке обнаруживают неустоявшиеся варианты (ср. порядк. *antras liekas* и т.д.). Именно здесь скорее всего и следует ожидать совпадения прусской модели со славянской (ср. польск. *dwa-paście*).

В списке порядковых числительных на с. 15 автор дает литовские местоименные формы *simtāssis* "сотый" и *tusimtāssis* "тысячный", забыв, что по правилам той же грамматики на с. 8 местоименные ("определенные") формы им. падежа должны быть *simtannis*, *tusimtannis* с *n*, обобщенным из формы вин. падежа. Логическая последовательность снова нарушена.

Факты трех прусских катехизисов, как и их анализ в известной работе Я.Эндзелина 1944 г., говорят о несомненной нейтрализации по крайней мере в 3 лице презентных и претеритальных форм тематических простых неинфиксных глаголов, не имеющих в презенсе мягкой основы (т.е. не типа *perlānke-i*), а в претерите $-\bar{e}$ (т.е. не типа *ismigē*, *immi-ts*), т.е. глаголов типа *laipinna* III, как и форм глаголов с суффиксами $-\bar{e}j-$, $-\bar{a}j-$, $-\bar{i}j-$, т.е. типа *billē*, *maītā*, *cixtia/grikisi*. Кроме того, для большинства глагольных форм характерно совпадение всех лиц ед. числа, если не считать малочисленной группы атематических глаголов и случаев проникновения атематического окончания 2 лица $-\bar{sei}$ в тематические глаголы (*dgu-wēge* "ты веришь" — ср. славянский!). Логика частотности известных форм говорит в пользу того, что глагольные парадигмы при их естественном развитии, не различая лиц. ед. числа, в

последнем не различали бы презенса и претерита в достаточно обширной группе глаголов. Напротив, грамматика "Толькемиты" на с. 23 предлагает такие окончания претерита, система которых не может быть обоснована не только данными языка прусских катехизисов (не говоря уже о его тенденциях), но и данными других балтийских языков (предписываемое на с. 23-32 литовское окончание I л. ед. числа -au никак не совместимо с окончанием 3 лица -ai), а противопоставление претеритального окончания 2 л. ед. числа -vai презентному -si (с. 26 сл.) не может быть обосновано и данными прочих индоевропейских языков. Сказанное, конечно, не лишает "Толькемиту" права на собственную искусственную систему глагола в меру логики последней, а здесь не все благополучно. Непонятна система, в которой 3 лицо презенса получает в классе 2 (с. 26) окончания -ai, так что если удалось избежать совпадения презенса и претерита в классе 4 (с. 27 през. laipinna - прет. laipinai), то здесь оно сохранено (maitai). Создавая инфинитив wirt "werden" (ср. с. 30), грамматика противоречит собственному правилу 2 на с. 19 о "вставке" -s⁵.

В балтийском языке вряд ли был бы возможен прет. gaupau наряду с инфиксным през. gaupa (с. 31), что проще объяснить недостаточной эрудицией автора грамматики.

На с. 23 грамматика рекомендует и иной вариант претерита - неразличающую лиц форму на -ts (dāits, billāts, imats), однако на с. 29 презентную форму 3 лица astits с тем же окончанием называет конъюнктивной. Системность вновь нарушена.

Если бы в естественном языке форма на -ts действительно начала распространяться для различения многих совпавших форм презенса и претерита и, наконец, стала бы универсально-претеритальной (что вполне допустимо - ср., напр., л-претерит причастного происхождения в славянском, который в русском языке не различает и лиц подобно предлагаемой грамматикой форме на -ts), то ее появление в презентном контексте kai tans sparts astits prei paskuliton III 87¹⁰ "auf das er mächtig sey zu erlangen" было бы загадкой. С другой стороны, наличие атематических глаголов, различающих презенс и прете-

⁵ Создается впечатление, что те или иные, напр., падежные, показатели считаются не грамматическими, а лексическими, связанными с конкретным словом - ср. род. пад. мн. числа на -an и на -on- (последнее в местоимениях с основой на -s: kittan - kawijdon, no wissan и kasson) (с. II, 13).

рит, а также различающей их большой группы тематических глаголов (ср. *postānai* - *postāi*, x_1 - *ismigē*, x_2 - *weddē*, *polinka* - у при несомненных през. x_1 = *isminga*, x_2 = *wedda*, прет. у = *polika*) должно было предотвратить замену исконных форм претерита наиболее подходящими для такой замены активными перфектно-причастными формами или же формой на -ts. Ведь не вызвало же совпадение латышских презентных и претеритальных форм I лица ед. числа суффиксальных глаголов (ср. през. = прет. *runāju* "говорю = говорил") исчезновения системы форм претерита, хотя тенденция заменять его в I лице на перфект (*esmu runājis*) несомненна. В указанной группе глаголов, нейтрализующих презент и претерит, прусский в своем развитии также должен был бы прибегнуть к перфекту, когда претерит не явствуется из контекста.

Для естественно-развивающегося прусского языка формы на -ts могут иметь иное (отличное от предложенного Я.Эндзелином) объяснение. Проще всего связать их с претеритальным "пассивным причастием", т.е. с формой, которая как в балтийских, так и в иных индоевропейских языках (ср. хеттский, санскрит) совсем необязательно обозначает пассив - ср. не только лит. *eitas kelias* "хоженный путь", но и *tu rėvėjas*, *aš važiuotas* "ты пеший, а я едущий". Несомненно, что и в прусском образования на -ta от интранзитивных глаголов имели активное значения. Его распространение на транзитивные глаголы (*Isus [...] ummeits sten geutien* "Иисус взятый хлеб = хлеба взятый, взявый") в пересказательном контексте почти наверняка говорит об использовании -ts для передачи *modus relativus*, причем без различения лица, рода и числа, как это имеет место и в латышском *modus relativus* на -ot, кстати, не различающем и времени. Последнее обстоятельство, свидетельствующее об утрате языком одной из двух основных временных форм *modus relativus* (который в литовском сохраняет оба ряда форм: през. -as, -anti, -a = лтш. -ot, прет. -as, -usi, -a), заставляет думать, что прусским утрачена первоначальная презентная форма *modus relativus* (на *-ms? - одновременно с утратой пассивного презентного причастия на *-ma-?), оказавшаяся замененной формой на -ts, но уже при презентной основе (*astits* лит. "*esąs*"). После такой замены -ts и в претерите стало прибавляться не к инфинитивной, как в причастии (*dāts*), основе, а в форме

3 лица претерита (dāits)⁶.

С применением грамматики Г.Крафта-Скальвинаса в "Толькемите" создано немалое количество текстов. Это письменная корреспонденция, которой обмениваются живущие в разных городах члены общества, художественные поэтические и прозаические тексты. Все они являются новопрусско-немецкими билингвами. Из художественных текстов в нашем распоряжении имеются "Сказания о короле Гейстуте", 12 машинописных страниц новопрусского текста (1984 г.) и перевод Евангелия от Марка (39 страниц, 1986 г.), созданные Г.Крафтом-Скальвином, а также поэма "Героическая песнь о Витасе Вейтуминасе". Рассмотрим 8 стихов Евангелия. В конце настоящей работы попытаемся дать альтернативный новопрусский вариант этого текста.

Евангелию предпослан эпиграф из Книги Иова: "Господь дал, Господь взял, Имя Господа да будет благословенно!" - Rikijs ast dāuns, Rikijs ast imons, Emmenen Rikijas bousei girrtan! Здесь написание ij обозначает долгий i, написание ou - дифтонгоидное произношение ū. ast dāuns, ast imons - совершенные формы "есть давший", "есть взявший", причем написание imons следует признать нерегулярным, поскольку по принятой переводчиком системе орфографии краткость ударного i должна обозначаться геминированием последующего m: immons. Надо заметить, что по-пруссски слово "имя" - мужского рода (emmen-s), так что форма emmenen может быть только accusativной (засвидетельствовано emmen III), так что переводчик, видимо, находился под влиянием ассоциации со славянской формой среднего рода имя, imę, нейтрализующей противопоставление номинатива и accusativa, т.е. emmenen воспринял как accusativ - то, что будут хвалить, а girrtan - как номинатив - то, что будет хвалимо. Явная грамматическая несуразность, не говоря о том, что прусский пассив передается с помощью глагола "стать", а не с помощью "быть". Правильный перевод: Rikijas emmens postāsei (po)girtan⁷. Далее следует общеизвестный текст Евангелия, ввиду доступности которого я привожу его без дополнительного перевода:

⁶ При совместном обсуждении настоящей работы В.Н.Топоров дополнил указанные соображения ссылкой на следы перфектно-релятивных функций Л-ового причастия в русских говорах при общей утрате их в славянских языках, за исключением болгарского, что относимо Т.В. Цивьян к особенностям балкано-балтийского языкового ареала.

⁷ Отсутствие согласования ср. рода именной части причастного предиката с родом субъекта в неиндикативных оборотах - исконное явление.

1. Enlāipinsna Ehangē-
lias Jēzusas Kris-
tous, Daiwas Soūnas,

enlaipinsna означает не "начинание" (и тем более — не "начало"), а "хотение" (см. РНР 193); склоняемая по польскому типу форма Jēzusas (с помеданским ē) сомнительна; и-основный ген. -ous противоречит "и"-основному же (soūn)as; ударение на втором слоге enlāipinsna противоречит enlaipinne III.

2. kāigi preisātan ast
prei Parweitai Jēšājai:ках"; окончания слова Исаия вос-
"Dīrēis, as tenginna принято как "женское", отчего по-
maian wēstnikan tebbēi лучено "у пророчицы"; parweit-
priķšu, kas pogattāwi- искаженное лтш. pravietis, что из
nnalai twaian lonkin."

Оригинал: "в (т.е. в книге) Проро-
ка"; окончания слова Исаия вос-
принято как "женское", отчего по-
лучено "у пророчицы"; parweit-
искаженное лтш. pravietis, что из
ср.-н.-нем. prophēte; в сембской
системе, на которую ориентирован
перевод, невозможны безударные
долготы (кроме вторичного ударе-
ния), а III endirinsna наряду с en-
deirīt, возможно, отражает спон-
танное сокращение ei, воспринятого
как дифтонгоидный ī; wēstnikan —
гибрид с невозможным помед. ē из
лтш. vēstnieks, что от лтш. слав-
изма vēsts "весть" = пр. waišmā;
если бы tebbēi было окситоном, то
4х tebbe III обнаружили бы написа-
ние -ē; priķšu — невероятный лет-
тонизм, ср. пр. pīršdau, emrījki
III: конь. -lai присоединимо к осно-
ве инфинитива, а не презенса; дол-
гота и ударение ā ошибочны — напи-
сание pogattawin-lai III показывает
второй ударный слог от конца; ори-
нал: "путь", а не "дорожку".

3. Tāris preddikeris en
pūstūmu: "Pogattāwin-
naiti lonkin Rikijas,
taisnai tikkinaiti ten-
nessei takans."

Переведено: "глас проповедник(а)";
pūstūmu — невероятное слово с дву-
мя долготами при пр. paustre I
"пустыня"; pogattāwinlaiti — см.
2; taisnai взято из лтш. taisns; ta-
kans из лтш. taka вместо пр. la-
kins.

4. Jānas Krikstniks bēi preddikaujai и невероятная форма претерита с j от preddikaut "predigen von", требующего предлога (esse?), без предлога см. III 87²⁰: през. rogerdawie + аккузатив; krikstisenin вместо III krikstisna; конструкция с prēi = нем. zu перенесена из I 15_I, II 13/15, III 75_{II/12, 17}, где является калькой рабского перевода.
5. Bhe prēi tennan winna winna - повторено калькирование превербал нем. heraus- в III 63₁₈ вместо пр. iz-; perējai "претерит" (с помед. ē) вместо пр. -gūba; ewrēiiska с невозможным славянским w от визант.-греч. β; laudei - ненужный семантический латто-литванизм, имеющий соответствие в пр. ludis E "хозяин"; krikstītwei - калькированный с немецкого инфинитив; в сочетании с appei следует ожидать балтийской конструкции с определенным генитивом Jordānas.
6. Jānas adder bēi porūkautan sen millan esse kamēli-skebelins, bhe sen nograinin pakkarin surgi swaisans strannans, tāns matāi sien esse sisenins ir pūstan meddan. porūkautan - форма пассивного причастия претерита вместо ожидаемого активного "был одевшись" (слав. "одет" из-за вытеснения исконного прошедшего л-овыми образованиями), калькированная с немецкого; esse + аккузатив не означает "из" (материала) (кроме IX калькирования нем. aus в III), но "от", "о"; kamēli- с помеданским ē - непонятная форма вместо генитивно-определятельной; "сермяжина из волос" есть по контексту "шкура" - пр. scordo E; "кожаный" требует определительного генитива; pakkarin = "сапожный ремешок" вместо sawinzlin (sawinsale E); sisenins - очередное "заимствование" из лтш. sisenis

вместо вероятной здесь прусско-литовской изоглоссы; *pūstan* вместо *paustā-*, *bhe* и *ir-* отнюдь не синонимы в прусском!

7. *Bhe tāns preddikaujai: preddikaujai* - см. 4; *āins* - опш-
 "Po mien perēit āins, боиний тон на а; *ains, kas ast* -
kas ast mūkaisin mai- калькирование нем. *einer, der ist;*
sei; bhe asmu ni wēr- *mūkaisin* - сомнительное производ-
tings, kai as lokū ное от II 93, означающее "более
sien, tennēsmu kurpi- умеющий" - ср. пр. *warewingi-* III
saitans berankint- "сильный"; *wērtings* (с ошибочным
wei. ударением) противоречит известным
werts, wertīwings III и означает
 "ценный" III; далее неудавшаяся по-
 пытка составить отходящую от оригина-
 ла фразу "чтобы я наклонился раз-
 вязать ремешки его башмаков" - *lokū*
 "заимствованное" лтш. *locīt* (в
 прусском было бы *lankūtwei*) с непо-
 нятным исходом (из лтш. -u?) вместо
 конь. -lai; *rankintwei* сделано из
isrankit III "*erlösen*", где заключе-
 но не нем. *lösen* "распускать", а
 слав. "(вы-)руч-ить"; *saitans* взят
 то из "перевязь (седла)" вместо *tark-*
kwins (*tarkue* E) "шнурок".

8. *As wans krikstā sen krikstā*-несуществующая форма вместо
wundan, tāns adder krikstīja (*cixtia* III); *postānai*
postānai wans krikst- ошибочно вместо пр. *wīrst.*
luns sen Swintan Nase-
lin.

Проанализированный фрагмент заставляет считать перевод не столь неудачным, сколь вообще невыполненным. В нем не только сохранены пороки прусских катехизисов (несуразные кальки, путаница в падежах), но и насаждены новые (путаница сембской фонетики с помеданской, невероятные формы претерита, огромное количество культурных и базовых слов латышского происхождения, которые не могли быть заимствованы путем контактов с рыбаками-латышами Куршской косы, неразличение заимствования и родства, непонимание унаследованной прусской лексики и т.п.). Налицо неукротимая леттонизация (даже в неадаптированной форме) новопрусского языка "Толькемиты", что

находится в вопиющем противоречии с практическим отсутствием эксклюзивных прусско-латышских лексических изоглосс (ср. 3 случая III *warrien - wari, E nabis - naba, salme - salmi*).

Тем не менее надо воздать должное подвигу нелингвиста Г.Крафта-Скальвинаса в составлении хотя бы таких текстов, особенно же — новопрусской грамматики.

25 августа 1988 г. при Фонде культуры Литовской ССР создан клуб "Пруса", одна из задач которого — развивать предложенные в 1983 г. идеи возрождения прусского языка. Предполагается воссоздание языка в таком виде, какой он имел бы в наши дни в случае непрерывности традиции при всех реальных исторических условиях (германизация и предполагаемое этническое возрождение).

Ниже приводится конспект принятой в "Прусе" грамматики. Жирным прифтом выделены засвидетельствованные в древнепрусских памятниках формы.

ОРФОГРАФИЯ

Считая, что написания *gēide, etwierpei, perlānkei, mal-daisei* (III), *sien* и т.п. отражают наличие в прусском палатализации (мягкие *d* перед *a* и *r, k, s* перед *-ai*, смягчение *s* перед *-e*) и аналогичную литовской нейтрализацию *ā* и *ẽ* после мягкого согласного, мягкость согласного перед *ā* обозначается заменой графем *a, au, ai* на *e, eu, ei*, кроме случая, когда согласный палатален по природе, т.е. *š, j, l*. Мягкость согласного перед *ō, ū* передается подписным диакритиком (*đ, tđ, ġ, kđ, čđ, rđ*), кроме случая после губных, когда она передается через *j* (*bj, fj, mj, pj*). Необходимо помнить, что мягкий *s* перед *ā, ō, ū* исторически дал *š*.

Черточка над гласной обозначает долготу, которая, в свою очередь, показывает место ударения (в длинных словах не только основного, но и второстепенного на другом долгом гласном). Если за согласной не следует другая согласная, то она обязательно удваивается после краткого ударного слога. Таким образом, знак долготы и удвоение в большинстве случаев указывают и место ударения в слове.

Применяется такой алфавит:

Aa Āā Bb Cc Čč Dd Đđ Ee Ēē Ff Ģģ Gg (Hh) Ii Īī Jj Kk Kķ Ll
Mm Nn Ņņ (Oo) Ōō Pp Rr Rđ Ss Šš Tt Tđ Uu Ūū (Vv) Ww (Xx Yy)
Zz Žž

ВОКАЛИЗМ

Гласные:

i	ü	i	u
e	ö	e	(o).
ä			a

Оппозиция /*ё*/ : /*ä*/ возможна только в начале слова, во всех других позициях гласный *ё*, смягчив предшествующий согласный, совпал с *ä* после палатального согласного. Фонема /*ö*/ имеется только в заимствованных международных словах.

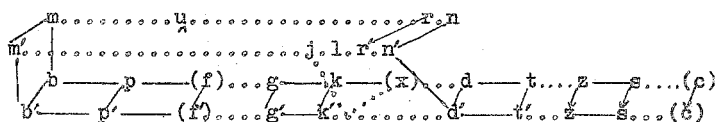
Дифтонгические сочетания: ai, ei, au, eu, ui.

Трифтонгическое сочетание: aui.

Полугласные: j, w.

КОНСОНАНТИЗМ

Характеризуется отсутствием в заимствованных словах фонем с, щ, ж, ф, х (написание ch):

губные

заднеязычные

зубные

небные
фрикативы.
аффриката

ПРОСОДИЯ

Долгие гласные возможны только в ударных слогах, включая вторичное ударение в многосложных словах. В кратких слогах ударение динамическое, в долгих — тональное акцентированное или циркумфлексированное. Акцентированный слог короче и выше, чем циркумфлексированный, и характеризуется усилением к конечной море. Циркумфлексированный слог отличается протяжностью и слабой конечной морей. Например, акцент *wīgan*, *saīli*, *kuīri*, циркумфлекс *grätin*, *ëit*, *wāngan*. На письме обозначается только долгота, а также место тона в ударных дифтонгах и циркумфлексированная долгота первого компонента в тавто-силлабических сочетаниях. Характер тона в монофтонгах и динамическое ударение указываются только в необходимых случаях.

ИМЯ

Склонение

В новопрусском языке склоняются существительные, прилагательные, местоимения и числительные. Четыре падежа — номинатив, генитив, датив, аккузатив — функционируют как именительный, родительный, дательный-творительный-местный и винительный-дательный-родительный общекосвенный. Число единственное и множественное, род мужской, женский и средний, причем последний различается только в единственном числе.

При склонении выделяются основы: в муж. роде существительных а, ija, ja, е/i, i, u-основы (таблица 1), в жен. роде существительных а, е/i, i-основы (таблица 2), в сред. роде существительных а, ja, u-основы (таблица 3), в муж. и сред. роде прилагательных и презентных причастий а, ja, i, u-основы, в женском роде — а, е/i-основы (таблица 5). Склонение существительных муж.р. "брат" и жен.р. "мать" отличается наличием следов древней основы на -г (таблица 4). От этой основы имеются уменьшительные и другие производные формы, напр., brat̃ika "братик", mutrika "магушка", pōmutri "мачеха".

Склонение местоименных ("определенных") прилагательных

Таблица 6

	MASCULINUM	FEMININUM
	S i n g u l a r i s	
Nom.	tikr <u>ann</u> is, sentinnis	tikrāi, sentāi
Acc.	tikr <u>ann</u> in, sentinnin	tikrannin, sentinnin
	P l u r a l i s	
Nom.	tikrannei, sentinnei	tikrannis, sentinnis
Gen.	tikrannin, sentinnin	tikrannin, sentinnin

Формы сред. рода неупотребимы. Дефектность парадигмы восполняется употреблением падежных форм простых прилагательных в сочетании с артроидом (см. далее).

Таблица I (nomina)

M A S C U L I N U M

Падеж	a		ija	ja		e/i	i	u
	"Муж"	"сердце"	"господин"	"молот"	"набалдашник"	"человек/люди"	"зуб"	"сын"
S i n g u l a r i s								
Nom.	wīrs	sīrs	rikīs	kūjis	kūgis	zmūnents ¹	dānts	sūns
Gen.	wīras	sīras	rikijjas	kūjas	kūges ²	zmūnentes ²	dāntis	sūnus
Dat.	wīru	sīru	rikijju	kūju	kūgu	zmūnentei	dāntei	sūnu
Acc.	wīran	sīran	rikijjan	kūjan	kūgin	zmūnentin	dāntin	sūnun
P l u r a l i s								
Nom.	wīrai	sīrai	rikijjai	kūjai	kūgei	zmūnis	dāntis	sūnus
Gen.	wīran	sīran	rikijjan	kūjan	kūgin	zmūnin	dāntin	sūnun
Dat.	wīramans	sīrammans	rikijjamans	kūjamans	kūgimans	zmūnīmans ³	dāntimans	sūnummans
Acc.	wīrans	sīrans	rikijjans	kūjans	kūgins	zmūnins	dāntins	sūnuns

¹ Склоняется супплетивно.

² Фонетическое совпадение разных окончаний, различающихся только после исхода основы на -s: -šas (ja-склонение) и -ses (e/i-склонение).

³ Долгота ī в этом слове по типу e/i-склонения женского рода (см. таблицу 2).

F E M I N I N U M

Падек	a/kwa			e/i		i	
	"рука"	"жена"	"сердечность"	"почва"	"невеста"	"саммак"	"глаз"
S i n g u l a r i s							
Nom.	<u>rānka</u>	<u>genā</u>	<u>sīrisku</u>	<u>zemē</u>	<u>martī</u>	<u>kurpi</u>	<u>aks</u>
Gen.	<u>rānkas</u>	<u>gennas</u>	<u>sīriskwas</u>	<u>zennis</u>	<u>mārtēs</u>	<u>kurpis</u>	<u>akkis</u>
Dat.	<u>rānkai</u>	<u>gennai</u>	<u>sīriskwai</u>	<u>zemmei</u>	<u>mārtēi</u>	<u>kurpei</u>	<u>akkei</u>
Acc.	<u>rānkan</u>	<u>gennan</u>	<u>sīriskun</u>	<u>zemmin</u>	<u>mārtin</u>	<u>kurpin</u>	<u>akkin</u>
P l u r a l i s							
Nom.	<u>rānkas</u>	<u>gennas</u>		<u>zennis</u>	<u>mārtis</u>	<u>kurpis</u>	<u>akkis</u>
Gen.	<u>rānkan</u>	<u>gennan</u>		<u>zemmin</u>	<u>mārtin</u>	<u>kurpin</u>	<u>akkin</u>
Dat.	<u>rānkamans</u>	<u>genāmans</u>		<u>zēmimans</u>	<u>martimans</u>	<u>kurpimans</u>	<u>akimmans</u>
Acc.	<u>rānkans</u>	<u>gennans</u>		<u>zemmīns</u>	<u>mārtins</u>	<u>kurpins</u>	<u>akkins</u>

N E U T R U M

Падек	a	ja	u	"озёра"	"деревья"
	"озеро"	"дерево"	"мед"		
Nom.	<u>azzaran</u>	<u>garrin</u>	<u>meddu</u>	<u>azarāi</u>	<u>garēi</u>
Gen.	<u>azzaras</u>	<u>garres</u>	<u>medōus</u>	<u>azzaran</u>	<u>garrin</u>
Dat.	<u>azzaru</u>	<u>garṭu</u>	<u>medāu</u>	<u>azarammans</u>	<u>garimmans</u>
Acc.	<u>azzaran</u>	<u>garrin</u>	<u>meddu</u>	<u>azzarans</u>	<u>garrins</u>

Множественное число среднего рода представлено формами мужского рода.

Таблица 4 (nomina irregularia)

Падеж	<p>M A S C U L I N U M</p> <p>"брат"</p>
	<p>S i n g u l a r i s</p>
Nom.	brāti
Gen.	brātis, (apx.) brātres
Dat.	brātrei
Acc.	brātin
	<p>P l u r a l i s</p>
Nom.	brātei
Gen.	brātin
Dat.	brātrimans
Acc.	brātins
	<p>F E M I N I N U M</p> <p>"мать"</p>
	<p>S i n g u l a r i s</p>
Nom.	mūti
Gen.	mūtis, (apx.) mūtres
Dat.	mūtrei
Acc.	mūtin
	<p>P l u r a l i s</p>
Nom.	mūtis
Gen.	mūtin
Dat.	mūtrimans
Acc.	mūtins

Таблица 5 (adjectiva, participia praesentis)

M A S C U L I N U M

	a	ja	u	i				
Падеж	"верный"	"близкий родной"	"глубокий"	"сущий"				
	S i n g u l a r i s				P l u r a l i s			
Nom.	tikkars	taūwis ¹ _{is}	gillus	sēnts	tikrāi	taūwisai	gilluāi	sēntei
Gen.	tikras	taūwisas	gilluwas	sēntis	tikran	taūwisin	gillun	sēntin
Dat.	tikrasmu	taūwisasmu	gilusmu	sentismu	tikrammas	taūwisimans	gillumans	sentimmans
Acc.	tikran	taūwisin	gillun	sēntin	tikrans	taūwisins	gilluns	sēntins
F E M I N I N U M								
a		e/i						
S i n g u l a r i s					P l u r a l i s			
Nom.	tikrā	taūwisi	gillī	senti	tikras	taūwisis	gillis	sēntis
Gen.	tikras	taūwisas	gilles	sēntes	tikran	taūwisin	gillin	sēntin
Dat.	tikrai	taūwisai	gillei	sēntei	tikramans	taūwisimans	gillmans	sentimans
Acc.	tikran	taūwisin	gillin	sēntin	tikrans	taūwisins	gillins	sēntins
N E U T R U M								
a		ja	u	i				
Nom.	tikran	taūwisin	gillu	sēnti	Средний род не различает числа (формы могут согласовываться с мужскими формами множественного числа от имен среднего рода).			
Gen.	tikras	taūwisas	gilluwas	sēntis				
Dat.	tikrasmu	taūwisasmu	gilusmu	sēntismu				
Acc.	tikran	taūwisin	gillu	sēnti				

I Застывшая архаичная форма сравнительной степени от слова taūws "близкорасположенный".

Степени сравнения прилагательных

Сравнительная степень образуется с помощью суффикса *-is* (*i-*), присоединение которого к *a*-основным прилагательным дает новую *ja-* (муж.р.) или *i-* (жен.р.) основу *-ais(i)-*, к *ja-* и *i-*основным прилагательным – новую основу *-eis(i)-*, к *u*-основным прилагательным – новую основу *-uis(i)-*, например, *tikraisis* (муж.р.), *tikraisi* (жен.р.), *taūwīšaisis* (муж.р.), *taūwīšaisi* (жен.р.), *gilluisis* (муж.р.), *gilluisi* (жен.р.).

Превосходная степень образуется с помощью префикса *uka-*, присоединяемого к форме сравнительной степени (*ukatikraisis*). Просторечный стиль допускает присоединение *uka-* к положительной степени.

Склонение существительного с прилагательным

Прилагательное согласуется с определяемым им существительным по роду, числу и падежу в им. падеже обоих чисел, по числу и падежу в род. падеже мн. числа, по числу – в косвенных падежах мн. числа в дательном и винительном. В косвенных падежах ед. числа прилагательное сочетается с существительным, находящимся в форме обобщенного падежа, так что синтаксический падеж сигнализируется только падежной формой прилагательного. Подобно этому во мн. числе в дат. и вин. падежах соответствующие формы прилагательного сочетаются с существительным в форме вин. пад. мн. числа. Возьмем сочетания "добрый муж", "хорошая жена":

Singularis	Pluralis
Nom. <i>labs wīrs, labā genā</i>	<i>labāi wīrai, labbas gennas</i>
Gen. <i>labbas wīran, labbas gennan</i>	<i>labban wīran, labban gennan</i>
Dat. <i>labasmi wīran, labbai gennai</i>	<i>labammas wīrans, labāmans gennans</i>
Acc. <i>labban wīran, labban gennan</i>	<i>labbans wīrans, labbans gennans</i>

Существительное выступает в соответствующей форме соответствующего падежа, когда оно не имеет при себе определителя в виде прилагательного или указательного местоимения (артроида – местоимения склоняются с существительными по тем же правилам, что и прилагательные) или когда оно само, будучи определено, в свою очередь является генитивным определением (сочетания "жена хорошего мужа", "муж хорошей жены", "жены хороших мужей" *labbas wīras genā, gennas, gennai* и т.д., *labbas gennas wīrs, wīras, wīru* и т.д., *labban wīran gennas, genāmans, gennans*; скопление одинаковых форм в ген. мн. ч. нежелательно).

АКЦЕНТУАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ СКЛОНЕНИЯ

При склонении различаются колонный неподвижный баритонированный тип и подвижный акцентуационный тип. В последнем вин. падеж обоих чисел и связанный с ним по форме род. пад. мн. числа всегда баритонированы. В подвижном типе всегда баритонированы также: им. (в сред. роде = вин.) падеж я -основ ед. числа, им.-вин. пад. я- и -основ сред. рода, род. пад. ед. числа, дат. пад. ед. числа существительных, им.пад. мн. числа любых основ жен. рода. Закон Фортунатова - де Сосюра в финалях не действует.

Местоименное склонение

Характеризуется окончанием генитива ед.ч. на -(е)se. Также и основа датива ед.ч. на -(е)в- характерна для всех родовых местоимений, во мн. числе обнаруживающих основы ген. -ēis-, дат. -ēi.

Таблица 7 представляет парадигму склонения неродовых местоимений "я", "ты", "себя", "мы", "вы", таблица 8 - родового местоимения 3-го лица "он", "она", таблица 9 - местоимений "тот", "этот", "кто", "другой", "весь", "сам", "не-кто", таблица 10 - местоимений "какой" ("такой"), "оба".

Таблица 7

Nom.	<u>as</u>	<u>tū</u>	-	<u>mes</u>	<u>jūs</u>
Gen.	<u>māise</u>	<u>twāise</u>	<u>swāise</u>	<u>nūsan</u>	<u>jūsan</u>
Dat.	<u>mennei</u> , mi	<u>tebbeī</u> , ti	<u>sebbei</u> , si	<u>nūmans</u>	<u>jūmans</u>
Acc.	<u>men</u> , mi	<u>ten</u> , ti	<u>sen</u> , si	<u>mans</u>	<u>wans</u>

Формы men, ten, sen являются ударными. Неударные формы mi, ti, si употребляются как возвратные энклитики после глагольного слова. В проклитической безударной позиции употребимы гибридные формы accusativa min, tin, sin и dativa māim, tāim, sāim.

Таблица 8

	Singularis			Pluralis	
	MASC.	FEM.	NEUTR.	MASC.	FEM.
Nom.	<u>tāng</u>	<u>tenā</u>	tennan	<u>tenēi</u>	tennas
Gen.	tenesse	tenesses	tenesse	<u>tenēisan</u>	
Dat.	<u>tenesmu</u>	<u>tenēi</u>	tenesmu	<u>tenēimans</u>	
Acc.	<u>tennan</u>	<u>tennan</u>	tennan	<u>tennans</u>	

Таблица 9

	MASC.	FEM.	NEUTR.	MASC.	FEM.	NEUTR.	MASC.	FEM.	NEUTR.
Singularis									
Nom.	<u>stas</u>	<u>stā</u>	<u>sta,-n</u>	<u>šis</u>	<u>ši</u>	<u>šin</u>	<u>kas</u>	<u>kwāi</u>	<u>ka</u>
Gen.	<u>stesse</u>	<u>stesses</u>	<u>stesse</u>	<u>šisse</u>	<u>šisses</u>	<u>šisse</u>	<u>kassee</u>	<u>kagsee</u>	<u>kassee</u>
Dat.	<u>stesmu</u>	<u>stessei</u>	<u>stesmu</u>	<u>šismu</u>	<u>šissei</u>	<u>šismu</u>	<u>kasmu</u>	<u>kasseei</u>	<u>kasmu</u>
Acc.	<u>stan</u>	<u>stan</u>	<u>sta,-n</u>	<u>šin</u>	<u>šan</u>	<u>šin</u>	<u>kan</u>	<u>kan</u>	<u>ka</u>
Pluralis									
Nom.	<u>stāi</u>	<u>stās</u>	<u>šai</u>	<u>šās</u>			<u>kwāi</u>	<u>kwās</u>	
Gen.	<u>stēisan</u>	<u>šēisan</u>					<u>kwēisan</u>		
Dat.	<u>stēimans</u>	<u>šēimans</u>					<u>kwēimans</u>		
Acc.	<u>stans</u>	<u>šans</u>					<u>kans</u>		
Singularis									
Nom.	<u>kits</u>	<u>kitā</u>	<u>kittan</u>	<u>wiss</u>	<u>wisā</u>	<u>wissan</u>	<u>sube</u>	<u>subba</u>	<u>subban</u>
Gen.	<u>kitse</u>	<u>kitsee</u>	<u>kitse</u>	<u>wisse</u>	<u>wisses</u>	<u>wisse</u>	<u>subse</u>	<u>subsee</u>	<u>subse</u>
Dat.	<u>kitsmu</u>	<u>kitsei</u>	<u>kitsmu</u>	<u>wismu</u>	<u>wissei</u>	<u>wismu</u>	<u>subsmu</u>	<u>subsei</u>	<u>subsmu</u>
Acc.	<u>kittan</u>	<u>kittan</u>	<u>kittan</u>	<u>wissan</u>	<u>wissan</u>	<u>wissan</u>	<u>subban</u>	<u>subban</u>	<u>subban</u>
Pluralis									
Nom.	<u>kitāi</u>	<u>kittas</u>	<u>wisēi</u>	<u>wissas</u>			<u>subbai</u>	<u>subbas</u>	
Gen.	<u>kitēisan</u>	<u>wisēisan</u>					<u>subbeisan</u>		
Dat.	<u>kitēimans</u>	<u>wisēimans</u>					<u>subbeimans</u>		
Acc.	<u>kittans</u>	<u>wissans</u>					<u>subbans</u>		
ainūnts									
sg. masc. <u>ainūnts</u> , ainūntse, <u>ai-</u> <u>nūntsmu</u> , <u>ainūntin</u> , fem. ainūnti, ainūntes, ainūntsei, ainūntin, neutr. ainūntin, ainūntse, ainūntsmu, ainūntin, pl. masc. ainūntei, pl. fem. ainūntis, pl. comm. ainūnteisan, ainūnteimans, ainūntins.									

Таблица 10

	MASC.	FEM.	NEUTR.	MASC.	FEM.
Singularis					
Nom.	<u>kawīds</u>	<u>kawīda</u>	<u>kawīdan</u>		
Gen.	<u>kawīdse</u>	<u>kawīdses</u>	<u>kawīdse</u>		
Dat.	<u>kawīdsmu</u>	<u>kawīdsei</u>	<u>kawīdsmu</u>		
Acc.	<u>kawīdan</u>	<u>kawīdan</u>	<u>kawīdan</u>		
Pluralis					
Nom.	<u>kawīdai</u>	<u>kawīdas</u>		<u>abbai</u>	<u>abbas</u>
Gen.		<u>kawīdan</u>			<u>abbejan</u>
Dat.		<u>kawīdamans</u>			<u>abbeimas</u> ¹
Acc.		<u>kawīdans</u>			<u>abbans</u>

Местоимения "какой", "такой" (stawīds) являются типичными прилагательными местоимениями, чем и вызван выбор немецкоименных концовок их основ в генетиве и дативе мн. числа. Аналогично склоняется и местоимение ainawīds "одинаковый".

Помимо энклитик mi, ti, si, для прусского языка характерна энклитика 3 лица, имеющая архаичные формы общего муж.-жен. и сред. родов в им. и косвенном падежах (таблица 11).

Таблица 11

	NEUTRUM	COMMUNE SG.	COMMUNE PL.
Nom.	<u>-di</u>	<u>-dis</u>	<u>-dei</u>
Obl.	<u>-di</u>	<u>-din</u>	<u>-dins</u>

Притяжательность передается родительным падежом. Неродовые местоимения обладают и склоняемыми притяжательными формами с подвижной акцентуацией (таблица 12).

¹ Плурализованное окончание двойственного числа.

таблица 12

M A S C U L I N U M					
S i n g l a r i s					
Nom.	majs	twajs	swajs	nūss	jūss
Gen.	māise	twāise	swāise	nūse	jūse
Dat.	majasmu	twajasmu	swajasmu	nūsmu	jūsmu
Acc.	majjan	twajjan	swajjan	nūsan	jūsan
P l u r a l i s					
Nom.	majāi	twajāi	swajāi	nusāi	jusāi
Gen.	majjan	twajjan	swajjan	nusēisan	jusēisan
Dat.	māimans	twāimans	swāimans	nusēimans	jusēimans
Acc.	majjans	twajjans	swajjans	nūsans	jūsans
F E M I N I N U M					
S i n g l a r i s					
Nom.	majā	twajā	swajā	nusā	jusā
Gen.	majāses	twajāses	swajāses	nūses	jūses
Dat.	majjai	twajjai	swajjai	nūsei	jūsei
Acc.	majjan	twajjan	swajjan	nūsan	jūsan
P l u r a l i s					
Nom.	majjas	twajjas	swajjas	nūsas	jūsas
Gen.	majjan	twajjan	swajjan	nusēisan	jusēisan
Dat.	majāmans	twajāmans	swajāmans	nusēimans	jusēimans
Acc.	majjans	twajjans	swajjans	nūsans	jūsans
N E U T R U M					
Nom-acc.	majjan	twajjan	swajjan	nūsan	jūsan
Gen.	māise	twāise	swāise	nūse	jūse
Dat.	majasmu	twajasmu	swajasmu	nūsmu	jūsmu

В системе числительных отражены все основные типы склонения (количественные числительные "один" и "два" изменяют по местоименному типу).

Таблица 13

CARDINALIA		ORDINALIA
1	<u>aīns, ainā, aīnan</u>	<u>pirms, pirmā, pirman</u>
2	Nom. <u>dwāi</u> Gen. <u>dwejjan</u> Dat. <u>dwēimas</u> ¹ Acc. <u>dwai</u>	Nom. <u>āntars, antrā, āntran</u> Gen. <u>āntras</u> Dat. <u>āntersmu, āntrai, ānter-</u> <u>smu</u> Acc. <u>āntran</u>
3	Nom. <u>trīs</u> Gen. <u>trijjan</u> Dat. <u>trimmans</u> Acc. <u>trins</u>	<u>tīrts, tirtī, tīrtan</u>
4	<u>keturēi, ketturis</u>	<u>ketwirts, ketwirtā, ketwīrtan</u>
5	<u>penkēi, pēnkis</u>	<u>pēnkts, penktā, pēnktan</u>
6	<u>ušai, ušās</u>	<u>ušts, uštā, uštan</u>
7	<u>septinēi, septinnis</u>	<u>septams, septmā, septman</u>
8	<u>astanēi, astōnis</u>	<u>asms, asmā, asman</u>
9	<u>newinēi, newinnis</u>	<u>newīnts, newintā, newīntan</u>
10	<u>dessimts (Gen. desīmtis)</u>	<u>desīmts, desimtā, desīntan</u>
11	<u>aīnadesimt</u>	<u>ainadesīmts, ainadesimtā,</u> <u>ainadesīmtan</u>
12	<u>dwāinadesimt</u>	<u>dwainadesīmts, ...</u>
13	<u>trīsnadesimt</u>	<u>trīsnadesīmts, ...</u>
14	<u>keturnadesimt</u>	<u>keturnadesīmts, ...</u>
15	<u>pēnkadesimt</u>	<u>penkadesīmts, ...</u>
16	<u>ušnadesimt</u>	<u>ušnadesīmts, ...</u>
17	<u>septinnadesimt</u>	<u>septīnadesīmts, ...</u>
18	<u>astōnadesimt</u>	<u>astanadesīmts, ...</u>
19	<u>newinnadesimt</u>	<u>newīnadesīmts, ...</u>
20	<u>dwididesimt</u> <u>(Gen. dwidesīmtis)</u>	<u>dwīdesīmts, ...</u>
21	<u>dwididesimt aīns, -ā</u>	<u>dwididesimt pirms, -ā, -an</u>
23	<u>dwididesimt trīs</u>	<u>dwididesimt tīrts, tirtī, tīr-</u> <u>tan</u>
30	<u>trīsdesimt</u>	<u>trīsdesīmts, -tā, -tan</u>
40	<u>keturdesimt</u>	<u>keturdesīmts, ...</u>
50	<u>pēnkdesimt</u>	<u>penkdesīmts, ...</u>
60	<u>ušdesimt</u>	<u>ušdesīmts, ...</u>

¹ Ср. предыдущую сноску.

Продолжение табл. 13.

70	septīndesimt	septīndesimts, ...
80	astōndesimt	astōndesimts, ...
90	newīndesimt	newīndesimts, ...
100	sīmtan	simts, simtā, simtan
200	dwissimta	dwissimts, dwisimtā, dwissimtan
300	trīsimta	trīsimts, trisimtā, trīsimtan
400	ketursimta	ketursimts, ...
500	pēnksimta	pēnksimts, ...
600	uššimta	uššimts, ...
700	septīnsimta	septīnsimts, ...
800	astōnsimta	astōnsimts, ...
900	newīnsimta	newīnsimts, ...
1000	tūsimts	tūsimts, ...
2000	dwāi tūsimtai	dwāi tūsimts, dwāi tūsimtā, dwai tūsimtan
	miliōns, miliārds, ...	miliōnins, -a, -an, miliārdins, ...

Числительные склоняются как имена соответствующих основ.

Количественные числительные, кроме сотен (при этом "10" склоняется редко, "11-19" вообще не склоняются, а десятки склоняются в исключительных случаях, как "10"), согласуются с исчисляемым так же, как прилагательные. Названия сотен, будучи формами сред. рода, всегда требуют исчисляемого в общекосвенном падеже, причем sīmtan склоняется как azzaran, а прочие сотни выступают в косвенных падежах в соответствующих формах муж. рода а-основных существительных.

aīns wīrs (ainesmu wīran), aīnā genā, aīnan azzaran;
dwāi wīrai (dwēimas wīrans), dwāi gennas, dwāi azarāi;
trīs wīrai (trimmans wīrans), trīs gennas, --;
penkēi wīrai (penkimmans wīrans), pēnkis gennas;
dessimts wīrai (dessimts wīramans = dessimtei wīrans),
dessimts gennas;

sīmtan wīran (sīmtu wīran), sīmtan gennan;
dwissimta wīran (dwissimtamans wīrans), dwissimta gennan;
tūsimts wīrai (tūsimtu wīrans), tūsimts gennas;
miliōns wīrai (miliōnu wīrans), miliōns gennas.

Множественные числительные, будучи атрибутами при pluralia tantum, склоняются как прилагательные муж.р. ja -типа, нем.р. i -типа: dwejāi-dwejjas, trejāi-trejjas, ketwerēi-

ketweris, penkerēi-pēnkeris, ušarēi-uššaris, septinerēi-septinneris, astānerēi-astōneris, newinerēi-newinneris, desimterēi-desimteris.

Коллективные числительные, требующие общекошвенного падежа исчисляемого, склоняются как существительные жен.р. а-типа: dwēita, trēita, ketwerta, pēnketa, uššata, septinneta, astōneta, newinneta. Так же изменяется и слово aīneta "единица".

Отнумеральные наречия имеют неизменяемую "локативную" форму: dwēisu "вдвоем", trinsu "втроем", keturrinsu, pēnkinsu, uššinsu, septinninsu, astōninsu, newinninsu.

Дробные числительные, состоящие из количественного числительного в числителе и порядкового в знаменателе, склоняются как прилагательные муж.р. а-типа: nom. aīns tirts "1/3", dat. dwēimans penktamans "2/5" и т.п.

ГЛАГОЛ

Глаголы имеют различающие лица ед. числа (форма ед. числа совпадает с мн. числом в I лице) атематические формы (dāmai) и не различающие лиц ед. числа тематические инфиксные и неинфиксные (līnkimai, immimai), корневые-суффиксальные (gānimai), суффиксально-атематические (maitāimai) формы презенса, тематические и суффиксально-атематические формы претерита (gūbamai, maitāimai), суффиксально-атематические кооперативно-оптативные формы на -lai (turīlimai) в главном и придаточном предложениях и оптативные формы 3 лица на -sei (būsei) в главном предложении, аналитические формы перфекта и пассива, не различающие лица и числа пересказательные (релятивные) формы, императив от презентной основы, причастные презентные формы актива и претеритальные формы актива и пассива, инфинитив на -t(wei) от интранзитивных глаголов и на -t(un) от транзитивных. Имеется рефлексив-медий, лишенный пассивного значения. Вид не обладает единым формальным средством выражения и может передаваться через глагольные приставки. Спряжение бывает твердое и мягкое.

Глаголы разделены на 29 классов, составляющих три группы: атематические нессуффиксальные (классы I-7 с тематическим претеритом в 2, 4, 5, 7) и полуатематические (классы 8, 9); тематические суффиксальные (I0a, I5, I6, I7) и нессуффиксаль-

ные (I0-I3), инфиксный (I4); атематические суффиксальные (23-29) и смешанные (несуффиксальной тематической основы в презенсе - классы 20-22 и суффиксальной атематической - 20 либо же тематической в претерите).

Презенс и претерит формально не различаются в ед. числе твердого тематического неинфиксного несуффиксального спряжения глаголов с претеритом не на -i (классы I0, I0a) и в обо-их числах глаголов с суффиксами ēi, āi, i(j-a) (классы 23-26).

Структура временных основ представлена таблицей I4, а изменение глаголов - таблицами I5, I6, I7. Взяты глаголы: быть, идти, ехать /(стать, подниматься)/, дождить, есть, дать, снежить/холодеть, превращаться, знать, шагать/учить, вести, брать, гнуть, оставлять-оставаться, понимать, встать, получать, пить, отвечать, познать, жить, иметь, говорить, грешить, крестить, говорить, господствовать, извинять.

Пассив

Формально выражен только в претеритальном причастии. Личные формы образуются аналитически путем сочетания причастия претерита от значимого глагола с личными формами вспомогательного глагола *pastā-twei* "стать". Такая причастная форма может быть образована практически от любого глагола, но значение собственно-пассивного залога имеют лишь формы причастий от транзитивных глаголов.

Причастие претерита образуется от основы инфинитива заменой *t*-ового суффикса на суффикс -*t(a)*.

Склоняется по типу *a*-основных прилагательных:

sta pastāne īmtan - "это берется"

sta pastāi īmtan - "это бралось"

sta wīrst pastāwuns īmtan - "это будет браться"

sta ast pastāwuns īmtan - "это взято" (перфект)

sta bēi pastāwuns īmtan "это было взято" (плюсквамперфект).

Соответственно употребимы и пересказательные формы.

Конъюнктивно-оптативная форма возможна в любом времени, однако в перфектных формах пассива вспомогательный глагол *pastātwei* опускается: *īmsei* "пусть берет!" - *pastāsei īmtan* "пусть берется!", *wīrsei immuns* "пусть будет брать!" - *wīrsei pastāwuns īmtan* "пусть будет забираемо!" - *būlai immuns* "чтоб был забравши!" - *būlai īmtan* "чтоб уже было бы забрано!", *būlai būwuns immuns* "если б он перед тем уже был бы

Таблица 14 (structura stirpium temporalium)

Stirps cum numero classificationis		Suffixum infinitivi		3. pers. praesentis		3. pers. praeteriti	
		barytona	oxytona	barytona	oxytona	barytona	oxytona
10	-a		-t		-a		-a
10a	-in-a		-int	-ina	-inna	-ina	-inna
11, 12	-a		-t		-a	-i	-e
13	-ia (-C'a)		-t		-e		-i
16, 19	-ā radicalis		-(ā)-t	-ne, -āi		-āi	
17	-aū radicalis		-(aū)-t	-ne		-aūwa	
18	-ū radicalis		-(ū)-t	-ūja		-ūwa	
20	-ā/-āi		-āt		-a		-āi
21	-ā		-īt		-a		-īja
22	-i/-ēi		-īt		-i		-ēi
23	-ēi		-īt		-ēi		-ēi
24	-āi		-āt		-āi		-āi
25	-ij	-it	---	-i	---	-i	---
26	-ij	---	-īt	---	-ijja	---	-ijja
27	-au	-aut	---	-aui	---	-au	---
28	-au	---	-aūt	---	-aūja	---	-aūwa
29	-ū	---	-ūt	---	-ūi	---	-aūwa

Таблица 15 (verba athematica non suffixalia)

C i a s s e s									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
I n f i n i t i v u s									
būtwei	ēitwei	jātwei (pastātwei)	skītwei (lītwei)	īstun	dātun	snāigtwei (saltwei)	wīrstwei	waīstun	
P r a e s e n s a c t i v i									
1.sg.	asmai	ēimai	jāmai	skīmai	īmai	dāmai	---	wīrst,-a	waīda
2.sg.	assei	ēisei	jāsei	skīsei	īsei	dāsei	---	wīrst,-a	waīsei
3.	ast	ēit	jāt	skīt	īst	dāst	snāigt	wīrst,-a	waīda
I.pl.	asmai	ēimai	jāmai	skīmai	īmai	dāmai	---	wīrstmai	waīdimai
II.pl.	astei	ēitei	jātei	skītei	īstei	dāstei	---	wīrstei	waīditei
M o d u s r e l a t i v u s p r a e s e n t i s									
	astits	ēitits	jātits	skītits	īstits	dāstits	snāigtits	wīrstats	waīdats

Таблица 15 (продолжение)

P r a e t e r i t u m a c t i v i								
1 - 3	bēi	gūba	jāi	skīja	īdi	dāi	snāiga	wirts waids
I	bēimai	gūbamei	jāimai	skījamei	īdimai	dāimai	---	wirtamei waidsmai
II	bēitei	gūbatei	jāitei	skījatei	īditei	dāitei	---	wirtatei waidsitei
M o d u s r e l a t i v u s p r a e t e r i t i								
	bēits	gūbats	jāits	skījats	īdits	dāits	snāigats	wirtats waidsats
C o n j u n c t i v u s / O p t a t i v u s a c t i v i								
3	būsei	ēisei	jāsei	skīsei	īsei	dāsei	snāigsei	wirtsei waidssei
1 - 3	būlai	ēilai	jālai	skīlai	īdlai	dālai	snāiglai	wirtlai waidslai
I	būlimai	ēilimai	jālimai	skīlimai	īdlimai	dālimai	---	wirtlimai waidsli- mai
II	būlitei	ēilitei	jālitei	skīlitei	īdlitei	dālitei	---	wirtlitei waidsli- tei
I m p e r a t i v u s								
2	seis	jeis	jāis	skīs	īdeis	dāis	---	wirstais waidsais
II	seīti	jeīti	jāīti	skītei	īdeīti	dāīti	---	wirstaīti waidsaīti
P a r t i c i p i u m p r a e s e n t i s								
masc. sg.	sēnts	ēnts	jānts	skīnts	īdints	dādints	snāi- gints	wirstants waidsants
P a r t i c i p i u m p r a e t e r i t i a c t i v i								
m.sg.	būwuns	gūwuns	jāwuns	skīwuns	īduns	dāwuns	snāi- guns	wirtuns waidsuns
fem.sg.	būwusi	gūbusi	jāwusi	skīwusi	īdusi	dāwusi	---	wirtusi waidsusi
neutr.	būwun	gūbun	jāwun	skīwun	īdun	dāwun	snāigun	wirtun waidsun
m.,f.pl.	būwusis	gūbusis	jāwusis	skīwusis	īdusis	dāwusis	---	wirtusis waidsusis

Таблица 15 (окончание)

Participium praeteriti passivi								
masc.	(būts)	(ēits)	(jāts)	(skīts)	īsts	dāts	(snāigts)	(wirsts) waists
sg.								
Futurum								
1-3m.,	as (tū, tāns)	wirst būwuns	(īduns, dāwuns, etc.),	tenēi	(tennas)	wirst būwuns	(īdu-	
3.pl.	sis, etc.)							
1-3-sg.f.	as (tū, tenā)	wirst būwusi	(īdusi, etc.)					
I	mes	wirstmai būwuns	(gūbuns, īduns, etc.)					
II	jūs	wirstei būwuns	(gūbuns, īduns, etc.)					
Perfectum activi								
	as	asmai (tū assei, tāns ast,	mes asmai, jūs astei)	būwuns	(gūbuns, īduns, dāwuns,			
	etc.)							
fem.sg.	as	asmai (tū assei, tenā ast)	būwusi	(gūbusi, īdusi, etc.)				
Plusquamperfectum activi								
	as (tū, tāns)	bēi būwuns	(gūbuns, īduns, etc.),	mes bēimai būwuns	(etc.),	jūs bēitei		
	būwuns (etc.)							
fem.sg.	as (tū, tenā)	bēi būwusi	(gūbusi, īdusi, etc.)					

Таблица I6 (verba thematica)

C l a s s e s										
10, 10a	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
I n f i n i t i v u s										
treptwei (mukintun)	westun	imtun	lānktun	likt ^{un} wei	prestun	stātwei	gaūtun	pūtun	etrātun	
P r a e s e n s a c t i v i										
1 - 3	treppa	wedda	imma	lānke	linka	presta	stāne	gaūne	pūja	etrāi
I	treppimai	weddimai	lānkimai	lānkimai	prestimai	stānimai	gaūnimai	pūimai	etrāimai	
II	treppitei	wedдитеi	lānkitei	lānkitei	prestitei	stānitei	gaūnitei	pūitei	etrāitei	
M o d u s r e l a t i v u s p r a e s e n t i s										
	treppats	weddats	immats	lānkets	linkats	prestats	stānets	gaūnets	pūjats	etrāits
P r a e t e r i t u m a c t i v i										
1 - 3	treppa	wedē	immi	lānki	likka	pretta	stāi	gaūwa	pūwa	etrāi
I	treppamai	wedēmai	immimai	lānkimai	likkamai	prettamai	stāimai	gaūmai	pūwamai	etrāmai
II	treppatei	wedētei	immitei	lānkitei	likkatei	prettatei	stāitei	gaūtei	pūwatei	etrāitei
M o d u s r e l a t i v u s p r a e t e r i t i										
	treppats	wedēts	immits	lānkits	likkats	prettats	stāits	gaūwats	pūwats	etrāits
C o n j u n c t i v u s / O p t a t i v u s a c t i v i										
3	trepsei	wessei	imsei	lānksēi	liksei	pretsei	stāsei	gaūsei	pūsei	etrāsei
1 - 3	treplai	wedlai	imlai	lānklai	liklai	pretlai	stālai	gaūlai	pūlai	etrālai
I	treplimai	wedlimai	imlimai	lānklimai	liklimai	pretlimai	stālimai	gaūlimai	pūlimai	etrālimai
II	treplitei	wedlītei	imlītei	lānklītei	liklītei	pretlītei	stālītei	gaūlītei	pūlītei	etrālītei

Таблица 16 (продолжение)

I m p e r a t i v u s									
2	treppais	weddais	immais	lānkeis	līnkais	prestais	stāneis	gaūneis	pūjais etrais
II	treppaiti	weddaiti	immaiti	lānkeiti	līnkaiti	prestaiti	stāneiti	gaūneiti	pūjaiti etrāiti
P a r t i c i p i u m p r a e s e n t i s									
masc.	treppants	wedānts	imānts	lankīnts	līnkants	prestants	stānīnts	gaūnīnts	pūwīnts etrānts
sg.									
P a r t i c i p i u m p r a e t e r i t i a c t i v i									
m.sg.	treppuns	wedduns	immuns	lānkuns	likkuns	prettuns	stāwuns	gaūwuns	pūwuns etrāwuns
fem.sg.	treppusi	weddusi	immusi	lānkusi	likkusi	prettusi	stāwusi	gaūwusi	pūwusi etrāwusi
neutr.	treppun	weddun	immun	lānkun	likkun	prettun	stāwun	gaūwun	pūwun etrāwun
m.f.pl.	treppusis	weddusis	immusis	lānkusis	likkusis	prettusis	stāwusis	gaūwusis	pūwusis etrāwusis
P a r t i c i p i u m p r a e t e r i t i p a s s i v i									
masc. (trepts)	wests	īmts	lānkts	likts	prests	(stāts)	gaūts	pūts	etrāts
sg.									
F u t u r u m									
1-3.m.,	as (tū, tāns)	wīrst	treppuns	(wedduns, immuns, etc.),	tenēi	(tennas)	wīrst	treppus	
3.pl.	sis (immusis, etc.)								
1-3.sg.f.	as (tū, tenā)	wīrst	treppusi	(weddusi, etc.)					
I	mes	wīrstmai	treppusis	(weddusis, immusis, etrāwusis, etc.)					
II	jūs	wīrstei	treppusis	(weddusis, immusis, etrāwusis, etc.)					
P e r f e c t u m a c t i v i									
fem.sg.	as asmai	(tū assei, tāns ast, mes asmai, jūs astei)	treppuns	(wedduns, immuns, etc.)					
	as asmai	(tū assei, tenā ast)	treppusi	(weddusi, immusi, etc.)					
P l u s q u a m p e r f e c t u m a c t i v i									
	as (tū, tāns)	bēi	treppuns	(wedduns, immuns, etc.),	mes bēimai	treppuns (etc.),	jūs		
	bēitei	treppuns (etc.)							
fem.sg.	as (tū, tenā)	bēi	treppusi	(weddusi, immusi, etc.)					

Таблица 17

(verba suffixalia et mixta)

C l a s s e s										
	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
I n f i n i t i v u s										
	zinātun	giwitwei	turītun	segitun	maitātun	grikitwei	kriksti- tun	gerdau- tun	rika- ūtwei	etwīnū- tun
Pers.	P r a e s e n s a c t i v i									
1 - 3	zinna	giwa	turri	segei	maitāi	griki	krikstija	gerdau	rikaū	etwīnūi
I	zinnimai	giwimai	turrimai	segeimai	maitāimai	grikimai	krikstimai	gerda-	rikaū-	etwi-
II	zinnitei	giwitei	turritei	segetei	maitāitei	grikitei	krikstitei	gerda-	rikaū-	etwi-
								witei	witei	nūitei
M o d u s r e l a t i v u s p r a e s e n t i s										
	zinnats	giwats	turrits	segeits	maitaits	grikits	krikstijjats	gerda-rikaū-	etwīnū-	
								wits	jats	its
P r a e t e r i t u m a c t i v i										
1 - 3	zināi	giwija	turēi	segei	maitāi	griki	krikstijja	gerdau	rikaū-	etwi-
I	zināimai	giwimai	turēimai	segeimai	maitāimai	grikimai	krikstimai	gerdau-	rikaū-	etwi-
II	zināitei	giwitei	turēitei	segeitei	maitāitei	grikitei	krikstitei	gerdau-	rikaū-	etwina-
								tei	tei	ūtei
M o d u s r e l a t i v u s p r a e t e r i t i										
	zināits	giwijats	turēits	segeits	maitāits	grikits	krikstijjats	gerda-rikaū-	etwi-	
								uts	wats	nāuwats
C o n j u n c t i v u s / O p t a t i v u s a c t i v i										
3	zināsei	giwiſei	turiſei	segiſei	maitāsei	grikiſei	krikstiſei	gerdau-	rikaū-	etwi-
								sei	sei	nūsei
1 - 3	zinālai	giwīlai	turīlai	segilai	maitālai	grikilai	krikstilai	gerdau-	rikaū-	etwi-
								lai	lai	nūlai

Таблица I7 (продолжение)

I	zinālimai	giwālimai	turilimai	segilimai	maitālimai	grīki-	kriksti-	gerdau-	rikaūli-	etwīnuli-
II	zinālitei	giwālitei	turilitei	segilitei	maitālitei	grīki-	kriksti-	gerdau-	rikaūli-	etwīnuli-
						litei	litei	litei	litei	tei
I m p e r a t i v u s										
2	zinnaīs	giwāīs	turris	segeīs	maitāīs	grīkis	krikstīs	gerdaus	rikaūs	etwīnūs
II	zinnaīti	giwāīti	turritei	segeīti	maitāīti	grīkītei	krik-	gerdauti	rikaūti	etwīnū-
							stītei			iti
P a r t i c i p i u m p r a e s e n t i s										
masc. sg.	zinnants	giwānts	turints	segints	maitānts	grīkints	krik-	gerda-	rikaū-	etwī-
							stints	wints	wints	nūwints
P a r t i c i p i u m p r a e t e r i t i a c t i v i										
m.sg.	zināwuns	giwīwuns	turēwuns	segewuns	maitāwuns	grīkiwuns	krik-	gerda-	rikaū-	etwīnā-
							stīwuns	wuns	wuns	wuns
fem.sg.	zināwusi	giwīwusi	turēwusi	segewusi	maitāwusi	grīkiwu-	krik-	gerda-	rikaū-	etwīnā-
						si	stīwusi	wusi	wusi	ūwusi
neutr.	zināwun	giwīwun	turēwun	segewun	maitāwun	grīki-	krik-	gerda-	rikaū-	etwīnā-
						wun	stīwun	wun	wun	wun
m.,f.pl.	zināwusis	giwīwusis	turēwu-	segewu-	maitāwu-	grīkiwu-	kriksti-	gerda-	rikaū-	etwīnā-
			sis	sis	sis	sis	wusis	wusis	wusis	wusis
P a r t i c i p i u m p r a e t e r i t i p a s s i v i										
masc.sg.	zināts	(giwīts)	turīts	segīts	maitāts	(grīkīts)	krik-	gerdauts	(rikaūts)	
							stīts			etwīnūts
F u t u r u m										
1-3m.s.pl.	as	(tū, tāns)	wirst	zināwuns	(giwīwuns, etc.),	tenēi	(tennas)	wirst	zināwusis	
					(giwīwusis, etc.)					
1-3sg.f.	as	(tū, tenā)	wirst	zināwusi	(giwīwusi, etc.)					
I	mes	wirstmai	zināwusis	(giwīwusis, turēwusis, etc.)						
II	jūs	wirstei	zināwusis	(giwīwusis, turēwusis, etc.)						

Таблица I7 (окончание)

P e r f e c t u m a c t i v i	
	as asmai (tū assei, tāns ast, mes asmai, jūs astei) zināwuns (giwīwuns, etc.)
fem.sg.	as asmai (tū assei, tenā ast) zunāwusi (giwīwusi, etc.)
P l u s q u a m p e r f e c t u m a c t i v i	
	as (tū, tāns) bei zināwuns (giwīwuns, etc.), mes bēlmai zināwuns (etc.), jūs bēitei zināwuns (etc.)
fem.sg.	as (tū, tenā) bei zināwusi (giwīwusi, turemūsi, etc.)

забравши!" - būlai būwuns īmtan "если б перед тем уже было бы забрано!".

НАРЕЧИЕ

Продуктивные наречия образуются от а-основных прилагательных заменой окончания на -ai, от е/i- и ja-основных прилагательных - на -ei (после j, ŷ, l - на -ai). Эти формы употребляются в основном для усиления значения прилагательных и причастий: spārtai labs "очень хороший", labbai eņmaitāts "хорошо упитанный", nikānkstai jakāwints "неприлично смеющийся". Для характеристики описываемой глаголом ситуации распространены адвербиализованные формы им.-вин. падежа прилагательных сред. рода: spārtan kwaitēi "очень хочет", labban maitāi "хорошо кормит", arwi wīdikauī "подлинно свидетельствует". Однако при наличии прямого дополнения в форме общекосвенного падежа (вин. ед.ч.) для устранения смысловой неоднозначности употребляются наречия на -ai: labbai maitāi swajjan gastiņ "хорошо кормит своего гостя".

Наречия от прилагательных, имеющих суффикс -isk-, обычно оканчиваются на -u: laīmisku "богато", sīrisku "сердечно".

Степени сравнения наречий

Сравнительная и превосходная степени сравнения наречий имеют форму основы сравнительной и превосходной степени прилагательных без падежного окончания: labbais "лучше", ukalabbais "лучше всего". Некоторые наречия отличаются одним лишь одноконсонантным суффиксом s: tūls "больше".

ПРЕВЕРБЫ И ИМЕННЫЕ ПРИСТАВКИ

eb- (перед b-, v- - ер-) "об-", en- "в-", et "от-", ai- "у-", er- = нем. er- (сов. вид), iz- "из-, с-" , па- "на-", ра- для сов. вида, "по-, под-", per- "при-" приближение, "пред-, пере-", pra- "пра-, пре-", prei- "при-", wen- "с(о)-", unzei- "на(д)-".

ПРЕДЛОГИ

Многие предлоги совпадают с соответствующими приставками. Инвентарь предлогов дополняется предложным употреблением наречий "впереди", "между", "наверху", "вокруг" и т.п. - см. "Синтаксис".

СИНТАКСИС

Предлоги и послелог употребляются со следующими падежами: с д а т и в о м - en "в" (где?), ezze "от" + указание на агенса пассивной конструкции, pa (безударн.) / pō (ударн.) "под", "после"; с а к к у з а т и в о м - en "в" (куда?), er "до" (место), ezze "о(б)" (о чем? обо что?), iz "из", kīrāa "над" (где?), na (безударн.) / nō (ударн.) "на", pa (безударн.) / pō (ударн.) "по" (чему? чем? сколько?), paḡar "кроме", paḡ "для, ради, за (возместит.)", pīrzdau "перед", pa "через", pḡēi "у, к", pḡīki "против", sen "с", sīrzdau "среди, между", sklāits "без", iz "за" (кем? чем? - простр.), zurgi "вокруг"; послелог с г е н и т и в о м - paḡḡal "по причине, из-за".

В сочетании предлога с существительным, имеющим местоименное или прилагательное определение (см. прилагательные), в поэзии допустима и дативная форма определения, кроме случаев указания на направление (куда?).

Многие другие важные элементы синтаксиса уже рассмотрены при разборе частей речи. Порядок слов в главном предложении свободен, преимущественно подлежащее-сказуемое-дополнения. Определение, выраженное прилагательным, помещается перед определяемым, а выраженное генитивной формой имени - либо перед определяемым, либо (с употреблением грамматического классификатора; см. далее об артроиде) - после определяемого. Порядок слов в подчиненном предложении характеризуется тенденцией ставить глагольное сказуемое на немецкий манер в конце глагольной синтагмы. Из польского произвольно введено употребление частицы gi "же" в качестве изъяснительного подчинительного союза "что". Старопрусский kái удерживает значение целевого подчинительного союза "чтобы", вводящего предложение в сослагательном (глагольная форма конъюнктива-оптатива) наклонении. Относительные предложения вводятся относительно-вопросительными местоимениями "кто", "что", "какой". Из наиболее употребительных союзов следует также упомянуть наречный kadden "когда", kwei "где", be "и, а", ir "также", sklāit "но", adder "однако", anga "или, ли", ikkai "если", kwait "хотя", beggi "ибо", neggi "чем (сравн.), ни". Отрицание выражается частицей ni "не, нет".

Следует отметить, что наряду с придаточным предложением времени, распространен самостоятельный оборот с дательными

падежами субъекта и определяющей его презентно-причастной формы смыслового глагола (случай, когда определение ставится после определяемого): *saūlei, skīntei, izgūbamai iz buttan* "когда всходило солнце (досл.: солнцу восходящему), мы вышли из дома". Как в этом примере, личное местоимение может опускаться при глагольных формах, имеющих различение лица.

Употребление артроида-грамматического классификатора

В новопрусском языке нет собственно артикля. Для уточнения, когда речь идет об известном и выделяемом предмете, употребляется сочетание с указательным местоимением *stas, stā, stan* "тот": *Ak stas perklantīts mārā!* "Ох, этот проклятый мор!". Артроидное употребление имеет и числительное *aīns, aīnā, aīnan* "один" в значении "некоторый" *Aīnā tanti bilēits* "Одна тетушка говорила".

Артроид обязателен при постановке определительного генитива (как и вообще определения) после определяемого, а также в случае смысловой неоднозначности сочетаний определительного генитива с общекосвенной формой (вин. ед.ч.) определяемого: *wissan tāutan ebpeisāsna = ebpeisāsna stēisan wissan tāutan* "описание все стран", *labasmu zmūnentei = zmūnentei, stesmu labban* "хорошему человеку", *as asmai skaitāwuns ebpeisāsnan stēisan wissan tāutan* "я читал описание всех стран".

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Префиксальное образование разобрано в разделе о приставках. Значение словообразовательных суффиксов иллюстрируется следующими примерами:

-ā: <i>bilā</i> "язык" (<i>bilītun</i>)	-ēik: см. -inik
-aīl: <i>skritaīli</i> "обод" (- лит. <i>skrūtis</i>)	-et: <i>brūneta</i> "рябчик" (-лит. <i>brūnas</i> "красноватый")
-āim: имя собств. <i>Kandaims</i> (kanda "куснул")	-ew: <i>mukinnewis</i> "учитель" (<i>mukinna</i> "учит")
-āin: <i>deināina</i> "утренняя звезда" (<i>deinā</i> "день")	-ewīng: <i>warewīngis</i> "мощный" (<i>warri</i> "мощь")
-āit: топон. <i>Wangāitai</i> (<i>wangā</i> "конец")	-ij: топон. <i>Warnija</i> (<i>warni</i> "ворона")
	-ij: см. -ēj

-ān: mečāni "эвероловство"	-ik: šuwiks "сапожник" (šūtun "шить")
-at: gīwata "жизнь" (gīwītwei)	-īk: saulīka "солнышко" (saūīi)
-ēt: deiwūts ¹⁹ "блаженный" (Deīws "Бог")	-il: siśsils "першень" (лит. širšé)
	-im: auktimmis "верховный" (aūkts "высокий")
-aūt: имя собств. Gedau̯ts (- лит. gēdi "тоскует")	-in: deīnins "ежедневный" (deinā)
-aw: gabbawa "лаба" (ср.)	-in: alkīns "голодный" (ālkis "голод")
-eik: имя собств. Jadeika (ср. лит. mišeika "драчу")	-ing: aulāikings "сдержан- ный" (aulāikasi "удерживается")
-eīl: krupeīli "лягушка" (- лит. krūpti "паршиветь")	-inik: aušautenīks "пове- ренный" (aušaudēi "до- веряет")
-eīn: sweīns "свинарник" (swīnten "свинья")	-isk: tāwisk "отцовский" (tāws "отец"); labbi- sku "доброта"
-īj: gewinīs, p. gewinījas "работник" (ср. лит. dirbėjas)	-ist: gertīstin "цыпленок" (gerts "петух")
-el: patāwelis "отчим" (tāws "отец")	-īst: kristenīsta "христиан- ство"
	-īt: имя собств. Waikītis "сын"
-en: имя собств. Drutennis "крепыш"	-īw: см. -w
	-kl: см. -tl
-l: reisāli "письменный доку- мент" (reisātun "писать")	-tāj: artājs "пахарь" (artun "пахать")
-m: etrāīmanis мест. прил. "ответный" (etrāi "отве- чает")	-taw: trīntaws "мститель" (trīntwei "мстить")
-m(i)n: enimmums ²⁰ "приятный" (enimma "вбирает")	-ti: pagāptis "инструмент" (pagābtun "схватить")

¹⁹ -ūиз -ā не в грамматическом окончании после губного.

²⁰ u из a между двумя губными согласными.

-nt: zmūnents "человек" (zmūi, p. zmūnes "лич- ность")	-tl: zentlan "знак" (ebzinātun "опознать")
-ōj: топон. lagzdōjai (lagzdē ствол, палка орешника)	-tw: šūtwan "крученая нить" (šūtun "шить")
-ōl: топон. Auktōlitai (aūkts "высокий")	-uk: azuks "козел" (aze "роза")
-ōm: tikrōms "прав(ый)" (tikars "верный")	-ul: weidulīs "зрачок" (widātun "видеть") + имя уменьш. (matullis)
-ōn: perōni "община" (pīrs "общий")	-ūn: maldūni "молодежь" (mālds "молодой"), weldūns "наследник" (weldītun "наследовать")
-s: имя собств. Liksā "от- стающий" (liktwei "ос- таться")	-ūst: kailūsts "здоровый" (kāils "здоровый, целый")
-senā: etskīsena "воскре- сение" (etskītwei "подниматься")	-ut: naguttis "ноготь" (лит. nāgas)
-senja: pagaūsenis "начало" (pagaūtun "начать")	-uz: merguzzi "девушка" (mergā "дева")
-snā: teikūsna "созидание" (teikūtun "создавать")	-w: etniwīngs "милостивый" (etnistis "милость")
-sti: krūmpstis "кочерга" (krūmpstwei "скорежиться")	

Из этого, далеко не исчерпывающего списка, можно судить, что, напр., абстракты образуются суффиксами -ā, -ān, -atā, -iskā, -īst, -sen, -znā, имена деятеля -tāj, -taw, инструмента -sti, -ti, обладания свойством -ūn, -inik, носителя качества -in, профессии -ik, уменьшительные -īk, -ist, -ut, относительные прилагательные -āin, -in, -ewīng, -isk и т.д. Префикс отыменных дериватов pa- (patawelis) расширяет инвентарь имен того же семантического класса (tāws). Из префиксов приемлем употребляемый в "Толькемите" be- "без-" (begīdis) "бесстыдник", также и старопрусс. ni (niwinūts) "невинный".

ЛЕКСИКА

Основу словаря составляет собственно прусская лексика, пополняемая как деривацией от известных корней, так и реконструкцией несомненно существовавших слов путем этимологического анализа восточнобалтийских и славянских данных. Культурные термины создаются из расчета места и времени их появления в как бы не умиравшем языке, учитывая как возможность создания (или позднейшего воссоздания, калькирования) собственных терминов, так и заимствование из прусско-немецкого, литературного немецкого, польского и литовского языков. Весь материал транспонируется на морфонологическую систему сембского диалекта XVI в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Альтернативный вариант перевода Евангелия от Марка

1. Īzus Kristus, stesše Dēiwas Sūnus, Ewangelijas pagaūsenis. 2. Kāigi peisātan ast en prawītamans: "Tēi as tenginna majjan waisnīkan pīrzdau ten, kas pagatawīna ti pintin emp-rīki. 3. Tāris wakēi.²¹ "En pāustrei pagatawīnaiti Rikijjas pintin, tikrans tikinnaiti tenesse lānkans". 4. Jāns Krist-nīks bēi krikstīnts en pāustrei be pagerdawints ebgraudāsnas krikstīsnan, grīkans etwērpun. 5. Prēi tennan izgūba wīsā Jūdējas tautā be stāi Jeruzaleminai, be pastāi krikstītai en Jordānas appei, pazināntei swajjans grīkans. 6. Jāns gi bēi parūkawuns si sen kamīlas skārdan be sen nōgnas sawinzlin zurgi strannans, be bēi īdints skīrins be paustāmedu. 7. Tāns bēi wakīnts sen wīrdamans: "Pōmen perēit warewīngāsis, neg-gi as, kasmu as ni asmai werts palānkuns si etwērpun tarkw-ins tenesēisan²² kurpin. 8. As asmai krikstīwuns wans en un-du, tāns gi wīrst wans krikstīwuns en Swintasmu Nōseilin".

²¹ Столь необычное разделение этой известной фразы требуется данными кумранских рукописей.

²² tenesēisan "евонных" I) заменяет артроидный классификатор указания на постпозитивное генитивное определение, 2) сохраняя при том и притяжательное значение.

ЛИТЕРАТУРА, НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ РЕКРЕАЦИИ:

- Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. - Vilnius, 1981
(сокращенно PKP).
- Trautmann R. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. - Göttingen, 1910.
- Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas, t.1.-Vilnius, 1988.
- Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь I-. - М.:Наука, 1975.
- Endzelin J. Altpreussische Grammatik. - Riga, 1944.
- Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. - Göttingen, 1925.
- Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. - Berlin-Leipzig, 1922.
- Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg-Göttingen, 1962-1965.
- Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt v. J. Endzelin. Bd. 1-6. - Riga, 1923-1946.
- Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. - Göttingen, 1923.
- ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ I. - Москва: Наука, 1974 -.
- Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg, 1950-1958.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. - Warszawa, 1970.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin- New York, 1975.
- Lietuvų kalbos žodynas. T. 1. - Vilnius, 1968 -.
- Lasch A., Borchling C. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd. 1. - Hamburg, 1928 -.
- Frischbier H. Preussisches Wörterbuch. Bd. 1-2. - Berlin, 1882-1883.
- Stang C. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. - Oslo, 1966.
- Endzelins J. Comparative phonology and morphology of the Baltic languages (Baltu valodu skanās un formas, Rīga, 1948, Baltų kalbų garai ir formos, Vilnius, 1957). - The Hague-Paris, 1971.
- Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik. - Halle, 1914.

NEUPRUBISCH: "TOLKEMITA" UND "PRUßA"

Mikkel Klosse

Die 1980 in der BRD und 1988 in Litauen begründeten Vereine "Tolkemita" und "Prußa" befassen sich mit dem Kulturerbe der Prußen (alten Preußen in ihrer historisch-genetischen Entwicklung). In den beiden wird es an der Rekreation der im 18. Jhd. verstorbenen Sprache gearbeitet, was für die "Prußa" eine Programmaufgabe ist. Der Beitrag legt eine kritische Analyse erster Versuche einer Neuprußischen Grammatik vom Tolkemitaner Günter Kraft-Skalwynas (der, leider, kein Fachlinguist ist) vor, wie auch eine alternative, für die "Prußa" angenommene Variante. Der Leser findet für sich 17 grammatikalische "Prußa"-Tafeln wie auch Übersetzung des Mk 1 : 8 im Vergleich mit der von G. Kraft-Skalwynas.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В БЕЛОРУССИИ XIV-XVIII вв.

В.М. Свежинский, Г.И. Шевченко

Проникновению латыни на территорию Белоруссии в значительной степени содействовало то, что этот язык, принадлежавший, согласно ортодоксальному средневековому учению, к трем священным языкам, имел исключительный авторитет и большое распространение в странах Западной и Центральной Европы.

На территорию Великого княжества Литовского, куда входили и белорусские земли, латынь проникала прежде всего как язык католической церкви. При этом роль посредника принадлежала Польше, где этот язык издавна был не только сакральным языком, но и языком обучения в школах. Им пользовались также в канцеляриях князей и королей при оформлении всяких документов. На латинском языке писались судебные, правовые акты, распоряжения властей. Приток латыни, как и польского языка, усилился при литовском князе Ягайло. Князь Ягайло и феодалы увидели в сближении с Польшей возможность укрепить свое господство в белорусских, украинских и русских землях и надеялись, объединив силы против агрессии крестоносцев, расширить границы своих владений за счет русских земель. В 1385 г. Королевство Польское и Великое княжество Литовское приняли Кревскую унию, вследствие чего произошло объединение под властью единого монарха. В 1386 г. Ягайло женится на польской королеве Ядвиге и принимает католичество. В следующем году он издает указ, согласно которому феодалы, принявшие католичество, получают дополнительные права и привилегии (4, 160-169). Такая политика Ягайло, направленная на культурное и политическое сближение с Польшей, фактически и открыла путь для латыни на белорусские земли. Вместе с тем, латынь проникала в Белоруссию и через импорт латиноязычной литературы. Необходимость в этой литературе была вызвана тем, что латинский язык преподавался в школах. Известно, что с насаждением католицизма в Белоруссии открываются костелы, при которых действуют католические школы. Именно для нужд этих школ увеличивается приток книг на латинском языке. Этот процесс принимает особый размах в связи с ростом книгопечатания в Западной Европе. Латинские книги, количество которых по-

стоянно возрастало, обильным потоком хлынули в Великое княжество Литовское, так как печатная книга имела большую привлекательность, чем рукописная. Путешественники-аристократы, странствующие ремесленники, купцы, студенты охотно покупали за границей латинские книги, способствуя этим их распространению у себя на родине. В результате этого латинские книги в библиотеках Великого княжества Литовского очень скоро начали преобладать над другими (12, 46-47). В Белоруссии имелись книги, изданные в Италии, Германии, Швейцарии, Франции, Нидерландах.

Книги на латинском языке стремились иметь в своих библиотеках феодалы. Так, 2/3 знаменитой библиотеки Гаштольда (основанной в 1510 г.) составляли латинские книги. Много латинской литературы было в библиотеке профессора Кенигсбергского университета А.Кульветиса. Как свидетельствует каталог Станислава Копутского, на латинском языке было большинство книг в библиотеке короля Сигизмунда Августа. Латинские книги преобладали в собраниях магнатов Радзивиллов, Олельковичей, Ходкевичей, в библиотеке кафедрального собора в Вильно, в библиотеках многих монастырей, в книжных коллекциях членов Виленской капитулы. Богатая личная библиотека была у инициатора белорусско-литовской Реформации Франциска Скорины, основу которой составляли латинские книги. Часть из них могла быть привезена из зарубежных поездок отцом его, торговавшим шкурами. Другие были приобретены самим Скориной во время учебы в Кракове и Падуе, службы в Кенигсберге и Праге. Известно, что при подготовке издания Библии Скорина использовал знаменитые комментарии к Вульгате профессора Парижского университета Николая де Лиры. В белорусских книжных собраниях были широко представлены произведения античных авторов Старшего и Младшего Плиниев, Ливия, Цицерона, Апулея, Лактанция, Овидия, Лукреция, Горация, Плавта, Корнелия Непота, Ювенала, Лукиана, Теренция, Тацита, Саллюстия, Витрувия, Тибулла, Кальпурнуса, Светония, христианских авторов Платина и Грациана, книги гуманистов эпохи Возрождения - Эразма Роттердамского, Монтеня, Бэкона и др.

В XVI-XVII вв. одним из самых читаемых авторов в Великом княжестве Литовском был Цицерон. Его сочинения имелись почти во всех отечественных библиотеках, штудировались в школах и академиях. Во второй половине XVI в. ряд философских сочинений Цицерона, а именно трактаты "О старости", "О дружбе", "Об обязанностях" переводятся в Белоруссии и Литве на поль-

ский язык. Белорусский писатель Соломон Рысинский написал комментарии к сочинениям Цицерона, Сенеки, Плавта, Авсония, Овидия. Магнат-кальвинист Лев Сапега был одним из редакторов III Статута Великого княжества Литовского. В предисловии к нему он писал: "Яко Цицеро поведил, иж естесмо невольниками прав для того, абысьмы вольности ужывати могли" (9, 15-16). Высшие церковные иерархи Белоруссии, поддерживаемые консервативной частью православного духовенства, заняли резко непримиримую позицию по отношению к западной культуре. Они обосновывали это необходимостью борьбы с католицизмом, протестантизмом, ересями, пробуждали и утверждали в обществе неприязнь, а порой и открытую ненависть ко всему латинскому (12, 59). Попытка православных теологов защититься от наступающего воинствующего католицизма по сути дела обернулась отвержением европейской светской культуры, ренессансно-гуманистической образованности (12, 59-60).

Уровень знания латыни в Белоруссии уже в ранний период ее истории был довольно высоким. Франциск Скорина во второй половине XV в. смог у себя на родине изучить этот язык настолько, что это дало ему возможность поступить сначала в латиноязычный Краковский, затем в Падуанский университет и успешно его окончить. Многие другие выходцы из белорусских земель получали образование в университетах Праги, Кракова, Виттенберга, Болоньи, Лейпцига, Кенигсберга, Базеля, Падуи, где, как известно, преподавание велось на латинском языке.

Белорусские гуманисты заимствовали у своих западноевропейских единомышленников пример использования латыни в сфере эстетического творчества. При этом они стремились подражать языку Цицерона. Подобно тому, как в Англии на латинском языке писал Томас Мор, в Голландии — Эразм Роттердамский, в Италии — Томмазо Кампанелла, белорусский поэт-латинист Николай Гусовский создает свои бессмертные поэмы "Песня о зубре", "Победа над турками", "О жизни и деяниях божественного Иакинфа". Источником поэтического вдохновения для него, как утверждают исследователи, послужили творения Данте Алигьери. Другой латиноязычный поэт Ян Вислицкий воспел в поэме "Прусская война" победу над крестоносцами. Поэт Андрей Римша написал поэму "Decasteros Acroama".

Латинский язык становится в Белоруссии языком науки. На нем пишутся философские и юридические трактаты. Так, известный белорусский педагог XVI в. Ян Лидиний Намысловский написал трактат "Sententiae ad communem vitae usum ... (1589).

Философ Андрей Волян - "De principe et proprius eius virtutibus" (1608), "De vita beata sine summo hominis bono". Мыслитель-атеист Казимир Лыщинский - "О несуществовании бога", канцлер Великого княжества Литовского Ян Замойский - "De senatu Romano" (1563).

Латынь получает распространение и в быту образованной части общества. В среде гуманистов, как и в Западной Европе, возникает мода на латинские имена и фамилии. Подобно тому, как деятели немецкой Реформации Шварцерд и Шнейдер взяли себе античные фамилии соответственно Меланхтон и Агрикола (14, 72-73), так Соломон Рысинский стал Соломоном Пантерусом Леукуруссусом, Эразм Тёлк, меценат Николая Гусовского, - Эразмом Вителлиусом.

Латынь была обязательным элементом программ прежде всего католических школ. С распространением и упрочением позиций католицизма в Белоруссии для нужд полемики по религиозным вопросам латынь начинает изучаться и в православных школах. По этой же причине она изучалась и в протестантских школах. Во второй половине XVI в. с началом Контрреформации иезуиты открыли много новых католических школ. В 1579 г. в Вильне была открыта иезуитская академия, давшая начало Виленскому университету. Она стала крупнейшим центром латиноязычной культуры в Великом княжестве Литовском. После заключения Брестской церковной унии к католическим школам прибавились униатские, в которых также большое внимание уделялось изучению латинского языка (15, 25-414).

Положение латыни отличалось в Белоруссии от ее положения в Западной и Центральной Европе узкой социальной базой. В Польше ее знали даже холопы, там дело дошло до создания народных книг. В Белоруссии, поскольку крестьяне были сплошь неграмотны, латинским языком владели в основном представители господствующих классов - феодалы и шляхта, которым было доступно образование. До середины XVII в. в Белоруссии латынь преподавалась по иностранным пособиям. Наиболее популярным считалось пособие Альвара, словарь Калепина, латино-польский словарь Я. Мончинского (1504), латино-польско-греческий словарь Г. Кнапского (1621), грамматика Элия Доната, в протестантских школах пользовались катехизисом Кальвина. Вскоре, однако, здесь появились свои педагогические кадры, которые начали создавать отечественные пособия. Так, филолог Епифаний Славинецкий в середине XVII в. издал "Лексикон латинский", а совместно с Арсением Корецким-Сатановским -

"Лексикон славяно-латинский". Эти книги пользовались большой популярностью и за рубежом (10, 13-18).

Латинский язык употреблялся в Великом княжестве Литовском при дипломатических сношениях, причем не только со странами Западной Европы, но и Востока. Так, в "Исторических записках" Ф.Евляшовского есть эпизод, в котором описывается визит в Вильно турецкого посла. При нем был переводчик, знающий латинский язык (5, 10).

После Люблинской унии (1569 г.) в Белоруссии возникла очень сложная языковая ситуация, которая не имела аналогов ни в одном другом месте тогдашней Европы. Формально по условиям унии Великое княжество Литовское сохраняло свой государственный язык, но поскольку ведущую роль в Речи Посполитой играли польские феодалы, земельные владения которых на территории княжества стали заметно увеличиваться, здесь в качестве официального языка вместе с польским все большее распространение получал и латинский, вытесняя из этой сферы белорусский, несмотря на то, что употребление последнего было закреплено Статутом 1566 г. С этого времени начинают возникать документы с сусцептами на белорусском языке и основным текстом на латинском. Вместе с тем появляются и документы, целиком написанные на латинском или на латинском и польском. Например, в книге Канцлера Льва Сапеги за 1596-1598 гг. помещается 129 белорусских, 20 польских и 8 латинских документов (6, 354). Вот один из документов этой книги, написанный на латинском языке:

*Limitatio Causarum juris Ciuillis Teutonicis
Maidenburgensis*

Sigismundus III Dei gratia Rex Poloniae

*Significamus p̄ntibus tr̄is̄n̄ris quorum interest Universis et
singulis quod cum non ita pridem et singulas causas juris
Ciuillis Teuthonici magdeburgem in Mango Ducatu Lituaniae tr̄is̄
n̄ris addiem secundam mensis Decembris Anni p̄ntis Millesimi
quingentesimi quingentesimi nonagesimi sexti, suspenderimus
et prorogauerimus, Verum certis nuncadiducti r̄aonibz limitonem
illam causarum Juris ciuillis Theuthonini Maidenburgē in
magno ducatu Lithuaniae adulteriozem terminum tempus prorogandum
duximus, prorogamus que et diem primam ijs mensis februarij
Anni proxime venturi millesimi qingentisimi nonagesimi
septimi determinamus et assignamus Proque qidem die et termino
ōes et singulae partes iure litigañ controuerteno coram*

nōb et Iudicioñro Varsaviae aut ubi tunc cumcuria nra faētr
 constituemur non obstante priori limitōne nra habebunt se-
 cumcontrouerten et iure litigāñ, et terminum et terminos ta-
 lem et tales qualem et quales, de iure illis venerint nulli-
 us partis aequitate et iustitia laesa, sed eorum iure in om-
 nibus salvo firmoq̄ conseruato, sua propter omnibus et singu-
 lis praefectis Ciuitatum et oppidorum in magno ducatu Lithua-
 niae, et iure ciuili magdeburgen subiaceñ. Mandamus oīno id
 habere volentes uthasce tīras nras ad notitiam omnium, in fo-
 ris et locis publicis denunciarij curent, dat Varsaviae die
 26 Mensis Septembris A^o Dñi 1596 Regnorum nrorum Polonici no-
 nosuetici verotertio Anno.

Leo Sapieha Cancellarius. (8, 365-37)

В конце XVI в. латинский язык в Великом княжестве Литов-
 ском нашел приверженцев в лице литовской знати. Литовцы
 стремились к замене белорусского официального языка латынью,
 которая, по мнению некоторых, была по происхождению родст-
 венной литовскому языку. Легенда о римском происхождении ли-
 товской шляхты отразилась даже в летописях полной редакции и
 других хрониках того времени. Даже название Lietuva выводил-
 ось из латинского litus. Призыв в пользу латыни впервые был
 выдвинут литовским историком Михалоном Литвином, который в
 1550 г. написал специальные записки, где выступил против
 официального белорусского языка. По его мнению, белорусский
 язык не знакомит литовцев с древностью и не развивает граж-
 данских чувств. Поэтому от него нужно отказаться (17, 64).

В 1576 г. бургомистр города Вильны Августин Ротундус на-
 писал на латинском языке "Хронику Литвы" и сделал перевод
 на этот же язык Литовского статута. Этот перевод Ротундус
 снабдил предисловием, в котором выразил свое отношение к ла-
 тинскому языку и к белорусскому. По мнению Ротундуса, латин-
 ский язык нужно ввести в употребление в законах, посланиях,
 в деловом и личном общении и даже в повседневной жизни в ка-
 честве разговорного. В связи с этим Ротундус с радостью при-
 ветствовал появление в Вильне иезуитов, открывших там свою
 школу, где молодежь училась читать и говорить на латыни (18,
 51-54).

Одной из характерных черт культуры барокко, которая на-
 чала утверждаться в Белоруссии с конца XVI в., является,

по словам Л. Гинейтиса, макароничность языка (I6, I02). Своеобразная мода на пересыпание языка деловых документов латинскими выражениями возникла в XVII в. в Польше, где макароническая латинско-польская речь приобрела в это время характер эпидемии (I0, 209). По польскому образцу такие акты на макаронизированном польско-латинском языке начинали писаться и в Белоруссии. Вот образец созданного в Белоруссии документа такого типа: "... po rozerwanym iuż ostatnim seymie, kiedy owe nowiny gęsto latały, że się pan Lubomirski zbliża z woyskiem ku granicy ofiarować mi się z tym, iechać do niego, y, sub specie veteris confidentiae, tak intentie iego dalsze wyrozumieć, iako y w siłach przeurzyć się, prosząc mię, tylko, abym go chciał protegere ..." (1, 6).

По образцу таких польско-латинских документов создавались и белорусско-латинские. Авторитет латыни способствовал тому, что в них широко употреблялись латинские канцелярские штампы, которые придавали документам престижную стилистическую окраску, поскольку употребление латинских выражений рассматривалось как признак учености. Приведем отрывок из белорусско-латинского макаронического текста: "...уподобанья своего инъ акціоне мортись небожика не на Яна Софроновича сфабриковаць вынуривши се, не только же нуллиторь модо віоленто еть субдоле тую маетность Зуковъ въ апрегенсію свою загорнувши, презъ колько лѣтъ выдержкуу и квити не платечи // оную модись иниквисъ щекгульною присегою вытравить и собѣ привлацишь усиудетьшто же яко контра омниа юра кардиналіа еть натураліа дѣтсця // и того евидентиссиме документись еть инструментись автентичись доведши и на оно указавши..." (2, 516).

Тексты такого рода соответствовали эстетическим канонам высокого барокко. В отличие от этого канонам среднего барокко соответствовала макаронизация языка поэзии, имевшая целью создание комического эффекта. В качестве примера можно привести белорусский аналог "Колядки" поэта XVII века Яна Жабчица:

С калядою omnes ad vos ідзем к вам
 Есці gratis вельмі міла будзе нам.
 Gloria laus богу ўсе заспяваем,
 Гаспадарам largum vespere раз прызнаем.
 Пацхайце ж усе fratres каляду,
 Почым я вас усіх на premium завяду
 Мольце бога donet nobis Fortunam

Cum salutem мы Вам жычы
 І хай Deus благаславіць пры спору
 Даму, людзям, гуме, клеці, абору.
 А во Новы Год mittat tibi gaudia
 Et prosperat усе памысльна omnia
 Днесі молим salvatorem Mariae
 Дабрадзей наш longum vitam хай жыве.
 Пасля смерці super Coelos хай бытуе,
 Coriosum і mercendam там пацуе (7, 23).

По мнению историка французского языка Фердинанда Брюно, путем макаронизации в эпоху Ренессанса разрешалась задача преодоления двуязычия и перехода на народные языки (3, 388-389). Нужно было показать сначала, что классическая латынь стала тесной для нового предметного мира.

Выходя из употребления в целом, латинский язык послужил для старобелорусского источником многочисленных юридических терминов, большинство из которых носит на себе следы польского посредничества. Только в одном документе — декрете трибунальском 1679 г., который в позднейшем издании занимает всего 14 столбцов текста, употреблено 50 лексем латинского происхождения, как например: акторать, акторь, акция, апелляция, видимусь, дата, декреть, интрониссия, квить, копия, кресценция, посесия, протестация, сукцесия, сума, терминь, фундушь и др.

Функционирование латинского языка в белорусской языковой среде постепенно приводило к разрушению международного стандарта этого языка и формированию его белорусской разновидности. Особенности этой разновидности наиболее ярко проявились в фонетике. В своей латинской речи белорус отбрасывал несущественные, с его точки зрения, элементы латинских фонем, заменяя их наиболее близкими к ним белорусскими. Замечнее всего эта особенность латинской речи белорусов отразилась в латинских сегментах макаронических текстов, написанных кириллицей, что свидетельствует об определенной независимости писцов от традиций латинской орфографии. Замечено, что не месте латинских среднеязычных аффрикат [dʲ], [tʲ] отмечаются близкие к ним белорусские переднеязычные [дз], [ц], то есть имеет место дзеканье, цеканье. См.: кондикто, (кондзікто), мередиана (мередзіана), композити (композиці), мортишь (морціс) и т.д. Взрывное [g] для живой белорусской речи древнего периода уже было в целом нехарактерно. Эта фонема встречалась только в иноязычных словах, где она (в тех

случаях, когда сохранялась) передавалась при помощи диатрифы 'кг', но могла и субституироваться либо фрикативным [h], либо сонорным [j]. Обе эти субституции были характерны для латинской речи белорусов, о чем свидетельствует отражение их при фиксации латинских текстов кириллицей. Ср.: инь валюмине лекгумь, но: аендумь, енералитерь. Латинскому [ɫ] альвеолярному в белорусском языке соответствует [л'] зубное. Последнее и служило для субституции соответствующей латинской фонемы в речи белорусов. Это видно из написаний типа: персоналитерь, віолентерь, ліокумь. Белорусское свистящее переднеязычное мягкое [с'] отличается от латинского [s] мягкого своим шипящим элементом. Но это не являлось, видимо, по мнению тогдашних белорусов, препятствием для употребления его в латинской речи, например, в словах праксись, субселіо и др.

Белорусскому языку были несвойственны характерные для латыни удвоенные согласные. Поэтому в латинской речи белорусов, как свидетельствуют написания типа: субселіо, опресусь (вместо *subsellio, oppressus*), здесь выступает одна согласная.

Таким образом, несмотря на то, что в Белоруссии эпохи феодализма латынь позднее, чем в Западной и Центральной Европе утверждается в качестве одного из литературных языков и встречает противодействие со стороны православных ортодоксов, она прошла здесь те же фазы развития и отмечена в тех же жанрово-стилевых разновидностях. Функционируя в тесном взаимодействии с белорусским языком, латынь постепенно трансформировалась в свою белорусскую разновидность.

Л и т е р а т у р а

1. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею для разбора древних актов. Т. IV. - Вильна, 1870.
2. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею для разбора древних актов. Т. XV. - Вильна, 1888.
3. Бахтин М.М. Из предьстории романского слова. - В кн.: Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
4. Гісторыя Беларускай ССР. Т. I. - Мінск, 1972.
5. Евлашовский Ф. Исторические записки. Рукопись Главного архива древних актов в Варшаве.
6. Жураўскі А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Ч. I. - Мінск, 1967.

7. Зямкевіч Р. Гутаркі аб беларускай літаратуры. - Новае жыццё, 1923, № I.

8. Кніга Канцлера Льва Сапегі 1596-1598 гг. Ручніск Цэнтральнага дзяржаўнага архіва дрэвніх актаў. Ф. 389, кн. 286.

9. Лаппо И.И. Литовский статут 1588 г. Т. II. - Каунас, 1938.

10. Лексикони Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. - Київ, 1973.

11. Лер-Сплавинский Т. Польский язык. - М., 1954.

12. Подкошин С.А. Скорина. - М., 1981.

13. Прокошина Е.С., Шалькевич В.Д. Казимир Лыдинский. - Минск, 1986.

14. Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик. - М., 1984.

15. Харлампович К. Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. - Казань, 1898.

16. Gineitis L. Klasycizmo problema lietuvių literatūroje. - Vilnius, 1972.

17. Jakubowski J. Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed unią Lubelską. - In: Prace Tow. Nauk. Warszawskiego, W., 1912, nr. 7.

18. Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthenes. - In: Ukraine et Russie Blanche. Lille, 1938.

LA LANGUE LATINE EN BIÉLORUSSIE AUX XIV-XVIII S.

Vladimir M. Sveřinski et Galina I. Chevtchenko

Le recours à la langue latine en Biélorussie est intéressant comme du point de vue linguistique tant dans le plan de la culture.

L'article traite le problème de la pénétration, des sphères de l'utilisation et des particularités du latin dans la langue biélorusse.

En Biélorussie féodale le latin s'est heurté à une forte opposition de la part de l'Eglise orthodoxe. C'est pourquoi le latin s'est établi en Biélorussie comme une des langues littéraires plus tard qu'en Europe centrale et occidentale. Malgré cela le latin y a éprouvé les mêmes étapes du développement et a été marqué dans les mêmes genres et styles. Le fonctionnement parallèle de deux langues a permis peu à peu au latin de se transformer en sa variété biélorusse.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ (Документы, обзоры, рецензии)

ЯЗЫК И МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕНИЕ

Социолингвистические аспекты международного общения — одно из важнейших направлений современной интерлингвистики, о чем свидетельствуют регулярно проводимые национальные и международные симпозиумы, издание монографий, сборников, специальных научных серий, как, например, выходящая с 1981 г. в Польше (г. Лодзь) серия "Международная языковая коммуникация" (обзор I-VI тт. этой серии дан в предыдущем, шестом, выпуске нашего издания "Interlinguistica Tartuensia", с. 176-181), периодических изданий, как, например, ныне хорошо известный международный журнал "Языковые проблемы и языковое планирование" (*Language Problems and Language Planning*). В данном случае перед нами сборник "Язык и международное общение", вышедший в Югославии в городе Сараево: *Jezik i međunarodno komuniciranje. Zbornik radova. Odgov. ur. Senad Čolić. — Sarajevo, 1986. — 222 s.*

Сборник содержит материалы проведенного в 1984 г. по инициативе отделения журналистики факультета политических наук и университетского эсперанто-клуба и под покровительством Сараевского университета круглого стола под тем же названием. В нем приняли участие такие известные югославские языковеды, как Далибор Брозович, Ранко Бугарски, Срджан Янкович и др. Сборник издан Союзом эсперанто Боснии и Герцеговины. Статьи и тексты выступлений в дискуссиях опубликованы на сербскохорватском языке (за исключением доклада П. Златна-ра "Языковая политика и международное общение", напечатанного по-словенски). Материалы сборника сгруппированы в шесть разделов. В первом разделе "Коммуникация, общество и язык" (с. 17-54) большинство работа посвящено социально-политическим и технологическим аспектам общения в связи с объявлением ООН 1983 года Всемирным годом общения (коммуникации) (работы Божидача Секулича, Марио Пленковича, Бориса Грабнара). Особый интерес представляет здесь работа Р. Бугарского "Типология международной языковой коммуникации", в которой предлагается своеобразный типологический подход, учитывающий ряд

параметров при изучении международного общения — по отношению к участникам, сферам протекания, целям, технологиям и средствам коммуникации. Средства коммуникации делятся на лингвистические (естественные — пиджинизированные — плановые языки, устные — письменные языки), логико-технологические (неформализованные — формализованные языки), социологические и политические. Автор заключает: "Любые усилия в направлении улучшения коммуникации на региональном, особенно же на глобальном уровне, должны исходить из всестороннего учета эмпирических ситуаций всего мира..." (с. 43).

Второй раздел ("Право на общение и новый международный информационный порядок", с. 55-93) охватывает юридические аспекты общения и международного информационного порядка с учетом господствующих идеологий (работы Томо Мартеланца, Елены Гриич-Полич, Мате Ореца, Еленки Вочкич-Авдагич и Эмины Кечо). Вопросы прошлого, настоящего и перспектив общения составляют третий раздел книги (работы Бесима Спахица, Фериды Мухича, Бисерки Цветичанин и Хидаета Реноваца, с. 95-137). Следующий раздел назван "Языковые аспекты международного общения" (с. 139-197). Он состоит из работ Д.Брозовича, Брацо Ковачевича, Богдана Л. Дабича и Николы Рашича. В работе Д.Брозовича "Языковой аспект международного общения рассмотрена мировая языковая ситуация и, в частности, этнические языки с интернациональными функциями. Автор полагает, что "общий прогресс цивилизации привел нас к парадоксальной ситуации, а именно: международный язык или же международные языки необходимы нам с каждым днем не только все больше, но и все меньше" (с. 141). Уменьшение потребности в международном языке для части населения Земли вызвано тем, что формируется все большее число этнических языков, на которых существует достаточный объем необходимой информации. Таково, например, большинство языков современной Европы. Д.Брозович, однако, видит в этом факте одну из существенных причин того, что в будущем, когда в мире таких, информационно достаточно нагруженных, языков станет много, потребность в международном языке усилится: "... когда весь мир станет Вавилоном (т.е. будет иметь большое число информационно нагруженных языков. — А.Д.), каковым сейчас является только Европа, тогда будет невозможно жить без общего мирового международного языка" (с. 144). И в этом плане специфический опыт эсперанто окажется как нельзя кстати. В работе профессора Сараевского университета Б.Л. Дабича "Лингвистические средства междуна-

родного общения" высказывается мысль о перспективности исследования проблемы общения по трем географо-политико-административно-культурным зонам - в одной стране (особенно многоязыковой, как, например, Югославия), в одной зоне, относящейся к той или иной цивилизации (например, европейской), и, наконец, в рамках всей планеты. Сам автор рассматривает вопросы в рамках европейской цивилизации, уделяя особое внимание так наз. "европейской языковой интернационализации", которая осуществлялась либо осуществляется посредством какого-либо престижного мертвого языка (например, латинского), возведением на уровень международного какого-либо этнического (английского, русского и др.), лексической интернационализации и созданием искусственных языков типа эсперанто.

В последнем разделе книги "Коммуникационная технология и языковая политика" (с. 199-214) говорится о роли различных средств в коммуникации и важности при этом избранной языковой политики (работы Мухамеда Нухича, Мирьяны Попович и Петера Златнара).

Сборник "Язык и международное общение" следует признать полезным вкладом в разработку социолингвистических аспектов современной интерлингвистики. Несмотря на то что все включенные в него работы опубликованы на сербскохорватском языке (и одна - на словенском), он может быть использован и за пределами славянского мира, поскольку каждая работа снабжена пространным резюме на эсперанто.

Библиографические данные о важных с интерлингвистической точки зрения работах сборника: R. Bugarski. Tipologija međunarodne jezičke komunikacije (s. 40-44); D. Brozović. Jezični aspekt međunarodnog komuniciranja (s. 130-146); B. Kovačević. Jezik i emancipacija (s. 147-152); B.L. Dabić. Lingvistička sredstva međunarodnog komuniciranja (s. 153-159); N. Rašić. Tehnologija, jezik i kultura (s. 160-177); P. Zlatnar. Jezikovna politika in mednarodno komuniciranje (s. 209-214).

А.Д. Дуличенко

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Под таким названием вышел первый в Чехословакии интерлингвистический сборник, представляющий собою материалы состоявшегося 20-22 мая 1987 г. в Высоких Татрах (так же первого в Чехословакии!) научного семинара по интерлингвистике. Полные данные издания: *Problémy interlingvistiky. Zborník materiálov z interlingvistického seminára (Vysoké Tatry 20.-22. mája 1987). Red. S. Košecký. - Bratislava, 1987. - 180 s.* Семинар был организован Словацким и Чешским эсперантскими союзами в сотрудничестве с Языковедческим институтом им. И. Штура Словацкой Академии наук. По актуальным вопросам интерлингвистической теории и практики выступили такие известные чехословацкие языковеды, как Я. Горецкий, Й. Мистрик, В. Скаличка, П. Сгалл, С. Утешени и др. Семинар имел международный характер, так как в нем участвовали и зарубежные интерлингвисты, - С.Н. Кузнецов, Д. Бланке, И. Сердахеи, Т. Эйсмонт и др.

Сборник составляют теоретические исследования в области интерлингвистики и эсперантологии.

В связи с интерлингвистикой рассматривается ряд методологически важных для этой науки вопросов. Детлев Бланке пишет о предмете интерлингвистики и современном состоянии интерлингвистических исследований. В частности, он предлагает выделять три подхода к объекту интерлингвистики как науки о международном вспомогательном языке, о международной языковой коммуникации и о взаимоотношениях между языками. При этом автор непременно условием ставит учет политического, экономического, социологического, психологического и лингвистического аспектов. В работе "К началам интерлингвистики - новой языковедческой дисциплины" Сергей Н. Кузнецов напоминает о том, что истоки интерлингвистической теории следует видеть в постволапюкском (с 1879 г.) и постэсперантском (с 1887 г.) периоде, особенно в связи с полемикой, возникшей в 80-е гг. XIX в. между Американским философским и Лондонским филологическим обществами, приведшей к признанию наиболее перспективным апостериорного принципа создания искусственного языка. Автор отмечает также выдающуюся роль Х. Шухардта и

И.А. Бодуэна де Куртене в обосновании важности и полезности для языкознания занятий этими языками.

Большая часть интерлингвистических работ посвящена различным социолингвистическим аспектам. Так, Тадеуш Эйсмонт рассматривает вопросы нового международного языкового порядка, Станислав Кошецкий ("Об основных проблемах международной языковой коммуникации") выделяет главные тенденции функционального развития крупных языков мира и определяет место среди них плановых языков. В статье Властимила Новобильского "Языковые проблемы на международных специальных встречах" показан рост интереса международных организаций к использованию планового языка. В работе Савы Гержмана "Языковой конструкт для общественной коммуникации" рассмотрены некоторые онтогенетические и семиотические аспекты языковой коммуникации, отмечена важность учета языковых универсалий и под. Ян Горецкий ("Отношение языка и языкового сообщества в этнических и плановых языках"), разграничивая языковые сообщества (связанные одним языком) и коммуникативные сообщества (связываются более чем одним языком), придает особое значение прагматическому опыту (*pragmatická skúsenosť*), влияющему на словообразование и словоупотребление в этнических и плановых языках.

Эсперантологическая часть книги включает в себя работы, касающиеся сопоставления этнических и планового языков, структуры и функционального развития эсперанто, его изучения и применения в различных сферах и с различными целями. Надо сказать, что сопоставительная интерлингвистика и, в частности, эсперантология, еще не стала на прочные ноги. Многие ее аспекты теоретически либо вовсе не затронуты, либо просто слабо разработаны. В рецензируемом сборнике плановый язык сопоставляется на таких уровнях, как просодический (Славо Ондрейович), морфемный (Эрих Шпитц) и словообразовательный (статья "Сравнение системы аффиксов эсперанто и Bahasa Indonesia" Эриха-Дитера Краузе). Чисто эсперантологическим проблемам посвящены работы Иштвана Сердакейи ("Эсперанто - настоящий язык"), Э.-Д. Краузе ("Происхождение эсперантской лексики и ее дальнейшее развитие"), Веры Бланке ("Планово-языковые корни международной терминологической нормализации и ее влияние на эсперанто"), Славомира Утешеного ("К перспективам единой мировой номенклатуры в эсперанто"). Функциональный аспект эсперанто отражен в работах В. Новобильского ("Использование эсперанто в науке и технике"),

Яна Поспишила ("Использование эсперанто в информационных компьютерных системах"), Петра Сгалла и Карела Оливы ("Машинный перевод и переводный язык"); Павел Жиго пишет о мета-языковой функции эсперанто и, в частности, ее значении для лингвистики. С. Кошецкий рассматривает слабо разработанный вопрос о "легкости" эсперанто, подробно исследуя теоретические аспекты научаемости, манипулируемости и понимаемости языковых элементов. В небольшой заметке "Эсперанто как вспомогательный язык" Владимир Скаличка предлагает ряд практических мер по внедрению эсперанто в международные научные организации. Йозеф Мистрик затрагивает по существу до сих пор не исследованный вопрос о паралингвистических аспектах коммуникации на плановых языках ("Эсперанто и паралингвистика"). "Паралингвистика эсперанто, - пишет он, - специфична, действует как нейтральный инвариант, который дает пространство для сопутствующего применения паралингвистических вариантов различных этнических языков" (с. 94). И далее: "Паралингвистический элемент обычно является носителем субъективного отношения автора к тексту, и его формальное выражение не всегда обладает международным видом. В эсперанто с этим фактом необходимо считаться" (с. 97).

Сборник "Проблемы интерлингвистики" является серьезным вкладом в исследование теоретических проблем общей и частной интерлингвистики. Нет сомнения в том, что он окажет благотворное воздействие не только на развитие интерлингвистической работы в Чехословакии, но и в других странах. Материалы сборника напечатаны в основном на словацком, а также на чешском языках. Пространные эсперантские резюме каждой работы будут способствовать распространению его среди интерлингвистов различных стран.

Библиографическое описание содержания сборника: D. Blanke. O predmete a súčasnom stave interlingvistických výskumov (с. 9-18); S.N. Kuznecov. K začiatkom interlingvistiky - novej jazykovednej disciplíny (с. 19-29); T. Ejsmont. Nový medzinárodný jazykový poriadok (с. 30-38); S. Košecký. O základných problémoch medzinárodnej jazykovej komunikácie (с. 39-48); V. Novobilský. Jazykové problémy na medzinárodných odborných setkáních (с. 49-55); S. Heřman. Jazykový konstrukt pro společnou komunikaci (с. 56-64); J. Horecký. Vzťah jazyka a jazykového spoločenstva v etnických a plánových jazykoch (с. 65-70); S. Ondrejovič. K niektorým prozodickým vlastnostiam vo fungovaní medzinárodných etnických a plánových

jazykoch (s. 71-78); I. Szerdahelyi. Esperanto je skutočný jazyk (s. 79-92); J. Mistrík. Esperanto a paralingvistika (s. 93-97); S. Košecký. O "l'ahkosti" esperanta (podľa troch základných aspektov) (s. 98-106); E. Spitz. Morfematická štruktúra v esperante a v etnických jazykoch (s. 107-115); E.-D. Krause. Vývoj esperantskej lexiky a jej ďalšie rozvíjanie (s. 116-122); V. Novobilský. Využití esperanta ve vědě a technice (s. 123-129); W. Blanke. Plánovojazykové korene medzinárodnej terminologickej normalizácie a jej vplyv na esperanto (s. 130-139); E.-D. Krause. Porovnanie systému slov esperanta a bahasa indonesia (s. 140-144); P. Sgall, K. Oliva. Strojový překlad a převodní jazyk (s. 145-150); J. Pospíšil. Využití esperanta v informačních počítačových systémech (s. 151-161); V. Skalička. Esperanto jako pomocný jazyk (s. 162-164); P. Žigo. Metajazyková funkcia esperanta (s. 165-170); S. Utěšený. K perspektivám jednotného svetového jmenosloví v esperantu (s. 171-177).

A.Д. Дуличенко

Интерлингвистика в Польше имеет давние традиции. Достаточно напомнить, что один из самых удачных опытов построения международного искусственного языка эсперанто был создан именно в этой стране. Сейчас наука о международном языке в Польше переживает подъем. В шестом выпуске "Interlinguistica Tartuensia" (1989, с. 176-181) мы писали об издающейся с 1981 г. в Лодзинском университете серии научных сборников под общим названием "Międzynarodowa komunikacja językowa" ("Международная языковая коммуникация"), которая посвящена социолингвистическим аспектам современной интерлингвистики. С 1984 г. в Варшаве под редакцией Рышарда Рокицкого начала выходить еще одна интерлингвистическая серия - "Acta interlinguistica", содержащая материалы регулярно проводимых в этой стране интерлингвистических симпозиумов. Второй сборник вышел в 1985 г., а третий - в 1989 г. Серия печатается на языке эсперанто, что способствует ее широкому распространению за пределами Польши. Кроме польских авторов, в ней активно участвуют представители интерлингвистики других стран.

Основное содержание серии охватывают вопросы общей теории интерлингвистики и международного языка, структуры и функционирования языка эсперанто.

Детлев Бланке (1989) рассматривает содержание термина *planlingvo* - "плановый язык" в связи с другими обозначениями типа "мировой (всемирный) язык", "универсальный (всеобщий) язык", "вспомогательный язык", "искусственный язык", "международный язык" и др. Метаязыковым проблемам интерлингвистики посвящена работа Клауса Шуберта (1989), пытающегося не только определить грамматические и иные термины, но и связать их с соответствующими явлениями в международном рационально созданном языке. Голландский интерлингвист В.А. Ферлорен ван Темаат (1985) в статье "О причинах разногласий в интерлингвистике" освещает некоторые вопросы движения за международный язык, вскрывает причины неоднозначного подхода к оценке политических и культурно-философских основ такого языка и заключает, что для существования интерлингвистики и движения за международный язык важен учет интернациональных функций этнических языков, эсперанто и интерлингвы, а также практи-

ческих шагов по внедрению искусственного языка в социум. В статье "Основные направления лингвопроектирования в современной интерлингвистике" (1989) автор настоящего обзора рассмотрел роль и значимость априорного, апостериорного и смешанного принципов построения международного искусственного языка, определил направления апостериорного лингвопроектирования в зависимости от опоры на близкородственные, просто родственные и неродственные языки, высказал некоторые соображения о перспективности именно интерлингвистического апостериоризма, напоминая в то же время о далеко не реализованных возможностях априорного подхода. В работе Хельмара Г.Франка, сотрудника Института кибернетики Падерборнского университета (1985) "Исследования и продвижения в сфере интерлингвистики и кибернетической педагогики" на широкой экспериментальной базе рассмотрена роль интерлингвистических идей и подходов и, в частности, искусственных языков для кибернетической дидактики. Тадеуш Эйсмонт поместил две статьи, касающиеся социолингвистических аспектов: "Международный информационный порядок" (1985) и "Усиливающиеся нужды человека и международная языковая коммуникация" (1989). Эдвард Симоэнс ("Можно ли создать нейтральный трансэтнический язык на базе исторических мотиваций и закономерностей?", 1985) пытается определить те пути, которые помогли бы прочнее связать искусственный международный язык с социумом, создать ему исторический фон и перспективу. Проблемам интернациональности элементов искусственных языков, которые волнуют интерлингвистов с давних пор, посвящены две публикации – Пьера Жантона ("Существуют ли языковые критерии международнойности?", 1985) и Веры Делер ("Отношение между плановыми языками и международной языковой стандартизацией", 1989). Вера Барандовская из Чехословакии касается работ Я.А. Коменского о принципах построения искусственного языка ("Коменский и идея универсального языка", 1984).

Большинство работ серии носит эсперантологический характер. Так, первый ее выпуск (1984) почти полностью связан с эсперанто. Здесь следует отметить работы Франсуа Ло Жакомо "Свобода и авторитет в развитии эсперанто", Ежи Лейка "Генеративная грамматика – представление и критика с помощью эсперанто". Мишель Дюк Гониназ ("Лингвистические и грамматические определения в "Полном иллюстрированном словаре") и Бернард Голден ("Специальный анализ нескольких терминов в "Полном иллюстрированном словаре") обращаются к известному эспе-

рантскому толковому иллюстрированному словарю. Структуре эсперантского слова посвящены работы Рышарда Рокицкого ("Введение в лексемно-структурную классификацию эсперантской системы морфем") и Шандора Ревеса ("Корневые особенности и элементарные словесные структуры") и др. В выпуске 1985 г. заслуживают внимания статьи Дэна Максвелла "Генеративная модель эсперанто", М.Дюк Гониназа "Проблемы нормы в эсперанто", Р.Рокицкого "Фразовое ударение в эсперанто", Ф. Ло Жакомо "Эволюция и легкость эсперанто" и А.С. Мельникова "Специфичность базовых знаний лиц, пользующихся эсперанто".

В выпуске 1989 г. Д.Максвел говорит о возможностях описания эсперанто посредством обобщающей (генерализирующей) синтагмо-конструктивной грамматики, А.С. Мельников — об эсперантской паронимии. Три работы рассматривают различные аспекты эсперанто в связи с другими языками — индийскими (Яшвардхан), японским (Акико Нагата) и французским (Клод Нурмон). "Языковое планирование и современный болгарский литературный язык" — такова тема статьи Кремоны Бацевой. Специально о пазиграфической системе "сафо" западногерманского востоковеда Андре Эккардта пишет Д.Бланке (1989).

Как видим, серия "Acta interlinguistica" имеет интерлингвистическо-эсперантологическое направление и потому предоставляет нам возможность познакомиться с разнообразными подходами, которые используются ныне учеными, занимающимися вопросами международного языка. Весьма существенно, что сборники серии открыты для интерлингвистов всех стран. Ценным является также то, что публикуемые в ней исследования принадлежат преимущественно лицам, которые практически владеют каким-то международным искусственным языком и участвуют в социокультурном движении за такой язык.

Помещаем здесь библиографическое описание сборников серии и тех работ, которые отражены в настоящем обзоре.

I. Acta interlinguistica. 11-a Sciencia interlingvistika simpozio. (Varsovio, 9-13.04.1983 j.). - Varsovio, 1984. - 160 p.

F.Lo Jacomo. Libereco aŭ aŭtoritato en evoluo de Esperanto (p.13-17); V. Barandovska. Komenio kaj la ideo de universala lingvo (p.29-40); J. Leyk. Generismaj gramatikoj - prezento kaj kritiko helpe de Esperanto (p.41-54); M.Duc Goninaz. Lingvosciencaj kaj gramatikaj difinoj de Plena Ilustrita Vortaro (p. 71-75); B. Golden. Faka analizo de kelkaj ter-

dikkarakteroj kaj elementaj vortstrukturoj (p. 103-125); R. Rokicki. Enkonduko en la leksemstrukturan klasifikadon de la esperanta morfemaro (p. 127-141).

2. Acta interlinguistica. 12-a Scienca interlingvistika simpozio. (Varsovio, 27.04-01.05.1984 j.). - Varsovio, 1985. - 187 p.

E. Symoens. Ĉu eblas fondi neŭtralan interretan lingvon per historiaj motivoj, legoj? (p. 9-17); W.A. Verloren van Themaat. Pri la kaŭzoj de la malkonsentoj en la interlingvistiko (p. 19-27); P. Janton. Ĉu ekzistas kriterioj de internacieco? (p. 29-38); T. Ejsmont. Internacia komunika ordo (p. 39-45); D. Maxwell. Genera modelo de Esperanto (p. 47-56); M. Duc Goninaz. La problemo de la normo en Esperanto (p. 57-65); R. Rokicki. Vortakcento en Esperanto (p. 67-89); F. Lo Jacomo. Evoluo kaj facileco de Esperanto (p. 91-96); A.S. Melnikov. Specifeco de fonaj scioj de la personoj uzantaj Esperanton (p. 97-160); H.G. Frank. Esploroj kaj evoluigoj en la interkampo de interlingvistiko kaj kibernetika pedagogio (p. 161-174).

3. Acta interlinguistica. 13-a Scienca interlingvistika simpozio. (Varsovio, 27.04 - 01.05.1985). - Varsovio, 1989. - 172 p.

K. Baceva. Lingvoplanado kaj la nuntempa bulgara literatura lingvo (p. 9-14); D. Blanke. La termino "planlingvo" (p. 15-33); V. Dehler. Rilatoj inter planlingvoj kaj internacia lingvo-normigado (p. 35-46); T. Ejsmont. Disvolvaj bazonoj de la homo kaj internacia lingva komunikado (p. 47-56); Yashovardhan. Ĉu eblas trovi lingvotipologiajn hindcaĵojn en Esperanto? (p. 57-61); D. Maxwell. Priskribo de Esperanto pere de ĝeneraligita sintagmokonstrua gramatiko (p. 63-69); A.S. Melnikov. Paronimio en Esperanto - premisoj, mekanismo, uzado por vortludoj (p. 71-101); Ariko Nagata. Fremdaj elementoj de Esperanto laŭ la vidpunkto de japanlingvano (p. 103-110); C. Nourmont. Ambigueco de Esperanto el la semantika vidpunkto en komparo kun la franca lingvo (p. 111-117); K. Schubert. Agmanieroj, fazoj, verbaj klasoj - serĉante interlingvistikajn terminojn (p. 119-130); D. Blanke. La pazigrafio "Safu" de André Eckardt (p. 143-149); A.D. Duliĉenko. Ĉefaj tendencoj de lingvo-projektado en la moderna interlingvistiko (p. 151-172).

A.Д. Дуличенко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ
(Круглый стол интерлингвистической конференции
"Плановые языки: итоги и перспективы", Тарту,
22-24 октября 1987 г.)

Во время работы в Тартуском университете в 1987 г. конференции по интерлингвистике "Плановые языки: итоги и перспективы" был организован круглый стол, посвященный актуальным проблемам современной интерлингвистики. Однако еще до конференции был разослан список вопросов, предназначенных для обсуждения. Приводим их в сокращенном виде (в полном виде список опубликован в шестом выпуске "Interlinguistica Tartuensia").

- I. Статус интерлингвистики и ее место среди лингвистических дисциплин.
2. Интерлингвистика и инженерная лингвистика.
3. Языковая интеграция и ее значение для интерлингвистики.
4. Социальная управляемость языка: аспекты и границы.
5. Формы существования международного языка.
6. Литературный язык и международный искусственный язык.
7. Международные этнические языки и международные искусственные языки: функциональные свойства, возможности и перспективы распределения.
8. Полигенетичность и надэтничность и их влияние на структуру и функционирование международного искусственного языка.
9. Международный этнический язык и эстетическая функция.
10. Социализованные международные искусственные языки и приобретаемые ими "нелогичные" свойства.
11. Перспективы лингвоконструирования и его значение для языкознания.
12. Современное языкознание и его скептицизм по отношению к международным искусственным языкам.
13. Языковое будущее человечества, его контуры и возможности прогнозирования.

Ввиду многочисленности вопросов на конференции была обсуждена только одна их часть, а именно: № 1, 2, 3, 4, 5, 9. В связи с тем, что еще до работы конференции некоторые док-

ладчики прислали тексты своих ответов, мы публикуем здесь и их.

Ж

Ж

Ж

I. Статус интерлингвистики и ее место среди лингвистических дисциплин.

Статус интерлингвистики понимается по-разному различными исследователями. Мне кажется, что интерлингвистику следует определять так, чтобы предмет и название науки согласовывались между собой: если лингвистика есть наука о языках, то интерлингвистика есть наука об интерязыках, т.е. об интернациональных языках. Следовательно, интерлингвистика — наука об интернациональных (международных) языках (любого происхождения — естественного или искусственного). Такое понимание, по-видимому, хорошо согласовано и с традициями интерлингвистических исследований.

Так как при изучении международных языков приходится учитывать не только собственно лингвистические (структурные) особенности таких языков, но и условия их существования, т.е. социальные, психологические и иные факторы, то интерлингвистику часто понимают как интердисциплинарную теорию, фактически выводя ее за пределы языкознания. При этом забывают, что любой язык, язык вообще (а не только международный язык) также существует в определенном социальном, психологическом пространстве; это еще не делает языкознание в целом интердисциплинарной теорией. Языкознание автономно среди других наук; интерлингвистика — часть языкознания, его раздел. Социальные, психологические, логические и иные факторы в рамках языкознания и интерлингвистики рассматриваются под особым углом зрения, языковедческим, а не под углом зрения соответствующих наук.

С.Н. Кузнецов

Отсутствие четкого представления об объекте интерлингвистики приводит к тому, что ее статус до сих пор не определен не только в кругу сопредельных наук, но и дисциплин, лингвистических по сути. Объектом языкознания, как известно, является язык, рассматриваемый с точки зрения его внутреннего строения и функциональной стороны, влияющей на динамику языковых элементов и структуру в целом. Совершенно очевидно, что язык, пронизывающий все сферы человеческой деятельности

и познания, не может не интересоваться философией, историей, социологию и другие гуманитарные науки. Кроме того, исчисляемость его элементов позволяет и математике проявить к нему внимание (ср. так наз. математическое языкознание). Каждую из этих наук язык интересует по-своему, но не так многоаспектно, как само языкознание. Если традиционное языкознание интересует прежде всего этнические, или "естественные", языки, то для интерлингвистики это в первую очередь искусственные языки. Имея в виду функциональный аспект, традиционное языкознание и, в частности, ее подразделение социолингвистика занимается как этнически замкнутыми, так и трансэтническими языками. Интерлингвистику же интересуют прежде всего последние. Именно в категории трансэтнических языков (называемых также международными) и объединены интересы таких подразделений языкознания, как социолингвистика и интерлингвистика, когда речь идет об их (языков) функциональных свойствах. Строение этнических языков с интернациональными функциями (как и этнически замкнутых языков) привлекает внимание системно-структурного и исторического языкознания; интерлингвистика здесь обращается лишь к интегрирующим элементам (лексическим интернационализмам и под.) этих языков и главное внимание сосредоточивает на строении искусственно созданных языков.

Можно предложить рассматривать языкознание как некую парадигматическую модель, когда за основу берется специфика исследовательского подхода. Тогда интерлингвистика будет представлять собою один из компонентов современной лингвистической парадигмы наряду с такими, как историческое, системно-структурное, ареальное языкознание, социолингвистика, этнолингвистика и т.д. Возможен еще один взгляд на строение языкознания и место в нем интерлингвистики. Речь идет о способах обращения с языковыми элементами в виде простого их описания или же сознательного воздействия на отдельные блоки и элементы. Мы бы назвали такую модель языкознания манипуляционной. Тогда все языкознание можно было бы подразделить на описательное (ср. описательные, или регистрирующие, грамматики конкретных языков) и предписывающее (нормативные грамматики литературных языков). Интерлингвистика в этом случае должна базироваться на идеях предписывающей лингвистики, занимая более абстрактный уровень и допуская значительно большую свободу манипуляции языковыми элементами.

Таким образом, в многовариантной модели языкознания

всегда есть место для интерлингвистики, одной из самых "лингвистичных" наук XX в.

А.Д. Дуличенко

2. Интерлингвистика и инженерная лингвистика

Интерлингвистика изучает среди прочих искусственные языковые системы, предназначенные для международного общения. Поэтому она имеет точки соприкосновения с теми разделами прикладного языкознания, которые также разрабатывают искусственные языки, но иного применения (например, информационные, языки программирования и т.п.). Отсюда связи интерлингвистики с информатикой, кибернетикой, инженерной лингвистикой и т.п. Подчеркнем: связи, а не поглощение одной науки другими.

С.Н. Кузнецов

Ранее мы определили объект интерлингвистики, который выступает в виде трансэтнического языка "естественного" или искусственного происхождения (см. вопрос № I) При этом следует напомнить, что такой язык предназначен для диалога "человек - человек". Инженерная же лингвистика занимается конструированием таких искусственных систем, как информационные языки, языки программирования и т.д., которые предназначены прежде всего для диалогов "машина - машина" и "машина - человек". Если в проектах таких языков отсутствуют признаки человеческого языка ("естественного", этнического), то они становятся достоянием инженерной лингвистики. Однако следует иметь в виду, что искусственные построения, появляющиеся в инженерной лингвистике, кибернетике, информатике, зачастую моделируют категориальные свойства человеческого языка, а в последнее время стали появляться и так наз. естественно-искусственные языки, когда, например, подязык науки и техники пытаются синтезировать с чисто искусственными знаковыми системами. С другой стороны, информационные языки и языки программирования могут включать в себя элементы этнического языка. В альтернативных естественно-искусственных языках допускается значительная редукция элементов и свойств этнического языка. Однако здесь еще много вопросов, связанных с допустимой степенью редукции таких элементов и формализации. В этом плане интерлингвистика связывается с инженерной лингвистикой, однако определение интересов обоих на-

правлений до сих пор никем не установлено.

А.Д. Дуличенко

3. Языковая интеграция и ее значение для интерлингвистики

Интерлингвистика изучает процессы языковой интеграции, т.е. сближения языков в результате межъязыкового общения. Взаимосближение языков приводит, правда, не к их слиянию, а к появлению внутри этих языков подсистем, которые как бы обращены вовне языка и предназначены для "оценки" с другими языками. Так, в русском языке имеется базисная структура собственно русского происхождения, возникшая для нужд внутриязыкового общения, но в дополнение к ней появилась и система иноязычных заимствований ("ксенолексика", по терминологии Н.В. Юлманова), которая имеет непосредственные аналоги в других языках. Перевод с одного языка на другой в пределах базисного словаря очень труден, это скорее искусство, чем техника перевода; перевод с одного языка на другой в пределах ксенолексики стремится к автоматизму, это скорее техника, чем искусство. Плановые языки современного типа, предназначенные для международного общения, используют ксенолексику европейских языков и сложившиеся в ее рамках процессы автоматического перекодирования с одного языка на другой, перенося эти процессы и на базисный словарь языка.

С.Н. Кузнецов

Языковая интеграция — это объективно возникающее явление в результате длительных непосредственных или опосредованных связей между языками, родственными или неродственными. Языковая интеграция наблюдается между двумя и более соседними языками — в этом отношении важен географический фактор. Однако это явление происходит и между языками, которые располагаются друг по отношению к другу как последовательные соседи, и таким образом между ними складываются непосредственно-опосредованные отношения — такова, например, европейская культурно-языковая зона. Нередко интеграционные процессы приводят к языковым союзам. Языковая интеграция проявляется прежде всего в так наз. лексической интернационализации и, в частности, в так наз. европеизмах, в большинстве своем восходящих к греко-латинским источникам. Как известно, для построения языка апостериорной структуры лингвоизобретатели опираются прежде всего на эти элементы. Языковые союзы как

результат языковой интеграции характеризуются определенным составом общих признаков, которые создают модель, или конструктор, такого союза. Можно говорить о балканском языковом конструкте, который сформировался за счет языковых элементов групп индоевропейской семьи — славянской, романской (румынский), греческого и албанского. Для интерлингвистического конструирования знание и учет языковых конструктов такого рода очень важны. Апостериорный язык имеет больше шансов на успех, когда он опирается на элементы языковой интеграции, распространенные в определенной культурно-языковой зоне.

А.Д. Дуличенко

4. Социальная управляемость языка: аспекты и границы

Существует точка зрения, согласно которой искусственно созданный язык сохранит свою искусственную природу и в процессе своего функционирования: его эволюция будет подчинена сознательному контролю, а стихийные факторы эволюции будут устранены. На этой платформе зиждется теория языка идо; в применении к эсперанто ту же концепцию развивал Е.А.Бокарев. Однако наблюдения над реальным бытованием эсперанто показывают чрезвычайно большую значимость стихийных факторов, которым не может противостоять даже специально созданная и всеми признаваемая языковая инстанция (Академия эсперанто). Несмотря на запретительные меры академии, в эсперанто произошли определенные изменения, казавшиеся нежелательными (замена суффикса *-uj-* на *-i-* в названиях стран, заимствование целого ряда суффиксов и префиксов из соперничавшего с эсперанто языка идо, экстенсивное развитие словаря путем заимствований вместо интенсивного развития путем словотворчества и т.п.). Это означает, что искусственно созданный язык подлечит тем же законам стихийной саморегуляции, что и естественные языки, и тем самым перерождается в естественный язык в процессе своего функционирования. Социальная управляемость эсперанто, по-видимому, не большая, чем социальная управляемость, например, русского языка: директивное осуществление языковой политики в обоих случаях невозможно; языковая политика имеет больше перспектив, если она пойдет традиционным путем выработки "речевой культуры", т.е. будет стимулироваться скорее "снизу", чем "сверху".

С.Н. Кузнецов

Теория социальной управляемости языка в языкознании до сих пор не разработана. Это очень важный для человечества

вопрос и весьма перспективный в научном плане. Когда мы говорим о влиянии общества и личности как части общества на язык, то следует различать два аспекта — внутренний и внешний, или функциональный. Внутренний аспект подразумевает сознательное вмешательство человека и коллективов в систему конкретного языка. Так, хорошо известна, например, доля сознательного в нормализации особенно новых литературных этнических языков и в реформах старых, когда кодификатор или коллектив нормализаторов предписывает не те, а другие формы или единицы и узаконивает их для всеобщего употребления. В язык могут вводиться отдельные элементы и индивидуально — писателями, учеными, кодификаторами. Сюда же следует отнести и весьма активную работу по сознательному введению в язык, особенно в специальный подъязык, различного рода заимствований из других языков. Не всегда созданные на собственной базе элементы и заимствования закрепляются в языке, однако то, что таких элементов (аффиксальных, полных лексических) многие тысячи, хорошо известно. Такая ситуация отражается на стилях языка. Значит, личность, коллектив и стоящий за ними социум в состоянии управлять элементами и блоками языка. Однако совершенно очевидно, что есть границы такого управления, воздействия. Этот вопрос по отношению к этническим языкам как раз и ждет своего решения. Что же касается интерлингвистики, то она своим опытом многовекового конструирования и попытками внедрения искусственных языков в социум демонстрирует возможность такой управляемости.

Внешний аспект подразумевает регулирование функциональных свойств языка, т.е. определение тех сфер, где его использование рационально. Сюда входит весь тот круг проблематики, который закреплен ныне в так наз. языковом планировании.

А.Д. Дуличенко

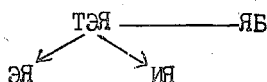
5. Формы существования международного языка

Формы существования международного языка имеют принципиальные отличия от форм существования национальных языков. Носители какого-либо национального языка в принципе могут быть одноязычны, тогда как международный язык всегда выступает в ситуации билингвизма или полилингвизма. Поэтому международный язык невозможно изолировать от процессов интерференции. С другой стороны, носители национальных языков

обычно расселены относительно компактно и замкнуты извне границами национальной территории. Носители же международного языка расселены "диффузно" (эсперантисты в этом случае применяют термин "диаспора") и не интегрируются единством территории. В этих условиях следовало бы ожидать, что международные искусственные языки будут подвержены центробежным факторам в большей мере, чем фактором центростремительным, и язык распадется на диалекты. Именно такого развития событий ожидали многие лингвисты в первые годы применения сначала волапука, потом эсперанто. Однако на деле победили центростремительные факторы, и в языке (эсперанто) установилось относительное единство, имеющее наднациональный характер. Из интегрирующих факторов назовем два: носители эсперанто, хотя и лишены общего географического ареала расселения, имеют своего рода "психологическую территорию", так как замкнуты извне самим фактом ограниченного социального приятия эсперанто; кроме того, интеграции сообщества способствуют культурные факторы (наличие общей литературы, единых международных институтов, единой символики и эмблематики и т.п.).

С.Н. Кузнецов

Имея в виду генетическую природу и функциональное предназначение, можно дать следующую схему форм существования трансэтнических (ТЭЯ) языков:

где ЯБ — язык будущего, ЭЯ — этнический язык с интернациональными функциями, ИЯ — искусственный язык международного предназначения. Ясно, что схема отражает и уже реализованные формы существования международного языка и предполагаемые. Кроме того, в развитии идеи искусственного языка международного предназначения можно выделить по крайней мере три формы существования:

всеобщий (универсальный) язык (*lingua universalis*, *langue universelle* и т.д.) — конструирование таких языков активно проводится в ХУП, ХУШ и падает со второй половины XIX в., в XX в. их конструируют редко; по структуре априорные; предназначались для всей Земли, а зачастую мыслились как языки будущего;

всемирный (мировой) язык (*Weltsprache*, *world language* и др.) — конструирование их характерно для XIX в., появляются такие проекты и в XX в.; по структуре, как правило, априор-

ные; предназначались для большей части человечества;

международный (вспомогательный) язык (*langue auxiliaire internationale, international auxiliary language* и под.) - активно разрабатываются с 80-90-х гг. XIX в. на апостериорных принципах; предназначаются как дополнительное средство при контактах между разноязычными народами.

В настоящее время перспективной в интерлингвистике считается именно форма апостериорного международного вспомогательного языка.

С точки зрения форм реализации социализованные международные искусственные языки, как и этнические, выступают в письменном и устном виде, причем, в отличие от этнического языка, для них примарной является письменная форма (устная развивается позднее, если лингвоизобретателю удастся организовать соответствующее лингвосоциокультурное движение).

С точки зрения стилевой стратификации социализованные международные искусственные языки, как и этнические литературные, вырабатывают художественный, научный, публицистический стили, а также разговорный (ср. эсперанто).

А.Д. Дуличенко

6. Литературный язык и международный искусственный язык

Международный искусственный язык выступает в первую очередь как литературный, т.е. стандартизованный с помощью литературы. В этом смысле он сопоставим с литературными национальными языками. Однако не следует преувеличивать, как это иногда делают, степень искусственности (сознательной нормированности) литературных языков вообще и литературной формы и международного искусственного языка, так как в обоих случаях действуют не только процессы сознательного нормирования, но и стихийной саморегуляции (см. вопрос № 4).

С.Н. Кузнецов

Интерлингвистика и, в частности, интерлингвистическое конструирование может найти прочную опору (чтобы не быть объявленным в качестве кабинетного экспериментирования) в теории литературных этнических языков. По нашему мнению, литературный язык и социализованный международный искусственный язык, базирующийся на живом языковом материале, представляют собой продукты одного и того же действия - апостериоризации: литературный этнический язык - это апостериорная система, формирующаяся, как правило, на базе одного (реже -

двух) диалектов конкретного языка, учитывающая отдельные особенности других диалектов, включающая в себя элементы нового языктворчества (производимого писателями, учеными и др.) и заимствования из других языковых источников. Назовем это внутриязыковой апостериоризацией. Международные искусственные языки — это так же апостериорные системы, создаваемые на базе одной или нескольких групп более или менее родственных языков, при этом в качестве интегрирующих элементов выступает лексика (прежде всего), а также грамматика (однако с большей долей искусственных решений). Назовем это межъязыковой апостериоризацией.

Таким образом, внутриязыковая апостериоризация, к которой мы привыкли, которую мы применяем, соглашаясь и пользуясь этническими литературными языками, и апостериоризация межъязыковая, на принципах которой создаются многие международные искусственные языки (например, эсперанто), — это всего лишь две ступени одного и того же процесса. Внутриязыковая апостериоризация носит более конкретный характер, отчетливо связанный с соответствующими диалектами, имеет значительные ограничения в действиях по отношению к "телу" языка, в то время как межъязыковая характеризуется большей степенью абстракции и допускает большую свободу манипулирования (языковыми категориями, элементами и под.). В этом нам видится связь этих двух форм существования языка.

А.Д. Дуличенко

9. Социализованные международные искусственные языки и приобретаемые ими "нелогичные" свойства

Нет сомнения, что в процессе своего развития социально используемые плановые языки приобретают те качества, которые в теории признаются "отрицательными": многозначность, омонимия, синонимия, широкое использование неологизмов, нелогичность некоторых сочетаний и т.п. Благодаря этим процессам искусственные языки приближаются к структурному типу естественных языков. Однако новейшая интерлингвистическая теория должна отказаться от негативного осмысления подобных фактов. Дело в том, что искусственный язык строится иерархически, в нем имеется несколько напластований различной функциональной обращенности. Так, эсперанто может по-прежнему выступать в своей "простой" форме, как это было задумано изначально, но может, например, при использовании в поэзии пользоваться и

весьма изощренной языковой техникой. Это позволяет совместить в одном языке достоинство простоты с достоинством сложности, правда, эти достоинства принадлежат различным подсистемам эсперанто.

С.Н. Кузнецов

Многозначность слов, т.е. приобретение ими разных, но схожих или связанных значений, — это естественная, необходимая и полезная черта любого этнического языка, недопустимая лишь для научных языков — математического и формального языка химии. Напротив, омонимия слов, далеких по значению, — вредное явление, и в эсперанто таких омонимов очень мало. Письменность и литература позволяют сохранять структуру языка очень долгое время, причем грамматический строй языка может быть очень простым, что можно показать на примере японского языка, в котором имеется лишь несколько исключений. Но лексика и норма использования последней не может не усложняться, отдельные слова и выражения переходят в разряд "неупотребительных", появляются языковые штампы. Все это сковывает язык, и это — реальная опасность.

Б.В. Токарев

Процесс приобретения искусственным языком черт естественного языка свидетельствует о том, что он становится настоящим языком и отходит от своей первоначальной функции вспомогательного коммуникативного средства. В этом, как нам кажется, искусственный язык просто повторяет путь естественного языка: от речевых произведений через социальную форму к индивидуальной форме. Мы считаем, что эсперанто в своей первоначальной форме (поданной Заменгофом) представлял собой вовсе не язык, а лишь речь, результат, т.е. набор символов, значимых лишь для самого Заменгофа. После этого и начинается социализация эсперанто. Постепенно проникая и закрепляясь в памяти изучающих и общающихся индивидов, эсперанто-речь-результат довольно быстро (при помощи естественного языка) превращается в языкообразную (если можно так выразиться) систему. Сравнительно удовлетворительно выполняя коммуникативную функцию (т.е. став речью-процессом), эта система приобретает форму социального языка. После этого начинается его индивидуализация. Социальный эсперанто порождает код связи своих элементов (в основном в области лексического фонда) с элементами структуры мышления конкретного индивида, общающе-

гося на эсперанто. И чем больше он индивидуализируется, тем более его носитель становится билингвом. Это значит, что он приобретает способность трансформировать свои суждения и умозаключения в речевые произведения родного языка и эсперанто. При этом данная трансформация носит характер глубокой структуры (или внутренней речи). Существование языка (как естественного, так и искусственного) может быть признано действительным лишь тогда, когда есть хотя бы два человека, обладающих подобной способностью. В противном случае — это лишь потенциальный язык. Став индивидуальным, искусственный язык не может более оставаться искусственным. Он постепенно становится естественным. При этом он приобретает черты любого естественного языка (а скорее всего черты родного языка лица, говорящего на данном искусственном языке). Синонимия и антонимия являются универсалиями мышления, и поэтому, естественно, они проникают и в социализованный искусственный язык. Они представляют собой результат классификационной работы мозга, фиксируемой категориальной структурой мышления. И синонимия и антонимия появляются в результате группировки понятий в классы, в пределах которых элементы могут соотноситься как контекстуальные заменители (при синонимии) или как контекстуальные антиподы (при антонимии). Что же касается омонимии (а в нее мы вслед за Потемной, Щербой, Фосслером, Милевским, Торопцевым и др. относим и полисемию), то она является более языковой универсалией, нежели универсалией мышления. Н. Карцевский, например, говорит об обязательной омонимичности языкового знака, под которым он понимает речевой знак-звукоряд. Мы предполагаем, что многообразие и гетерогенность референтной части понятия не дает возможности совмещать их в суждениях и умозаключениях. Существует две причины возникновения омонимов в языке. Обе они связаны с процессом словопроизводства. Первая — это случайное совпадение звукорядов, вторая является результатом словопроизводства способом трансформации. Этот способ является самым продуктивным, и то, что омонимия часто в интерлингвистике квалифицируется как "отрицательное" явление естественного языка, есть не что иное, как результат игнорирования этого факта традиционным словообразованием. В чем же причина универсальности трансформации как способа словопроизводства? Мы думаем, что причины следует искать в структуре значения слова и в природе слова как языковой единицы. Наши исследования словопроизводства в русском, украинском, чешском и словацком

языках дают возможность утверждать, что есть непосредственная зависимость между появлением омонимов и ассоциативными связями референтных частей понятий с одной стороны и с универсалией экономии средств — с другой. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что синонимия, антонимия и омонимия являются универсалиями человеческого языка как такового и неминуемо проникнут в любой искусственный язык, как только он социализуется и индивидуализируется. Вслед за Р.Якобсоном мы склонны считать омонимы и омонимойды (в традиционной терминологии полисемичные слова) "не отклонениями, а правильными образованиями определенных стилистических видоизменений". Все вышеназванные языковые универсалии являются необходимыми для нормального функционирования языка (как естественного, так и искусственного), в частности, для выхода из тупиковых коммуникативных ситуаций.

О.В. Лещак

Лингвоконструирование начиналось с требований не отражать в лингвопроекте того, что составляет "беды" этнического языка, — различные исключения из правил, деформации основ, многозначность и проч. Поэтому длительное время существовало убеждение, что рационально созданный язык должен непременно реализовать принцип "одно слово (одна форма) — одно значение". Однако как только такой язык становился достоянием коллектива и приобретал необходимые социолингвистические качества, начинал проявляться "крен" в сторону тех свойств, которые с точки зрения лингвоизобретателя оказываются неприемлемыми. Практика использования международного искусственного языка показала, что это неизбежный процесс. В 1931 г. Э.Дрезен ("Очерки теории эсперанто") заметил это и совершенно справедливо писал: "Эсперанто — живой язык, эволюция которого зависит от определенных потребностей, от определенной культуры и уровня техники, которых достиг круг эсперантистов. Эти потребности, этот уровень непрерывно изменяются. В связи с этим мы наблюдаем в эсперанто непрерывную эволюцию и непрерывные изменения как в словаре (в корневом запасе), так и в оформлении аффиксов и, в частности, грамматических окончаний". Почти полувековая практика (ко времени Дрезена) использования показала, что этот язык пойдет теми же путями эволюции, что и этнические языки. Действительно, достаточно посмотреть в толковый эсперантский словарь, чтобы убедиться, что многие слова в нем уже давно многозначны, появилась омо-

ниями (хотя и занимает пока скромное место), варианты форм и под. Вопрос этот весьма важен с точки зрения интерлингвистики и общелингвистической теории и должен планомерно разрабатываться.

А.Д. Дуличенко

10. Международный искусственный язык и эстетическая функция

Вопрос о реализации эстетической функции в международном искусственном языке еще весьма слабо разработан. Несомненно, по крайней мере, сам факт такой реализации, поскольку существует литература, всецело основанная на использовании языка как эстетического средства. В порядке постановки новой проблемы можно было бы задать вопрос: одинаково ли "эстетическое лицо" различных искусственных языков (эсперанто, идо, интерлингва, окциденталь)? Перефразируя известное изречение, можно ли сказать, что "на эсперанто с друзьями, на идо с неприятелем, на окцидентале с учеными, а на интерлингва с поэтами говорить прилично"?

С.Н. Кузнецов

Думается, что такая глобальная постановка вопроса (без указания конкретного языка) не совсем корректна, так как она неизбежно сведет его рассмотрение к апологетическому подходу, суть которого в утверждении и доказывании того, что международным искусственным языкам эстетическая функция не чужда.

В отношении языка эсперанто этот вопрос убедительно решен самой практикой бытования эсперанто (а именно, наличием на нем богатой оригинальной художественной литературы, а также многочисленных переводов шедевров мировой литературы), чего, впрочем, нельзя сказать о всех других международных искусственных языках. Поэтому мы будем далее говорить, имея в виду только язык эсперанто.

Общезвестно, что эстетика изучает два взаимосвязанных круга явлений: а) сферу эстетического, как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру, и б) сферу художественной деятельности людей (ЕСЭ, т. 30, с. 254). Возникает вопрос: с каким же кругом явлений следует соотносить эстетическое в связи с эсперанто? Думается, что только с вторым — со сферой художественной деятельности.

Представители школы эстетического идеализма в языкознании рассматривали язык как творческую деятельность индивида,

определяющуюся его особой и неповторимой духовной деятельностью. Это привело их к поиску специфического национального "духа", который якобы обуславливает все процессы изменения и развития языка (О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966, с. 520-521). Этот пример наглядно демонстрирует бесплодность соотнесения эстетического в отношении к языку с первым кругом явлений, составляющих предмет науки эстетики. Понятно, что такой, ориентированный на "национальный дух", подход тем более неприемлем в отношении языка эсперанто с его международным статусом. Гораздо важнее рассмотреть такие аспекты эсперанто, как его искусственность и творческий характер в их отношении к сфере художественной деятельности людей и, в частности, к основной социальной функции искусства, состоящей в создании художественных ценностей.

Из художественных ценностей, создаваемых с помощью языка, основной (хотя и не единственной) является художественная литература. Поскольку, как было сказано выше, таковая на языке эсперанто существует и постоянно растет количественно, закономерен вопрос: представляет ли художественную ценность эта литература? Практика бытования языка эсперанто, личный языковой опыт любого сформировавшегося, зрелого эсперантиста, общеизвестные художественные достоинства переведенных шедевров позволяют ответить на этот вопрос положительно, несмотря на изначальную искусственность языка эсперанто. Собственно, искусственность эсперанто при этом отступает на второй план и при чтении художественной литературы на эсперанто дело обстоит с ее восприятием точно также, как и при чтении художественной литературы на любом иностранном языке. Центр тяжести при восприятии идей, художественных образов того или иного произведения на эсперанто смещается в сторону значимости субъективных факторов, а именно - степени владения языком. Человек, слабо владеющий любым иностранным языком, в том числе и эсперанто, не в состоянии в полной мере освоить художественные ценности на этом языке, и уж тем более не в состоянии создавать их сам. Таким образом, уровень владения языком эсперанто является обоюдно существенным фактором - как для продуцентов художественных ценностей, так и для их потребителей. Думается, что такое грубое деление всех эсперантистов не лишено оснований, ибо не всем нам дано творить (даже на родном языке!) в высоком смысле этого слова (т.е. быть творцами художественных ценностей), и

потенциальные возможности языка, на котором создается произведение, здесь ни при чем. Не желая углубляться в апологетику эсперанто, тем не менее еще раз подчеркнем, что потенциал эсперанто (лексико-фразеологические, словообразовательные и др.), имеющие непосредственное отношение к созданию художественных ценностей, огромны.

Итак, в свете тривиального постулата единства теории и практики для полной реализации эстетической функции эсперанто необходима сугубо практическая вещь — совершенное владение этим языком и — по мере этого — переход как можно большего числа эсперантистов (при наличии прочих необходимых условий) из рядов потребителей художественных ценностей в ряды их создателей.

Таким образом, для практической деятельности в сфере обучения языку эсперанто его эстетическая функция важна не только как одна из сущностных характеристик, но и как стимул для дальнейшего совершенствования методики обучения языку. Тем самым, наряду с контактоустанавливающей ролью эстетики между языкознанием и литературоведением, намечается еще одна связующая линия: эстетика как посредник между языкознанием (эсперантологией) и методикой обучения языку эсперанто. Такое понимание эстетического в связи с международным искусственным языком наиболее полно отвечает как сложившейся эсперанто-языковой ситуации ныне, так и перспективам развития движения эсперантистов в будущем.

Н.Л. Зайченко

Рассматривая соотношение проблем интерлингвистики и эстетики, мы не отождествляем слово и произведение искусства, так как общение людей с помощью языка и общение их посредством искусства при определенных моментах сходства все же имеют отличия. К.Маркс отмечал, что язык есть практическое и действительное сознание, тогда как искусство — специфическая форма сознания, имеющая целью эстетическое освоение мира. Однако то, что лингвопроектирование в своей сути пронизано идеей творчества, направленного на единение и гуманизм, позволяет ставить вопрос о его эстетической функции. Как она реализуется?

Если обратиться к истории создания искусственного языка (ИЯ), то можно выделить несколько наиболее ярких этапов ее развития. Прежде всего это XVI-XVII вв., когда развернулся процесс теоретического осмысления новых путей эволюции обще-

ства. Он шел методом сопоставления разных видов деятельности человека, попытки их универсализации. Вспомним концепцию Лейбница об Энциклопедии, или Универсальной науке, и как ее составную часть — идею создания рационального языка. Но невозможность разрешения противоречия категорий формы и содержания, вопроса их взаимопроникновения в философских системах того времени лишь посредством логического, рационального выделяет из философии "теорию чувственного познания". В середине XVIII в. последователь Лейбница Баугартен обосновывает необходимость создания, наряду с логикой и этикой, эстетики. А в лингвопроектировании в это время происходит смещение в пользу концепции создания ИИ на основе естественного языка (ЕЯ), что произошло не без учета критики эстетической несостоятельности логического направления.

Следующим этапом является рубеж XIX—XX вв., когда обостряется борьба идеологических ориентаций и происходит распад "целостного" мировоззрения. В это время наблюдается радикальная дифференциация эстетических учений. Причины подобных явлений следует искать в социально-экономических факторах и определенный ответ на них дает материалистическая философия. Поэтому нет нужды на этом подробнее останавливаться. Попытки выхода из создавшегося положения были пестры и многочисленны, но нас интересует их разрешение в параллели "язык — живопись". Приблизительно в одно и то же время были выдвинуты идеи В.Оствальда о "синтетической филологии" и П.Гогена о "синтетическом искусстве". По значимости учета эстетической функции превалирует последняя. К сожалению, обе они не получили должного развития по ряду причин. В синтетическом языкознании прежде всего проявлялась ущербность, выразившаяся в том, что базовыми для него служили языки "цивилизované", даже без учета эсперанто. П.Гоген же сумел в своем творчестве соединить два видения — наивное и интеллектуальное, традиции нескольких культур. Споры может вызывать манера их реализации. Тогда обратимся к работам Николая и Святослава Рерихов. Важно то, чтобы в своем творчестве автор создавал художественный образ (картина, текст), синтезируя общие эстетические категории разных культур.

В свое время А.А. Потебня, развивая во многом идеи В.Гумбольдта, отмечал значение образа, заложенного во внутренней форме слова, с гносеологической и эстетической точек зрения. При разработке своей концепции он большое внимание

уделял изучению мифов, точнее раскрытию роли языка в создании мифов. Мифологическое мышление, согласно А.Потебне, присуще "не какому-либо времени, а людям всех времен, стоящих на известной ступени развития мысли". Он выделял два вида мифов. Для нас определенный интерес представляет миф-сравнение, объясняющий предметы по аналогии.

Должна ли интерлингвистика учитывать это? Несомненно. Какова роль мифа, например, в произведениях Ч.Айтматова, пишущего на одном из международных ЕЯ - русском, соединяющего традиции европейской и азиатской культур? Какова при этом степень реализации эстетической функции русским словом? Как Х.Кортасар в слове другого международного ЕЯ - испанского добивается синтеза европейской и латиноамериканской культур? Таких вопросов появляется все больше и больше. Может показаться, что они относятся не к предмету лингвистики, а к философии культуры (В.Гумбольдта). Однако такие проблемы должны и могут решаться интерлингвистикой в тесном сотрудничестве со сравнительным литературоведением (каким его видел В.М. Жирмунский), с искусствоведами, мастерами перевода, в контакте не только с социолингвистикой, но и этнолингвистикой. Объем проблематики интерлингвистики к концу XXв. увеличивается по мере выравнивания этнических языков и при их перерастании в языки литературные, при возрастании их количества и при всем этом большей интернационализации сфер деятельности Человека.

С.В. Ткачев

Надо сразу сказать, что эстетическая функция рационально созданного языка при его проектировании не всегда оказывалась на первом месте. Напротив, чаще всего язык создавался из убеждения, что он нужен прежде всего для контактов между разноязычными людьми, т.е. акцентировалась как бы его коммуникативная функция. Однако, построив грамматику, лингвизобретатель должен был продемонстрировать гибкость и красоту своего языка, для чего он начинал переводить на него произведения национальной литературы, а затем и принимался творить сам на своем языке. Так поступали многие лингвизобретатели, в том числе и создатель эсперанто. Традиционно, однако, все еще многие специалисты полагают, что международный искусственный язык - это только язык-посредник, язык практического контакта. Столетняя история эсперанто показала, что искусственный язык стремится к тем же проявлениям, к тому же

самому выражению, что и любой этнический язык. На эсперанто уже создана большая литература, оригинальная и переводная, существует, таким образом, эсперантская литература как компонент мировой литературы. Наличие поэтов и писателей, пишущих только на этом языке, говорит о серьезности процесса. Нам не достает лишь его фундаментального осмысления.

А.Д. Дуличенко

II. Перспективы лингвоконструирования и его значение для языкознания

Лингвопроектирование еще не исчерпало своих возможностей. Ни эсперанто, ни идо, ни интерлингва не закрывают своим существованием путей поиска новых, возможно более совершенных форм искусственного языка. Однако при таком поиске неперенным условием является учет опыта существующих систем, в первую очередь эсперанто, как наиболее распространенной системы.

С.Н. Кузнецов

Одним из недостатков современной лингвистики в целом является то, что еще вчера было ее достоинством: узкая специализация ее отдельных дисциплин. В настоящее время необходима координация целей и задач отдельных отраслей языкознания. Сейчас уже не может быть оправдана замкнутость в рамках своей отрасли, решение минимальных задач без учета общелингвистических. Это прежде всего касается интерлингвистики. Хотелось бы подробнее остановиться на связи этой дисциплины с отраслями языкознания, изучающими язык с точки зрения его связи с мышлением и психикой человека.

Любой естественный язык является одновременно продуктом речи и мышления. Любая внутренняя речь (у Выготского, Лурия; языковое мышление у Бодуэна де Куртенэ; глубинная структура у Хомского) должна служить переходным звеном, трансформирующим информацию, выработанную мышлением одного индивида, в речевое знаковое произведение, которое может быть дешифровано другим индивидом. Таким трансформационным средством является язык. Любой естественный язык первоначально был порожден речью в качестве средства ее дешифровки и упорядочения. У А.Сеше читаем: "Речь организуется более или менее по законам языка, который она сама создала, чтобы быть более ясной и действенной". Но нельзя считать, что речь могла возникнуть при совершенном отсутствии языка даже в зародышевом состоя-

нии. Эту же мысль встречаем у М.В. Панова: "В эволюции ничего не возникает на голом месте. И если мы признаем, что человек некогда вырос из обезьяны, нам трудно отказать самому близкому из наших родственников в каких-то элементарных зачатках языкового поведения (а точнее в потенциальной способности пользоваться знаками-символами)". Скорее всего все три стороны оборота информации — мышление, внутренняя речь и внешняя речь — возникали одновременно, взаимостимулируя развитие друг друга. Наблюдения за речью и языком детей, глухонемых и лиц с афазиями (исследования Блумфилда, Бодуэна де Куртенэ, Лурия, Леонтьева, Слобина, Пиаже, Негневицкой и Шахнаровича и др.) дают возможность не только воссоздать приблизительную картину возникновения процессов оборота информации, но и применять это знание на практике лингвоконструирования. Прежде всего, очевидно, оформилась речь, т.е. сигнальная сторона оборота информации (заметим, что с этого начинал до сих пор свое существование каждый плановый язык). Тут же следует отметить, что именно в форме внешней речи проходит первоначальное мышление ребенка. Затем развилась внутренняя речь (вербальное мышление) и язык, которые затем окончательно оформили невербальное мышление. По поводу последнего можно привести высказывание Миллера, Галантера и Прибрама: "Словесная форма Плана — это костыль обучающегося, от которого он позднее отказывается, когда научается ходить самостоятельно". Невербальное мышление — наиболее сложное явление оборота информации. Оно одновременно является источником и продуктом внутренней речи. Трудно себе представить, чтобы внешняя речь могла возникнуть при полном отсутствии невербального мышления, являющегося источником информации и побудителем к коммуникации. Скорее всего оно существовало у первобытного человека как невербальное образное (как у животных). Возникновение вербального мышления создало предпосылки для революционного скачка в обороте информации, а именно предпосылки для создания невербального обиходно-логического мышления. С его помощью человек может создавать новую информацию, а не только извлекать ее из окружающей действительности. В мышлении каждого человека есть то, чего нет пока ни в его же языке, ни в его речи, ни тем более в социальной памяти. В гносеологическом отношении его характер триедин. Оно одновременно рациональное, образное и эмпирическое. В плане функционирования оно многомерно, а не линейно,

как внешняя речь. Среди иных функций мышления одной из главных является функция образования единиц языка и функция контроля за организацией глубинной структуры, т.е. внутренней речи. Доказательством этого могут служить выводы многих ученых (Бодуэна де Куртене, затем Негиевицкой, Слобина и др.) о создании ребенком своего языка. Это может свидетельствовать о том, что способность к невербальному мышлению и языкотворчеству передается современному человеку генетически. Следовательно, нужно изучить структуру человеческого невербального мышления и его способность к образованию языка и поставить их на службу лингвопроектированию. Все вышесказанное самым непосредственным образом связано с плановыми языками, поскольку они прежде всего являются языками, т.е. системой, предназначенной для трансформации информации человеческого мышления в коммуникативные знаки. Основным критерием, который должна выдвигать современная интерлингвистика, по нашему мнению, должно быть подчинение планового языка всем требованиям языка как такового, т.е. всем законам, являющимся универсальными для всех языков и для человеческого мышления в целом.

Поэтому нам представляется необходимым сделать следующий вывод. Нынешний этап развития интерлингвистики должен стать поворотным. Это значит, что должны быть пересмотрены конечные и ближайшие цели лингвоконструирования. Необходимо объединить силы ученых, занимающихся интерлингвистикой, психолингвистикой, ономастологией и нейролингвистикой, языками вычислительной техники и языковым поведением животных, речевым и языковым поведением детей и лиц с психическими нарушениями языка и речи. В пересмотре нуждаются, как нам кажется, и сами принципы построения планового языка. Современное состояние науки дает возможность выдвинуть более обоснованные требования к искусственным языкам. Из трех требований: международность, однозначность и обратимость, выдвинутых некогда соответственно О.Есперсеном, В.Оствальдом и Л.Кутора, необходимо, очевидно, оставить лишь первый. Но при этом следует понимать его как универсальность, а не просто как общность речевых элементов. Остальные два должны быть отвергнуты, как противоречащие характеру человеческого мышления и языка.

О.В. Лащак

В принципе возможно создание нового языка, сопоставимого по своим качествам с эсперанто, причем единственным критерием этого качества является практика. Поэтому любой новый проект языка вынужден конкурировать с эсперанто, а успех при этом маловероятен, поскольку на эсперанто уже создана своя культура. Такая конкуренция имела бы смысл, если бы требовалось много международных языков (как требуется много высокохудожественных произведений искусства, технических новинок — чем больше, тем лучше). Но нужен только один такой язык. Поэтому целесообразно наиболее удачные черты (элементы) различных языков (или проектов таковых) вводить в эсперанто; к этому призывал Л. Заменгоф, это и происходит на практике. Создалась ситуация, подобная той, как если бы кто-то предлагал, допустим, новые системы элементов, конкурирующие с менделеевской. Поэтому проектирование бытовых языков нецелесообразно. Напротив, проектирование "философских" языков, создание системы понятий и грамматик позволило бы глубже проникнуть в логику мышления, и безусловно полезно. Подтверждением этого является то, что китайская письменность, несмотря на свою архаичность, в течение тысячелетий доказывает свою жизнеспособность, а ведь она и основана именно на системе понятий.

Б.В. Токарев

Интерлингвистическое конструирование прошло длительный путь развития. Начиналось оно с построения априорных систем (так наз. философских, априорно-философских языков), затем появились проекты, в которых проскальзывали элементы живых языков и, наконец, лингвоконструирование главное свое внимание устремило на апостериорный принцип, который ныне и признается перспективным. В социальном смысле он перспективен для тех культурно-языковых и географических зон, на базе которых строится соответствующая апостериорная система. Совершенно очевидно, что принцип апостериоризма наиболее удачно воплощен в эсперанто, а также в ido, новиале, нео, в натуралистических проектах типа окциденталь-интерлингва, интерлингва и некоторых других. Это, конечно, не значит, что апостериорное конструирование исчерпало свои возможности — напротив, учитывая опыт названных языков, оно должно развиваться в направлении расширения своей материальной базы, базы опоры. Опора, например, не только на романские, германские, а также славянские элементы, как это делалось и делается, но

также на материал других групп в пределах индоевропейской семьи — это одно из перспективных направлений апостериорного лингвопроектирования. В то же время надо подчеркнуть, что и априорное лингвоконструирование не исчерпало до конца своих возможностей. Тут еще много неясного. По крайней мере, можно напомнить, что, например, проекты, возникающие в рамках так наз. космолингвистики, в известной мере могут опираться на те принципы, которые выработал интерлингвистический априоризм.

Что касается значения интерлингвистического конструирования для языкознания, то оно до сих пор в полной мере не оценено. Ведь в интерлингвистике раньше либо одновременно с развитием традиционного языкознания разрабатывались идеи знакового характера языка, инвариантности его элементов и т.д. См. также вопрос № 6.

А.Д. Дуличенко

13. Языковое будущее человечества, его контуры и возможности прогнозирования

В принципе языковое будущее человечества можно прогнозировать, но вряд ли можно планировать. Сейчас налицо тенденция к исчезновению малых, в первую очередь бесписьменных языков, но стабилизация письменных, особенно языков крупных наций, а также увеличение числа языков, применяемых в международной коммуникации. Языковая пирамида сужается у основания, но расширяется в своих верхних ярусах. Подобное развитие не предвещает скорого возникновения единого общечеловеческого языка, скорее оно предвещает "разбухание" ксенолексики как скрытой формы международной коммуникативной системы. В этих условиях вполне вероятно использование международного искусственного языка как посредника между национальными ксенолексическими подсистемами, т.е. как своего рода международного инварианта ксенолексических систем.

С.Н. Кузнецов

В современном мире, в котором стремительно возрастает количество межэтнических контактов и общий культурный уровень народов, имеется тенденция к выделению из этнических и целенаправленно созданных языков языков регионального общения, с постепенным отмиранием языков малых этнических групп. Поэтому общее количество языков постепенно уменьшается, что

в принципе должно привести к одноязычию. Победит тот язык, на котором будет создана наиболее богатая культура; на этом языке должны найти высокохудожественное и адекватное воплощение лучшие произведения литератур, написанных на других языках; обязательно должна иметься научная литература, глубоко и всесторонне охватывающая все области знания. Но этот процесс очень длителен и может идти в течение тысячелетий.

Б.В. Токарев

Мне кажется, что языковое будущее нашего человечества отразит те же диалектические закономерности, которые характеризуют и современный языковой мир: с одной стороны, будет существовать разнообразие языков, большинство из которых останутся замкнуты в своих этнических границах, с другой стороны, отдельные языки (этнические или искусственные) получают трансэтнический статус и будут в качестве дополнительного функционального средства обслуживать отдельные стороны жизни человечества. Ведь трансэтнические, обычно крупные, языки невозможны сами по себе, без существования нетрансэтнических, т.е. этнически замкнутых языков. Это диалектика. Особенность, когда мы говорим о далеком будущем, заключается лишь в том, что трансэтнические тенденции в мире поступательно будут развиваться, усиливаться. Какова будет функциональная дистрибуция таких языков, пока сказать трудно, как и трудно наметить хотя бы общие их структурные контуры. Если говорить об этнических языках такого статуса, то, вероятно, они должны будут кумулировать в себе достаточное число интернациональных элементов. Если иметь в виду искусственные языки, то относительно их структуры могут быть высказаны различные соображения. Например, Э.П. Сवादост полагал, что будущий единый общечеловеческий язык должен вобрать в себя "лучшие" элементы этнических языков. Это, как нам думается, привело бы, по сути, к его априорности. Если же настаивать на преимуществе принципа апостериорности, то тогда более перспективной представляется мысль о наличии нескольких таких языков, каждый из которых будет обслуживать соответствующую культурно-историческую и географическую зону.

Совершенно очевидно, что о языке будущего мы можем высказывать лишь самые общие мысли, опираясь при этом на реальные тенденции развития современного языкового мира.

А.Д. Дуличенко

ПИСЬМА И ОТКРЫТКИ Л.ЗАМЕНГОФА К А.А. САХАРОВУ
(публикация Н.П. Степанова)

В 5-ом выпуске серии "Interlinguistica Tartuensia" (Ученые записки Тартуского ун-та 1988, вып. 79I) на страницах 163-182 опубликованы письма Л.Заменгофа, хранящиеся в архиве проф. Е.А. Бокарева (Москва). Разыскивая материалы по истории отечественного эсперанто-движения в одном из архивов Москвы (ЦГА РСФСР), я обнаружил в личном фонде А.А. Сахарова еще несколько открыток Л.Заменгофа, адресованных А.А.Сахарову. И хотя они носят в основном деловой характер, полагаю, что для целей полноты стоило бы напечатать и их дополнение к вышеупомянутой публикации. Здесь я придерживаюсь такой же формы изложения, которую избрала Л.Е. Бокарева-Лопатина.

1) ЦГА РСФСР, ф. 626, оп. I, д. IO, л. II7.

Письмо-записка на именной бумаге формата 130x210 мм, перегнуто пополам, слева вверху - типографский оттиск:

D^{ro} L.L. Zamenhof

Varsovio, str.Dzika N 9

9/VI-1913

Kara Sinjoro.

Laŭ via deziro mi sendis al vi 300 ekz. de la lernolibro N 77. - La "Universalan Vortaron" mi plu ne havas; Vi povus ĝin ricevi de la firmo Hachette.

La nominala kosto de la 300 lernolibroj estas ... 75 r.00

Rabato 50% 37. 50

Sekve ŝuldas al mi pro la senditaj libroj ... 37 r.50koj

Via (subskribo)

Примечание: Слева по листу - надпись другим почерком, тоже черными чернилами: Получ. I/VI 299 эк. Вписано в счет 3738.

Открытки (стандартные, типографского исполнения; формата 94x138 мм).

2) ЦГА РСФСР, ф. 626, оп. I, д. II, л. 7.

Лицевая сторона:

Poŝta karto

Открытое письмо. - Carte postale

Г. Москва

Лубянский проезд № 3

Г-ну А.А. Сахарову

Штемпель Варшавы удален почти целиком вместе с маркой.

Моск. штемпель - дата: 25.II.1913 - 24 5

Оборотная сторона:

D^{ro} L.L. Zamenhof

Varsovio, str.Dzika, N 9

7/III 1913 (sic!)

Kara Sinjoro!

La cent rublojn mi danke ricevis kaj enskribis.

Vian novan adreson mi notis.

Via (subskribo)

---

3. ЦГА РСФСР, ф. 626, оп. I, д. II, л. 63.

Лицевая сторона: Poŝta karto

Открытое письмо. - Carte postale

Две марки: Оранжевая - достоинством в 1 коп.

Зеленая - достоинством в 2 коп.

Штемпель: Варшава - неразборчиво. Москва - 19. III. 1913-245

Г. Москва

Лубянский проезд № 3

Г-ну А.А. Сахарову

(Книжный магазин "Эсперанто")

На обороте:

D^{ro} L.L. Zamenhof

Varsovio, str.Dzika, N 9

28/III 1913

Kara Sinjoro!

De s-ro V.Jarkov el St. Revda mi ricevis por Vi la sumon de

2.rubloj 8 kop. Mi enskribis tiun sumon en Vian krediton.

Via (subskribo)

Примечание: Надпись внизу открытки карандашом:

Отмечено 2р. 08 к.

---

4) ЦГА РСФСР, ф. 626, оп. I, д. II, л. 64.

Лицевая сторона:

г. Москва

Тверская 26

Г-ну А.А. Сахарову.

Марка: красная - достоинством 3 коп.

Штемпель: Варшава, IV Экспедиция - 24.I.I3. - 8.

Московский штемпель отсутствует.

Оборотная сторона:

4/II-1913

Kara Sinjoro!

La 200 rublojn mi danke ricevis kaj enskribis. Laŭ mia libro
Via ŝuldo al mi estas en la nuna tempo 1018 r. 40 kop.

Via (subskribo)

---

5. ЦГА РСФСР, ф. 626, оп. I, д. II, л. 65.

Лицевая сторона:

г. Москва

Лубянский проезд № 3

Г-ну А.А. Сахарову

Марки вместе со штемпелем сорваны.

Оборотная сторона:

11/VI 1913

Kara Sinjoro!

La cent rublojn mi danke ricevis kaj enskribis.

Kun la resto de la ŝuldo mi atendas.

Via (subskribo)

---

6) ЦГА РСФСР, ф. 626, оп. I, д. II, л. 66.

Лицевая сторона:

г. Москва

Книжный магазин "Эсперанто"

Лубянский проезд № 3

Moskau
Russland

Марки удалены. Сохранилась
часть штемпеля: NEV и дата: 22.

Часть моск. штемпеля: Мос и дата: 12.

Оборотная сторона:

(sen dato)

Kara Sinjoro!

Iaŭ via deziro mi sendigis al Vi 200 ekz. de mia rusa-esperanta vortaro. La kalkulon mi sendos al vi post mia reveno hejmen.

Via (subskribo)

LETEROJ KAJ POŝTKARTOJ DE L. ZAMENHOF AL A.A. SAĤAROV

Nikolaj P. Stepanov

En la V-a kajero de artikolaro "Interlingvistika teorio kaj praktiko de internacia helpa lingvo" (Interlinguistica Tartuensis - V, Sciencaj Notoj de Tartua Ŝtata Universitato, 1988, vol. 791) sur paĝoj 163-182 estis publikigitaj leteroj de L. Zamenhof, kiuj situas en arkivo de prof. E.A. Bokarev (Moskvo). En unu de moskvaj arkivoj oni sukcesis trovi ankoraŭ kelkajn (entute 6) poŝtkartojn de L. Zamenhof, adresitaj al A.A. Saĥarov, fondinto de librejo kaj librovendejo "Esperanto" en Moskvo. Kaj kvankam ili estas simple aferaj, ŝajnas, ke, pro kompleteco, ili indas esti publikigitaj. La formo de prezento estas la sama, kiel en antaŭa publikaĵo de L.E. Bokarev-Lopatina.

С о д е р ж а н и е

Академик Пауль Аристе (3.П.1905-2.П.1990) - Akademiano Paul Ariste (3.II.1905-2.II.1990)	4-5
Слово об П.Аристе	8
<u>Дуличенко А.Д.</u> Языкотворчество как (интер)лингвисти- ческая проблема	10
<u>Мельников А.С.</u> Семантические аспекты планового меж- дународного языка (полисемия, метафоризация, синонимия)	29
<u>Кузнецов С.Н.</u> Лингвистическая и социальная история идиом-неутрала (часть 2)	42
<u>Валмет А.</u> Развитие эстонского литературного языка (вопросы реформирования, нормализации и коди- фикации в 1900-1940 гг.)	52
<u>Клоссе М.</u> Новопруссский язык: "Толькемита" и "Пруса".	72
<u>Свежинский В.М., Шевченко Г.И.</u> Латинский язык в Белоруссии XIV-XVIII вв.	117
История и современное состояние интерлингвистики (Документы, обзоры, рецензии)	
<u>Язык</u> и международное общение	127
<u>Проблемы</u> интерлингвистики	130
<u>Acta interlinguistica</u>	134
<u>Актуальные</u> проблемы современной интерлингвистики (круглый стол интерлингвистической конферен- ции)	138
<u>Письма и открытки</u> Л.Заменгофа к А.А. Сахарову (публикация Н.П. Степанова)	162

Enhavo

Akademiano Paul Ariste (3.II.1905-2.II.1990).....	4-5
Parolo pri P.Ariste	8

<u>Duliĉenko A.D.</u> Lingvokreado kiel lingvistika kaj interlin- gvistika problemo	10
<u>Melnikov A.S.</u> Semantikaj aspektoj de plana internacia lin- gvo (polisemio, metaforigo, sinonimoj).....	29
<u>Kuznetsov S.N.</u> Lingva kaj socia historio de Idiom Neutral (parto 2)	42

<u>Valmet A.</u> Evoluo de estona literatura lingvo (problemoj de reformado, normigado kaj lingva kodeksigado dum 1900-1940)	52
<u>Klosse M.</u> Neuprussisch: "Tolkemita" und "Pruŝa"	72
<u>Svejinski V.M., Chevtchenko G.I.</u> La langue latine en Bié- lorussie aux XIV-XVIII s.	117

Historio kaj nuntempa stato de interlingvi- stiko (dokumentoj, revuoj, recenzoj)

<u>Jezik</u> i međunarodno komuniciranje (Lingvo kaj internacia komunikado)	127
<u>Problémy</u> interlingvistiky (Problemoj de interlingvisti- ko)	130
<u>Acta</u> interlinguistica	134
<u>Aktuala</u> aj problemoj de l'nuntempa interlingvistiko ("ronda tablo" dum interlingvistika konferenco).....	138
<u>Leteroj</u> kaj postkarto	
de L.Zamenhof al A.A.Saĥarov (preze- nto de N.P.Stepanov)	162

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 904.

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ И
ЯЗЫКОВЫЕ РЕФОРМЫ.

Сборник памяти академика Пауля Аристе.
Interlinguistica Tartuensis 7.

На разных языках.

Резюме на разных языках.

Тартуский университет.

ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко.

Подписано к печати 10.09.1990.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Ученото-издательских листов 10,42. Печатных листов 10,5.

Тираж 400.

Заказ № 579.

Цена 3 руб. 10 коп.

Типография ТУ, ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.